

ISSN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№3(13) | No. 3(13)
СЕНТЯБРЬ | SEPTEMBER 2024

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

Искусство диалога
и общения

📍 Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

📞 +7 (495) 252-67-88

🌐 www.nicrus.ru

✉️ institut@nicrus.ru

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
**РОССИЯ И МИР:
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ**

№ 3(13) | №. 3(13)
СЕНТЯБРЬ | SEPTEMBER 2024

18+

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

— печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека
Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российской индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторской на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2024-4-3(13)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт
развития коммуникаций»
119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН
107031, Российской Федерации, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»
Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»
119034, Российской Федерации,
Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1
Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>
Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты. Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстранных и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2024

© АНО «Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций», 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистан, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Арманис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Слава Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

ISSN 2782-3067
9 772782306007 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2024-4-3(13)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

- print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation
ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka".

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12
Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84
www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,
Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2024

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2024

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В.

От главного редактора..... 14

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Сутырин В.В.

Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления 22

Коновалов И.А.

Трансформация интересов постсоветской России в Азиатско-Тихоокеанском регионе..... 34

Сугоняев П.М.

Прагматизм и идеология в российско-германских энергетических отношениях..... 47

Матвеев И.А.

Интерес арабских стран к интеграции в Евразии: тактика или стратегия? 61

Нессар М.О.

Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг. 78

Санакоев И.Б.

Республика Южная Осетия в условиях региональных угроз безопасности..... 90

Абалова Н.Ж., Троицкий Е.Ф., Погорельская А.М., Кудаяров К.А.

Россия как объект научных исследований в Кыргызстане..... 102

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы

Политическая социология

Яковлев А.И.

Эволюция систем ценностей в «эпоху больших перемен»:
общие вызовы и проблемы 120

Барахвостов П.А.

Интеграционные проекты и институциональные матрицы..... 132

Жуликов С.Е., Жуликова О.В.

Подготовка специалистов в сфере искусственного интеллекта в университетах России и стран Центральной Азии: позиции в рейтингах и возможности сотрудничества..... 142

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Петросян А.Г.

Армяно-сирийские отношения: исторический опыт и современное состояние 162

Гришин Я.Я., Летяев В.А.

Против кого на самом деле мобилизовывалась польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.? 173

Батырбаев Б.С.

Политика памяти в Кыргызстане: формирование национальной идентичности в контексте образования Кара-Кыргызской автономной области 188

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

Бочаров Ю.Б.

Выборы Президента России в зарубежных странах в 2024 г. и фиаско несистемной оппозиции 202

Табак В.Н.

К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989–2023) 222

CONTENTS

Naumkin V.V.

Editor-in-chief Forward 14

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Sutyrin V.V.

Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure 22

Konovalov I.A.

Transformation of Post-Soviet Russia's Interests in the Asia-Pacific Region 34

Sugonyaev P.M.

Pragmatism and Ideology in Russian-German Energy Relations 47

Matveev I.A.

Arab Countries' Interest in Integration in Eurasia: Tactics or Strategy? 61

Nessar M.O.

Features of Afghanistan Governance in the Period 2021–2024 78

Sanakoev I.B.

The Republic of South Ossetia in the Context of Regional Security Threats 90

Abalova N.Dzh., Troitsky Y.F., Pogorelskaya A.M., Kudayarov K.A.

Russia as an Object of Scientific Studies in Kyrgyzstan 102

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Yakovlev A.I.

Evolution of Value Systems in the "Era of Great Changes": General Challenges and Problems 120

Barakhvostov P.A.

Integration Projects and Institutional Matrices 132

Zhulikov S.E., Zhulikova O.V.

Training Specialists in the Field of Artificial Intelligence at Russia and Central Asian Countries Universities: Ranking Positions and Cooperation Opportunities 142

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Petrosian A.G.

Syrian-Armenian Relations: Historical Background and Current State 162

Grishin Ia.Ia., Letiaev V.A.

Against Whom was the Polish Army Actually Mobilized on the Eve of the "September Catastrophe" of 1939? 173

Batyrbayev B.S.

The Politics of Memory in Kyrgyzstan: The Formation of National Identity in the Context of the Formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region 188

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Bocharov Y.B.

The Results of the President of Russia Elections in Foreign Countries in 2024 and the Fiasco of the Non-Systemic Opposition 202

Tabak V.N.

On the Issue of Symbolic Politics in Modern Moldova (1989–2023) 222

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Представляем вам новый выпуск нашего журнала с результатами исследований ведущих российских и зарубежных ученых. В материалах журнала анализируется роль России в процессах, происходящих в различных регионах мира.

В разделе «Международные, глобальные и региональные процессы» представлены исследования общих и частных вопросов формирования нового мирового порядка, развития большого евразийского пространства и двусторонних отношений России с зарубежными странами.

Процессы изменения миропорядка и их следствия для евразийской интеграции в геополитическом, геоэкономическом и культурно-гуманитарном измерениях рассматриваются в статье В.В.Сутырина «Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления». Авторский анализ трансформаций постсоветского пространства дает возможность показать основные риски и вызовы для стран региона. Среднесрочные вызовы для интеграционных процессов связаны с проблемами энергоперехода, информационно-коммуникативной революции, политики США и других стран Запада по сдерживанию и торможению технологического прогресса России, Китая и других незападных стран. По мнению автора, с одной стороны, существует угроза закрепления постсоветской Евразии на периферии процессов мирового развития. С другой стороны, возникают предпосылки для ускоренной интеграции. Автор рекомендует усилить и сделать магистральным направление евразийской интеграции в области научно-технологического взаимодействия стран на основе взаимной выгоды, доверия и при лидирующей роли России.

Интересы России в регионе АТР рассматриваются И.А.Коновалов в статье «Трансформация интересов постсоветской России в Азиатско-Тихоокеанском

EDITOR-IN-CHIEF FORWORD

Dear readers!

We present to you a new issue of our journal with the research results by leading Russian and foreign scientists. The materials of the journal give an idea of the role of Russia in the processes taking place in different regions of the world.

The section "International, Global and Regional Processes" presents studies of general and specific issues of the formation of a new world order, the development of a large Eurasian space and bilateral relations between Russia and foreign countries.

The change in the world order and its geopolitical, geo-economic and cultural-humanitarian consequences for Eurasian integration are considered in the article by V.V.Sutyrin "Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure". The analysis of the transformations of the post-Soviet space shows the main risks and challenges for the countries of the region. Medium-term challenges for integration processes are associated with the problems of energy transition, the information and communication revolution, the policy of the United States and other Western countries to contain and slow down the technological progress of Russia, China and other non-Western countries. According to the author, on the one hand, there is a threat of consolidating post-Soviet Eurasia on the periphery of world development processes, on the other hand, prerequisites for accelerated integration arise. The author recommends strengthening and making the main direction of Eurasian integration of countries in the field of scientific and technological interaction based on mutual benefit and trust with Russia playing a leading role.

I.A.Konovalov examines Russia's interests in the Asia-Pacific Region in his article "Transformation of Post-Soviet Russia's Interests in the Asia-Pacific Region". The challenges that Russia faced after the collapse of the USSR contributed to the transformation of its interests

в регионе». Вызовы, с которыми столкнулась Россия после распада СССР, способствовали трансформации ее интересов в АТР, экономической диверсификации, развитию совместных инфраструктурных проектов и укреплению военно-стратегического взаимодействия с азиатскими партнерами, и прежде всего с Китаем и странами АСЕАН, АТЭС. Стремление России к укреплению экономических связей со странами АТР носит системный характер и охватывает множество направлений. Рассматривая эти направления и конкретные проекты сотрудничества в АТР, автор приходит к выводу о том, что стратегическая переориентация России на АТР становится важным элементом ее внешнеполитической доктрины, но России следует «продолжать искать баланс между укреплением национальной безопасности и развитием экономических связей».

В статье П.М.Сугоняева «Прагматизм и идеология в российско-германских энергетических отношениях» анализируются исторические и актуальные аспекты двусторонних отношений, их особенности, последствия и результаты проводимой ФРГ энергетической политики. Автор отмечает, что политика экономического прагматизма в последние годы сменилась в ФРГ политикой идеологизированности отношений с Россией, что ведет к утрате суверенитета в сфере снабжения энергией. Материалы статьи содержат статистические данные об энергетическом сотрудничестве России и Германии и о динамике немецкой энергетики. Автор аргументирует вывод о снижении возможностей Германии на мировой арене в результате сокращения экономической мощи из-за разрыва поставок энергоносителей из России и усиления уязвимости политической системы Германии под внешними влияниями.

Сложный вопрос об интересах арабских стран в евразийской интеграции рассматривается в статье И.А.Матвеева «Интерес арабских стран к интеграции в Евразии: тактика или стратегия?». В условиях растущего сопротивления государств Глобального Юга западной повестке Россия предлагает своим арабским партнерам формировать отношения на основе справедливого учета взаимных интересов. Арабский мир воспринимает Россию как государство-цивилизацию, которое является локомотивом интеграции Незапада. Особый интерес вызывает Шанхайская организация сотрудничества как платформа для координации действий центров силы – Индии, Китая и России – и как организация, к которой присоединился Иран – региональный соперник Саудовской Аравии. В ходе своего исследования автор статьи приходит к выводу о преимущественно стратегическом характере интереса арабских стран к интеграции в Евразии, включая сотрудничество с Россией.

Научный и практический интерес вызывает статья М.О.Нессара «Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг.», в которой рассма-

in this region, economic diversification, development of joint infrastructure projects and strengthening of military-strategic cooperation with Asian partners and, above all, with China and the ASEAN and APEC countries. Russia's desire to strengthen economic ties with the countries of the Asia-Pacific Region is systemic and covers many areas. Examining these areas and specific cooperation projects in the Asia-Pacific Region, the author concludes that Russia's strategic reorientation to the Asia-Pacific Region is becoming an important element of its foreign policy doctrine, but Russia should "continue to seek a balance between strengthening national security and developing economic ties".

The article by P.M.Sugonyaev "Pragmatism and Ideology in Russian-German Energy Relations" analyzes historical and current aspects of bilateral relations, their features, and the results of the energy policy pursued by Germany. The author notes that the policy of economic pragmatism in recent years in Germany has been replaced by an ideological policy in relations with Russia, which leads to the loss of sovereignty in the energy supply sphere. The article contains statistical data on energy cooperation between Russia and Germany and the dynamics of German energy. The author believes that Germany's position on the world stage is declining as a result of the reduction in economic power due to the refusal of energy supplies from Russia, and the increased vulnerability of Germany's political system to external influences.

The complex issue of the Arab countries' interests in Eurasian integration is considered in the article by I.A.Matveev, "Arab Countries' Interest in Integration in Eurasia: Tactics or Strategy?". In the context of growing resistance from the Global South to Western policy, Russia proposes that its Arab partners form relations based on a fair consideration of mutual interests. The Arab world perceives Russia as a state-civilization that is the driving force behind the integration of the Non-West. Of particular interest is the Shanghai Cooperation Organization as a platform for coordinating the actions of power centers – India, China, and Russia – and as an organization that Iran, a regional rival of Saudi Arabia, has joined. The author concludes that the Arab countries' interest in integration in Eurasia, including cooperation with Russia, is predominantly strategic.

Of scientific and practical interest is the article by M.O.Nessar "Features of Afghanistan Governance in the Period 2021-2024", which examines the dynamics of the development of the situation in the country after the Taliban movement came to power. The article analyzes the factors of stability in modern Afghanistan, establishes the dependence of stability in the country on the volume of foreign aid and predicts a deterioration in the situation in Afghanistan in the event of a reduction in foreign aid. The author assesses the level of risks and challenges emanating from the territory of Afghanistan

тривается динамика развития ситуации в стране после прихода к власти движения «Талибан»*. В статье анализируются факторы стабильности современного Афганистана, устанавливается ее зависимость от объемов внешней помощи и прогнозируется ухудшение ситуации в стране в случае сокращения внешней помощи. Автор оценивает уровень рисков и вызовов, исходящих с территории Афганистана, и аргументирует вывод о том, что после прихода к власти талибов (при относительной стабилизации положения внутри страны) наблюдается смещение нестабильности в направлении Пакистана и Ирана.

Вопросы безопасности в регионе Южного Кавказа рассматриваются в статье И.Б.Санакоева «Республика Южная Осетия в условиях региональных угроз безопасности». По мнению автора, существующие вызовы, риски и угрозы для Южной Осетии имеют тенденцию к нарастанию – как на локальном (страна находится в состоянии латентного конфликта с Грузией), так на общерегиональном уровнях. В статье представлено видение по созданию устойчивой архитектуры безопасности для Южной Осетии с целью предотвращения насильственных сценариев разрешения существующих противоречий.

Впервые наш журнал публикует материалы анализа научных исследований о России на постсоветском пространстве. Н.Ж.Абалова, Е.Ф.Троицкий, А.М.Погорельская, К.А.Кудайarov в статье «Россия как объект научных исследований в Кыргызстане» анализируют научные работы социально-гуманитарного характера в стране по направлениям «Русский язык и литература», «Политология», «История», «Экономика» и «Право». В результате авторы выявляют содержание, направленность и интенсивность исследований России у кыргызстанских исследователей, приходя к выводу, что наибольший интерес здесь представляет русистика. По другим направлениям число исследований незначительно, а их область ограничивается историческими, политическими и экономическими взаимосвязями двух государств. В статье показано, что в целом идеологические позиции местных экспертов в отношении России носят положительный или нейтральный характер, несмотря на единичные работы, дающие негативную оценку России и кыргызско-российским отношениям.

В разделе «Изменяющийся социум» рассматриваются вопросы ценностной динамики в эпоху перемен, роль интеграционных проектов и институциональных матриц в формировании порядка и поднимаются вопросы подготовки специалистов в сфере искусственного интеллекта, что является одним из факторов международной субъектности стран.

Проблема эволюции системы традиционных ценностей в эпоху коренных изменений ставится А.И.Яковлевым в статье «Эволюция систем ценностей в «эпоху больших перемен»: общие вызовы и проблемы». Автор предлагает рассматривать ценностные

and believes that after the Taliban came to power (with relative stabilization of the situation inside the country) instability began to shift towards Pakistan and Iran.

Security issues in the South Caucasus region are considered in the article by I.B.Sanakoev “The Republic of South Ossetia in the Context of Regional Security Threats”. According to the author, the existing challenges, risks and threats to South Ossetia are growing both at the local (the country is in a state of latent conflict with Georgia) and at the regional level. The article provides proposals for the creation of a sustainable security system for South Ossetia in order to prevent violent methods of resolving contradictions.

For the first time, our journal publishes materials on the analysis of scientific research on Russia in the post-Soviet space. N.Dzh.Abalova, Y.F.Troitsky, A.M.Pogorelskaya, K.A.Kudayarov in the article “Russia as an Object of Scientific Studies in Kyrgyzstan” analyze scientific works of a social and humanitarian nature in the areas of “Russian language and literature”, “political science”, “history”, “economics” and “law”. The authors identify the content, direction and intensity of research on Russia in Kyrgyzstan and come to the conclusion that Russian studies are of the greatest interest to Kyrgyz researchers. Research in other areas is insignificant, the scope of scientific research is limited to historical, political and economic relations between the two states. The study showed that, in general, the ideological positions of local experts regarding Russia are positive or neutral, although there are isolated works that have a negative assessment of Russia and Kyrgyz-Russian relations.

The section “Changing Society” examines the issues of changing values in the era of change, the role of integration projects and institutional matrices, and raises issues of training specialists in the field of artificial intelligence, which is one of the factors of the international subjectivity of countries.

The problem of the evolution of the system of traditional values in the era of fundamental changes is raised by A.I.Yakovlev in the article “Evolution of Value Systems in the “Era of Great Changes”: General Challenges and Problems”. The author suggests considering value problems from the point of view of values of different levels: formational (characteristic of a specific social system and changing with it) and civilizational (deep values, characteristic of the religious and cultural space and preserved in the system of ideals and norms of behavior of many generations). In the context of a changing world order, the search for new meanings of development, globalization, confrontation between the West and non-Western countries, conflicts of values of different levels arise in spiritual life. From this position, the author comes to the conclusion that non-Western societies adapt their value systems to changing conditions while maintaining the ideals and norms of their cultural and religious tradition, and

проблемы с точки зрения ценностей разного уровня: формационных (характерных для конкретного общественного строя и меняющихся вместе с ним) и цивилизационных (глубинных ценностей, характерных для религиозно-культурного пространства и сохраняющихся в системе идеалов и норм поведения многих поколений). В условиях смены мирового порядка, поиска новых смыслов развития, глобализации, противостояния Запада и незападных стран в духовной жизни возникают конфликты ценностей разного уровня. С этих позиций автор приходит к выводу, что незападные общества адаптируют свои системы ценностей к изменившимся условиям при сохранении идеалов и норм своей культурно-религиозной традиции и не всякий цивилизационный вызов становится угрозой для традиционных ценностей.

Вопрос о причинах формирования региональных порядков поднимается в статье П.А.Барахвостова «Интеграционные проекты и институциональные матрицы». С точки зрения автора, региональные порядки связаны с определенным типом институциональных матриц интегрирующихся стран, и при интеграции общественных систем с целью смягчения возможных институциональных дисбалансов задействуются институты, комплементарные к доминирующему в институциональной матрице. Для стран с различными типами институциональной матрицы возможно сближение, однако интеграция в данном случае будет ограничиваться лишь отдельными сферами. Также в статье рассмотрена группа факторов, блокирующих региональные интеграции.

В статье С.Е.Жуликова, О.В.Жуликовой «Подготовка специалистов в сфере искусственного интеллекта в университетах России и стран Центральной Азии: позиции в рейтингах и возможности сотрудничества» ставится вопрос о качестве подготовки специалистов в области искусственного интеллекта и возможностях сотрудничества стран Центральной Азии и России в этой сфере. По мнению авторов, несмотря на то, что Россия, согласно международным рейтингам, не является мировым лидером в подготовке специалистов по искусственному интеллекту, она обладает серьезной технологической исследовательской базой, опытом фундаментального физико-математического образования, сильными программистскими школами. Этот потенциал России целесообразно использовать странам Центральной Азии, выстраивая образовательное и научное сотрудничество с Россией и интегрируясь в российское научно-технологическое пространство.

Раздел «Историческая ретроспектива и современность» содержит статьи об истории и современном состоянии армяно-сирийских отношений, политике памяти в Кыргызстане и статью о мобилизации польской армии накануне Второй мировой войны. Несмотря на разность тематик, центральной темой всех статей является вопрос исторической объективи-

not every civilizational challenge becomes a threat to traditional values.

The issue of the reasons for the formation of regional systems is raised in the article by P.A.Barakhvostov “Integration Projects and Institutional Matrices”. From the author's point of view, regional orders are associated with a certain type of institutional matrices of integrating countries, and when integrating public systems, institutions complementary to those dominant in the institutional matrix are used to mitigate possible institutional imbalances. For countries with different types of institutional matrices, convergence is possible, but integration in this case will be limited to only certain areas. The article also examines a group of factors that block regional integration.

The article by S.E.Zhulikov and O.V.Zhulikova “Training Specialists in the Field of Artificial Intelligence at Russia and Central Asian Countries Universities: Ranking Positions and Cooperation Opportunities” raises the issue of the quality of training specialists in the field of artificial intelligence and the possibilities of cooperation between the countries of Central Asia and Russia in this area. According to the authors, despite the fact that Russia, according to international rankings, is not a world leader in training specialists in artificial intelligence, it has a serious technological research base, experience in fundamental physics and mathematics education, and strong programming schools. It is advisable for the countries of Central Asia to use this potential of Russia by building educational and scientific cooperation with Russia, integrating into the Russian scientific and technological space.

The “Historical Retrospective and Modernity” section contains articles on the history and current state of Armenian-Syrian relations, the politics of memory in Kyrgyzstan, and an article on the mobilization of the Polish army on the eve of World War II. Despite the difference in topics, the central theme of all articles is the issue of historical objectivity and the need to turn to reliable sources in the modern interpretation of international processes.

In the article “Syrian-Armenian Relations: Historical Background and Current State” A.G.Petrosian provides a brief overview of the history of relations between Armenia and Syria, but focuses on the period after the declaration of statehood of the Republic of Armenia in 1991 and the beginning of the establishment of diplomatic relations with the Syrian Arab Republic. Highlighting a number of factors contributing to the development of Armenian-Syrian contacts, the author considers the most significant presence of the Armenian community in Syria. According to the author, the basis for deepening bilateral ties between countries is the positive experience of the history of relations between Armenia and Syria, the absence of obvious contradictions, and the role of Armenia in providing humanitarian assistance to Syria.

ности и необходимости обращения к достоверным источникам при формировании современных взглядов и интерпретации международных процессов.

В статье «Армяно-сирийские отношения: исторический опыт и современное состояние» А.Г.Петросян дает краткий обзор истории отношений Армении и Сирии, но акцентирует внимание на периоде после провозглашения государственности Республики Армения (РА) в 1991 г. и начале установления дипломатических отношений с Сирийской Арабской Республикой (САР). Выделяя ряд факторов, способствующих развитию армяно-сирийских контактов, автор считает наиболее значимым присутствие в Сирии армянской общины. По мнению автора, основой для углубления двусторонних связей между странами является положительный опыт истории отношений между Арменией и Сирией, отсутствие явных противоречий, роль РА в оказании гуманитарной помощи САР.

Статья Я.Я.Гришина, В.А.Летяева «Против кого на самом деле мобилизовывалась польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.??» приурочена к 85-летию со дня начала Второй мировой войны. Она весьма актуальна в условиях противостояния Запада с Россией и агрессивной антироссийской политики современной Польши. На основе архивных данных и иных первоисточников авторы анализируют ряд фактов, связанных с подготовкой Польши к будущей войне, рассматривают план «Восток» («Всхуд») и план «Запад» («Захуд»), мобилизационные планы польской армии и приходят к выводу, что «польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г. была мобилизована против СССР, что и стало роковой ошибкой правительства Польши, приведшей к катастрофическому для нее результату, ставшему и началом Второй мировой войны».

Авторский взгляд на роль правовых норм в сохранении и передаче исторической памяти, их вклад в формирование национальной идентичности представлен в статье Б.С.Батырбаева «Политика памяти в Кыргызстане: формирование национальной идентичности в контексте образования Кара-Кыргызской автономной области». На конкретном страновом примере автор показывает влияние политики памяти на законодательство, культурное наследие и историческую память и выявляет роль правовых норм и институтов в формировании национальной идентичности. Автор уделяет особое внимание воздействию новой конституции Кыргызской Республики и концепций развития страны на формирование общегражданской идентичности.

В разделе «Власть, политика, государство» представлены исследования политических институтов, процессов и технологий.

В статье В.Н.Табак «К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989–2023)» рассматривается эволюция нарративов символиче-

The article by Ia.Ia.Grishin and V.A.Letjaev «Against Whom was the Polish Army Actually Mobilized on the Eve of the “September Catastrophe” of 1939?» is dedicated to the 85th anniversary of the outbreak of World War II and is relevant in the context of the confrontation between the West and Russia and the aggressive anti-Russian policy of modern Poland. Based on archival data and other sources, the authors analyze a number of facts related to Poland's preparation for a future war, consider the East (“Wschud”) plan and the West (“Zahud”) plan, the mobilization plans of the Polish army, and come to the conclusion that “the Polish army on the eve of the “September catastrophe” of 1939 was mobilized against the USSR, that became a fatal mistake of the Polish government, leading to a catastrophic result for it, and that also became the beginning of World War II”.

The author's view on the role of legal norms in preserving historical memory, their contribution to the formation of national identity is presented in the article by B.S.Batyrbayev “The Politics of Memory in Kyrgyzstan: The Formation of National Identity in the Context of the Formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region”. Using a specific example, the author shows the influence of the politics of memory on legislation, cultural heritage and historical memory and reveals the role of legal norms and institutions in the formation of national identity. The author pays special attention to the impact of the new Constitution of the Kyrgyz Republic and the concepts of the country's development on the formation of a common civil identity.

The section “Power, Politics, State” presents research on political institutions, processes and technologies.

The article by V.N.Tabak “On the Issue of Symbolic Politics in Modern Moldova (1989–2023)” examines the evolution of narratives of symbolic politics in Moldova and identifies three modern narratives: “Russia as a threat”, “European integration as a national idea” and the linguistic narrative of “the identity of the Romanian and Moldovan languages”. According to the author, the policy of constructing a Romanian identity among Moldovans, reflecting the interests of ethnic minorities (“unionist Romanians”), provokes social disunity. As a result, the country is characterized by a highly competitive political process, a decrease in trust in the foreign policy vector of the republic (European integration) and, at the same time, a nationalistic ideological trend.

The results of foreign voting in the elections of the President of Russia are analyzed by Y.B.Bocharov “The Results of the President of Russia Elections in Foreign Countries in 2024 and the Fiasco of the Non-Systemic Opposition”. The article contains a lot of statistical data, the author's analysis of the actions of the opposition to discredit and disrupt the voting in

ской политики Молдовы и выделяются три современных нарратива: «Россия как угроза», «европейская интеграция как национальная идея» и языковой нарратив «важество румынского и молдавского языков». По мнению автора, политика конструирования румынской идентичности среди молдаван, отражающая интересы этнических миноритариев («румынов-унионистов»), провоцирует социальное разобщение. Как следствие, для страны характерен высококонкурентный политический процесс: снижение доверия к внешнеполитическому вектору республики (европейской интеграции) и вместе с тем националистический идеологический тренд.

Результаты зарубежного голосования на выборах Президента России анализируются в статье Ю.Б.Бочарова «Выборы Президента России в зарубежных странах в 2024 г. и фиаско несистемной оппозиции». Статья содержит большой массив статистических данных, авторский анализ действий оппозиции по дискредитации и срыву голосования на выборах Президента РФ за рубежом. Делается вывод об отсутствии реального влияния несистемной оппозиции (прежде всего, оппозиции, находящейся в странах ЕС) на электоральное поведение россиян, проживающих на момент выборов за пределами Российской Федерации.

Подводя итоги обзора публикаций данного выпуска журнала, выражаю благодарность нашим авторам за оригинальность и новизну их исследовательских подходов и возможность познакомить российскую и зарубежную научную общественность с интересными авторами и результатами исследований.

Что новых встреч на страницах нашего журнала.

С искренним уважением к нашим читателям и авторам,
Академик РАН
Виталий Наумкин

the elections of the President of the Russian Federation abroad. The conclusion is made about the absence of a real influence of the non-systemic opposition (primarily the opposition located in the EU countries) on the electoral behavior of Russians living outside the Russian Federation at the time of the elections.

Summing up the review of this issue of the journal, I express my gratitude to our authors for the originality and novelty of their research approaches and the opportunity to introduce interesting authors and the results of their research to the Russian and foreign scientific community.

Until next time on the pages of our journal.

With sincere respect to our readers and authors,
Academician of the Russian Academy of Sciences
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

Российская Федерация вступает в активную фазу геополитического поворота к Тихому океану.

Коновалов И.А.

Трансформация интересов постсоветской России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Фактически немецкий политический класс собственными усилиями разрушил выгодное энергетическое партнерство с Россией, выступил против здравого смысла и экономического прагматизма, подрывая экономику, напрямую обеспечивающую вес и возможности Германии на мировой арене.

Сугоняев П.М.

Прагматизм и идеология в российско-германских энергетических отношениях

...Вызовы в первую очередь затронут стран-участниц [ЕАЭС, ОДКБ], но нет достаточных оснований ожидать, что ответ на вызовы они будут искать на путях усиления интеграции с Россией.

Сутырин В.В.

Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления

Требуется четкое понимание того, вызван ли интерес арабских партнеров к Евразии и России стратегическими или тактическими, временными соображениями.

Матвеев И.А.

Интерес арабских стран к интеграции в Евразии: тактика или стратегия?

Учитывая востребованность россиеведческой тематики в научных работах и особую значимость в них социально-гуманитарных наук, была предпринята попытка восполнить существующий пробел в рамках таких направлений, как русский язык и литература, история и политология, экономика и право.

Абалова Н.Ж., Троицкий Е.Ф., Погорельская А.М., Кудаяров К.А.

Россия как объект научных исследований в Кыргызстане

На Южном Кавказе будет работать не региональная арифметика, а региональная алгебра.

Санакоев И.Б.

Республика Южная Осетия в условиях региональных угроз безопасности

В условиях, когда нет уверенности в успешном завершении планов талибов по реформированию афганского общества, внимание внешних акторов, особенно стран региона, обращено на текущие процессы: положение в сфере безопасности, гуманитарную ситуацию, экономические проекты и др.

Нессар М.О.

Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг.

Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления

Вячеслав Валерьевич Сутырин[✉]

Центр научной дипломатии и перспективных академических инициатив МГИМО, Москва, Россия

v.sutyrin@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3884-536X>

Аннотация. В статье рассматриваются процессы изменения миропорядка и их следствия для евразийской интеграции в геополитическом, геоэкономическом и культурно-гуманитарном измерениях. Выявлены этапы современных трансформаций постсоветского пространства после распада СССР. Охарактеризованы основные риски для стран региона. Сделан вывод о том, что среднесрочные вызовы для интеграционных процессов включают три направления: энергопереход, информационно-коммуникативную революцию, в том числе экспансию цифровых платформ и развитие больших языковых моделей, а также политику США и других стран Запада по сдерживанию и торможению технологического прогресса России, Китая и других незападных стран. Данные вызовы создают угрозу закрепления постсоветской Евразии на периферии процессов мирового развития, но также формируют предпосылки для ускорения интеграции. Даны рекомендации о целесообразности усиления научно-технологического направления интеграционного взаимодействия при лидирующей роли России вплоть до утверждения его в качестве магистрального в рамках ЕАЭС. Этот процесс должен строиться на основании взаимовыгодности и укрепления доверия за счет усиления гуманитарного сотрудничества между Россией и ее партнерами по евразийской интеграции.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Евразия, внешняя политика России, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), СНГ, научно-технологическое сотрудничество

Для цитирования: Сутырин В.В. Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 22-33, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33)

Political Sciences

Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure

Vyacheslav V. Sutyrin[✉]

Center for Science Diplomacy and Advanced Academic Initiatives of MGIMO University, Moscow, Russia
v.sutyrin@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3884-536X>

Abstract. The article examines the change in the world order and its geopolitical, geoeconomic, cultural and humanitarian consequences for Eurasian integration. The stages of transformation of the post-Soviet space after the collapse of the USSR are identified. The main risks for the countries of the region are characterized. It is concluded that medium-term challenges for integration processes include three areas: energy transition, information and communication revolution, including the expansion of digital platforms and the development of large language models, as well as the policy of the United States and other Western countries to contain and slow down the technological progress of Russia, China and other non-Western countries. These challenges pose a threat of consolidating post-Soviet Eurasia on the periphery of world development, but at the same time form the prerequisites for accelerating integration. Recommendations are given on the need to strengthen the scientific and technological direction of integration interaction with the leading role of Russia up to its approval as the main one within the EAEU. This process should be built on the basis of mutual benefit and strengthening trust, strengthening humanitarian cooperation between Russia and its partners in Eurasian integration.

Keywords: Post-Soviet space, Eurasia, Russia foreign policy, Eurasian integration, Eurasian Economic Union (EAEU), CIS, science and technical cooperation

For citation: Sutyrin V.V. Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 22-33, [doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33)

Введение

Реализация интеграционных проектов на постсоветском пространстве является одним из приоритетов внешней политики России¹. Эффективное достижение поставленных задач определяется соответием российских практических шагов комплексной ситуации в регионе и международной обстановке в целом.

Целью настоящей статьи является анализ ключевых тенденций, влияющих на политический курс государств региона, а также вызовов общемирового характера, воздействующих на региональную ситуацию на фоне исторической логики развития последней. Достижение цели включает анализ обозначенных процессов, на основе которого предполагается определить основные риски и приоритеты дальнейшей реализации лидерского потенциала России в регионе.

Понятие лидерский потенциал в рамках настоящей работы обозначает способность России постепенно реализовывать свой интеграционный проект, который определяется как комплексный международный проект, охватывающий несколько государств, призванный способствовать повышению их экономической связности и координации действий в сфере экономики, безопасности и внешней политики при ведущей роли России. Интеграция реализуется на базе торгово-экономических связей, интересов в сфере безопасности и цивилизационной общности, прежде всего, русского языка и общей исторической памяти. В качестве ключевого «опорного» элемента интеграционного проекта России рассматривается Евразийский экономический союз как наиболее продвинутое многостороннее объединение в регионе, в рамках которого достигнут высокий уровень интеграции, в том числе создание таможенного союза, общих технических стандартов и постоянно действующих наднациональных органов².

Материалы и методы исследования

Эмпирический материал исследования составили официальные документы и заявления официальных лиц, позволяющие сделать выводы о текущих приоритетах развития российского интеграционного проекта в Евразии, а также векторе действий ряда крупных внерегиональных акторов. При подготовке статьи использованы материалы СМИ и официальных интернет-ресурсов, а также научные и экспертные публикации, необходимые для реконструкции событийного ряда, выделения этапов регионального развития, основных современных процессов и вызовов, определяющих динамику регионального взаимодействия. Также были использованы данные

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf.

официальной торгово-экономической и социальной статистики, позволяющие дать оценки качеству и интенсивности интеграционного взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза.

Хронологические рамки исследования охватывают период с распада СССР по настоящее время с акцентом на новейшие тенденции после 2020 г. В рамках исследования использованы исторический и институциональный подходы, а также методы анализа и синтеза, сравнительного анализа.

Результаты исследований

Постсоветское пространство по-прежнему остается «постсоветским», так как «связывается» воедино инфраструктурным транспортным каркасом, здесь по-прежнему широкое распространение имеют русский язык и культура, способствующие сохранению общего коммуникативного пространства поверх государственных границ. Вместе с тем постсоветское пространство продолжает фрагментироваться, в ряде стран ускоряются центробежные тенденции, внутри региона имеют место политические и вооруженные конфликты, в том числе между участниками СНГ. Эти тенденции накладываются на общемировые процессы экономической интеграции и регионализации, активно развертывающиеся на мировой карте в последние десятилетия [1]. Вместе с тем устойчивость данных процессов в долгосрочном плане неочевидна, современные кризисы ставят вопрос о торможении глобализации или деглобализации.

В рамках постсоветского пространства растет конкуренция между внерегиональными игроками, которая обострилась задолго до пандемии и СВО [4]. Ведущие мировые действующие лица продвигают свои цивилизационные проекты. США – военно-идеологический проект борьбы демократий против авторитарий, камуфлирующий двойную задачу – нанесение стратегического поражения России на Украине и торможение и консервирование экономико-технологического прогресса КНР. Китай продвигает свою версию глобализации, оформляя ее уже не только инфраструктурно и экономически («Пояс и путь»), но также культурно-гуманитарно – в рамках «Инициативы глобального развития» через ООН и «Инициативы глобальной цивилизации» через межпартийный диалог³. В качестве основного инструмента экспансии используется торгово-технологическое взаимодействие, в том числе пакетные решения типа «умный и безопасный город», импортируемые странами Центральной Азии.

Значимое место в этих проектах занимает постсоветское пространство. Китай усиливает взаимодействие с Белоруссией и странами Центральной Азии. Коллективный Запад под руководством США ведет прокси-войну против России на Украине, усиливает убеждение и давление на страны Центральной Азии и Закавказья. Яркий пример представляет Армения, к которой проявляют повышенный интерес Франция

³ Global Civilization Initiative continues contributing Chinese wisdom to all humanity. 2024. 15 March. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1308882.shtml>.

и Великобритания, но не на уровне развития экономики, а на уровне информационно-политического влияния. Подтверждает свои амбиции на южном периметре постсоветского пространства Турция, особенно в свете итогов Нагорно-Карабахского конфликта, военного союза с Азербайджаном, наращивания военно-технического и культурно-гуманитарного присутствия в странах Центральной Азии.

Европейский союз, остающийся одним из ведущих торгово-экономических партнеров постсоветских стран, предпринимает активные попытки конвертировать свою экономическую роль в geopolитическое воздействие на страны региона, в том числе за счет многочисленных программ в сфере гуманитарного влияния и содействия международному развитию [2, 7].

Начало Россией СВО в ответ на расширение НАТО, угрозу безопасности Донбасса и отказ США от содержательных договоренностей в сфере гарантий безопасности привело к росту борьбы внешних игроков за постсоветское пространство [6].

Значение указанных процессов для внешней политики и национальной безопасности России включает три важных изменения.

1. Геополитическое. Сегодня противостояние в этой сфере наиболее наглядно проявляется на Украине, однако статус-кво меняется и в других регионах, например, в Закавказье, Африке. В долгосрочной перспективе возможны два сценария. Не исключена корректировка существующего миропорядка с усилением роли России, Китая и ряда стран Мирового большинства за счет демократизации международных институтов без прямой «горячей» войны великих держав. Это позволит стабилизировать ситуацию еще на несколько десятилетий, сохраняя институты Ялтинско-Потсдамского порядка, включая ООН. Альтернативный сценарий – полномасштабный слом мирового порядка через серию крупных войн, среди которых возможны и столкновения великих держав. Это приведет к формированию победителями принципиально новой конфигурации институтов.

2. Геоэкономическое. Изменение соотношения сил с точки зрения накопления мирового богатства и материально-технического развития при смещающемся центре тяжести с Запада на Восток. В 1990 г. доля стран «Большой семерки» (G7) в мировом ВВП по паритету покупательной способности составляла более 50%, а по состоянию на начало 2024 г. – около 30,3%, тогда как на страны БРИКС (до расширения) приходится 35,6%⁴. Эти процессы меняют и политический баланс сил. США по-прежнему располагают «избыточной привилегией» в форме доллара как мировой резервной валюты и глобальным военным потенциалом, что может привести к попыткам опрокинуть доску «мировой игры» силовым образом. Прообраз этого можно найти в начале 2000-х гг. в реализации проекта неоконсерваторов «За новый американский век», включавший военные вторжения США в Азии и на Ближнем Востоке.

3. Культурно-гуманитарное. Происходит закат эпохи «мягкой силы» как эвфемизма, обозначавшего культурно-экономическую гегемонию Запада. Ключевое

изменение – культура, ценности и образ жизни Запада больше не рассматриваются как безальтернативные и единственно возможные. Во-первых, на Западе происходит мутация культурного кода и образа жизни, когда размывание среднего класса и вызванная этим напряженность затушевывается гендерными, расовыми и климатическими доктринаами иррационального характера в духе трансгуманизма. Во-вторых, в незападном мире, прежде всего Россией и Китаем, формулируются альтернативы – традиционные ценности и цивилизационное разнообразие⁵.

Отмеченные трансформации и вызовы задают общую систему координат для анализа ситуации на постсоветском пространстве. Для полноты картины следует реконструировать логику новейшей истории региона. Можно выделить следующие этапы геоэкономического развития постсоветского пространства (см. Таблицу).

Таблица. Этапы трансформации постсоветского пространства
Table. Stages of transformation of the post-Soviet space

Период	Краткое описание
1988–1998	Структурная перестройка экономики стран региона – от законов о кооперативах и рыночных реформ до дефолта 1998 г., ослабление и разрыв кооперационных цепочек в регионе
1998–2008	Активная интеграция региона в мировой рынок, наращивание экспорта, относительная стабилизация экономической ситуации, но в логике асимметричных отношений с развитыми странами Запада (экспорт продукции с низкой добавленной стоимостью). Возросшая конфронтационность в отношениях с вмешательством США в дела государств на постсоветском пространстве и расширение НАТО (Бухарестский саммит) привели к вторжению Грузии в Южную Осетию и российской военной операции по принуждению Грузии к миру
2009–2013	Региональная интеграция получила импульс (ЗСТ СНГ, Таможенный союз, выход на проект Договора о ЕАЭС) на фоне мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., выявившего уязвимость экономик региона при интеграции в мировую экономику. Определенную роль сыграла и попытка «перезагрузки» отношений между США и Россией, способствовавшая временному снижению противодействия Запада связям постсоветских стран с Россией
2014–2019	Украинский кризис и западные санкции способствовали суворенизации российской экономики через импортозамещение, развитие сельского хозяйства и др. После создания ЕАЭС на фоне кризиса в отношениях России с США процессы евразийской интеграции замедлились, но доказали свою состоятельность как выгодные для государств-участников
2020 – настоящее время	Пандемия ускорила рост межгосударственного соперничества, эскалация украинского кризиса и начало СВО привели к коренной переориентации российской экономики на глобальный Юг и Восток, реконфигурации логистики, что дало существенный экономический выигрыш партнерам России по ЕАЭС, но вызвало рост давления на них со стороны стран Запада

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

⁴ Russia says rising economic bloc BRICS surpasses G7 in purchasing power parity. <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/russia-says-rising-economic-bloc-brics-surpasses-g7-in-purchasing-power-parity/3155753>.

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019.

Исходя из проанализированных региональных исторических и современных мировых процессов можно выделить ряд ключевых вызовов, которые будут определять внутрирегиональную динамику отношений на постсоветском пространстве в среднесрочной перспективе ближайших 5-7 лет.

а) рост угроз политической стабильности – от информационных манипуляций до «цветных» революций и различных форм экстремизма. Массовые беспорядки в Белоруссии в 2020 г. и Казахстане в 2022 г. ярко обозначили возросшие политические риски;

б) усиление влияния внeregиональных игроков и рисков их соперничества в регионе на фоне геополитической напряженности, риски нехватки ресурсов в отдельных субрегионах, в том числе базовых (пресная вода, пахотные земли), определяющих продовольственную безопасность;

в) рост рисков оказаться на периферии научно-технологической трансформации, которая будет определять новую конфигурацию мирового распределения ресурсов и влияния, в связи с ужесточением курса США и стран Запада на протекционизм и торможение технологического развития незападных стран.

На основе проведенного анализа ключевых общемировых процессов и их воздействия на регион, исторических этапов развития постсоветского пространства и среднесрочных вызовов для стран региона целесообразно сформулировать ряд выводов и рекомендаций с позиций российских интересов.

Прежде всего, важнейшим полем деятельности, где все еще сделано недостаточно, является сфера гуманитарного сотрудничества России с ближайшими соседями и партнерами по линии ОДКБ и ЕАЭС. Соответствующие приоритеты начали формулироваться российской стороной еще несколько лет назад [5]. Принимая во внимание известные сложности достижения общей позиции по гуманитарным вопросам даже в рамках ЕАЭС, тем не менее важно ставить цель создания общего, научно обоснованного понимания современной миросистемы с точки зрения стратегических вызовов и процессов. Это ставит вопрос о необходимости усиления взаимодействия на уровне научных учреждений и экспертных кругов – как минимум в рамках ЕАЭС и, возможно, ОДКБ. Необходимо формирование точек соприкосновения и общего понимания основных направлений развития современного мира, рисков и возможностей, которые они создают для стран региона. Можно привести несколько важнейших направлений для координации общих усилий в осмыслении международных процессов.

Во-первых, так называемый энергопереход на возобновляемые источники энергии и потенциальные принудительные меры со стороны Запада (налог на эмиссию углерода и т.п.) представляют серьезный вызов для всех стран ЕАЭС. Равно как и секьюритизация Западом технологических цепочек и его борьба за торможение развития глобального Юга.

Технологический прогресс влияет на соотношение сил, формирует новые линии расколов и соперничества в мире. Речь идет прежде всего о переделе рынков. Перевод мировой энергетики на «зеленые» правила, за написание которых сегодня соревнуются ЕС и США, даст возможность Западу диктовать условия незападным

странам. Однако в уравнении энергоперехода пока много неизвестных, в том числе ресурсная обеспеченность данного процесса, побочные эффекты в сфере роста разрыва между богатыми и бедными странами, где будут размещаться «грязные» проекты по добыче редкоземельных материалов и т.д. При этом уже сегодня идет жесткая борьба за передел рынков в сфере «зеленого» энергооборудования. Наряду с этим существуют и международно-правовые вопросы, особенно в сфере «мягкого» права. Например, проблемы формулы расчета углеродного «следа», перераспределения природной ренты и экспорта выбросов в развивающиеся страны. Страны постсоветской Евразии, обладающие развитым ТЭК, оказываются уязвимы перед этими вызовами.

Во-вторых, слабо контролируемая глобальная экспансия цифровых платформ создает риски возникновения новой формы феодализма, учитывая степень их контроля над рядовыми участниками подобных платформ – физическими лицами, малым и средним бизнесом, органами государственной власти. Развитие искусственного интеллекта, как и экспансия платформ, ставит вопрос уже не только об ИТ-стандартах и инфраструктуре, сколько о мировоззрении, когда на смену эффекту эхокамеры, изолирующей пользователя за счет системы рекомендаций контента в новостной ленте его социальных сетей, приходят большие языковые модели, формулирующие ответы на поисковые запросы пользователя. Очевидно, эти ответы могут формироваться с разных ценностных и идеологических позиций, и отсутствие субъектности в данной сфере ведет уже не только к технологическому, сколько к ментальному колониализму.

В-третьих, запрет США на экспорт в Китай, Россию и другие страны продвинутых полупроводников и иных современных технологий отражает новые постглобальные тренды. Правила глобализации больше не устраивают Запад, поэтому он сделал выбор в направлении активного сдерживания прогресса развивающихся стран. В этом смысле для стран постсоветской Евразии выбор невелик: либо формировать коллективный технологический суверенитет с опорой на лидерство России, либо скатываться в категорию стран «третьего мира» в социальном и технологическом плане. Вопрос технологического прогресса сегодня – это не только вопрос возможностей формирования и раскрытия человеческого потенциала, но и вопрос доступности огромных ресурсов – от пресной воды, пахотных земель, энергоносителей и металлов до редкоземельных минералов.

Вместе с тем постсоветская Евразия обладает стратегическими ресурсами, необходимыми для того, чтобы обеспечить себе достойное место в обновленной конфигурации будущего мирорядка.

ЕАЭС состоялся как полезный инструмент – об этом свидетельствует не только его эффективное применение в условиях санкций в 2022–2024 гг., выразившееся в росте взаимной торговли и денежных потоков. Об этом также свидетельствуют результаты объединения с момента его создания в 2015 г.: рост взаимной торговли в стоимостном выражении (доля взаимной торговли во внешней торговле практически не изменилась), рост трудовой миграции, рост грузооборота и др.⁶

⁶ Информационный доклад «Евразийская экономическая интеграция» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/49224/>.

Государства-члены ЕАЭС располагают значительными запасами полезных ископаемых. Глобальное значение Северной Евразии выражается в сфере энергетики, логистики (трансматериковые коридоры, включая Север-Юг, Запад-Восток и Северный морской путь), сельского хозяйства, в наличии пахотных почв, лесов, пресной воды и др.

Однако чтобы успешно задействовать эти ресурсы для стабильного развития и интеграции постсоветских стран, главным образом в рамках ЕАЭС, в стратегическом плане интеграция нуждается в смысловом наполнении и стратегическом целеполагании. Такой стратегической целью может стать обеспечение безопасности для стабильного развития и научно-технологического прогресса при сохранении человеческого в человеке (традиционных ценностей).

Обозначенные приоритеты могут получить вполне осозаемую привязку к реалиям «на земле». Так, например, в условиях роста мировых потребностей в электроэнергии ожидается ее дефицит, в том числе в связи с огромным потреблением электроэнергии в ходе цифровизации. Строительство АЭС позволит Казахстану и Узбекистану подготовиться к этому моменту. Сотрудничество с Россией в данном вопросе поможет создать в этих странах целевые отрасли, которые позволяют повысить уровень компетенций и человеческого потенциала, как это сегодня происходит в Белоруссии за счет образования и включенности в процессы строительства и обеспечения АЭС местных специалистов и подрядчиков.

Обсуждение результатов

По итогам проведенного анализа необходимо отметить, что важным вопросом представляется симметричность выгод и издержек в процессе строительства подобного объединения и создания его материальной платформы. В последние годы на этом пути встречалось множество препятствий – от слабых кооперационных цепочек в сфере промышленного производства [3] до роста расхождений в гуманитарной сфере на фоне сокращения использования русского языка в ряде соседних государств и дистанцирования от общей истории и культуры. Эти проблемы давно известны специалистам и не могут быть быстро и полностью устранены. Тем не менее это не отрицает необходимости поступательной работы в этом направлении, основанной на инициативе России как полюса притяжения для всего региона, которая бы учитывала интересы ее партнеров, но стимулировала бы их играть по общим, прозрачным правилам, отвечая взаимностью на уступки и «бонусы» с российской стороны.

Российская поддержка возможна в условиях взаимовыгодности сотрудничества, которое будет способствовать экспорту российской промышленной продукции и стандартов в страны и регионы, обеспечению ее ценными ресурсами, добываемыми в соседних странах, что будет способствовать укреплению экономической безопасности России и ее позиций на зарубежных рынках.

Выводы

Евразийская интеграция при лидирующей роли России является проектом, экономически выгодным для всех участников, хотя выгоды распределяются не всегда равномерно. Тем не менее проект подтвердил свою состоятельность и полезность в условиях беспрецедентного санкционного давления.

В ближайшие годы Евразийский экономический союз и другие региональные объединения, являющиеся приоритетными для российской внешней политики, столкнутся с серьезными вызовами. Эти вызовы в первую очередь затронут стран-участниц, но нет достаточных оснований ожидать, что ответ на вызовы они будут искать на пути усиления интеграции с Россией. Противоречивые тенденции последних десятилетий показывают, что, несмотря на то, что все участники ЕАЭС и ОДКБ серьезно зависят от российской экономики и гарантий безопасности, это не мешает им стремиться к развитию отношений с третьими странами.

Поэтому продолжение поступательного развития евразийского интеграционного проекта России, являющегося успехом российской дипломатии, зависит от целенаправленных действий проектного и программного характера. Они заключаются в проектировании будущих сценариев и приоритетов развития. В этом процессе критической переменной, от которой зависит успех начинания, является не только экономическая связанность, но в первую очередь способность стран выработать общую повестку будущего, сочетающую прагматичные интересы и ценности, укрепление цивилизационной общности поверх национального, этнического и религиозного разнообразия. Образовательное сотрудничество и научная дипломатия имеет потенциал для решения данной задачи.

Формирование регионального технонаучного союза и развитие ЕАЭС в рамках данной парадигмы может оказаться достижимым и целесообразным при условии согласования и запуска сторонами реальных, экономически взаимовыгодных проектов с высоким удельным весом технологической компоненты, а также укрепления доверия на основе усиления гуманитарного сотрудничества и выработки общих оценок стратегических рисков и возможностей.

Список литературы

1. Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки [Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 38-53. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53>.
2. Громыко А.А. Европа между кризисом и стагнацией [Europe between crisis and stagnation] // Европа в глобальной пересборке / под общим ред. А.А.Громыко. М.: Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН, 2023. С. 8-12.
3. Рекеда С.В. Индустриальный профиль стран ЕАЭС: эффекты первого десятилетия [Industrial Profile of the EAEU Member-States: the Effects of the First Decade] // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 1. С. 25-41. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-25-41>.

4. Смирнов В.А. «Борьба интеграций» на постсоветском пространстве: гуманитарное измерение [“Battle of integrations” in post-soviet space: humanitarian dimension] // Современная Европа. 2018. № 6. С. 51–61. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620185161>.
5. Сутырин В.В. Стратегия Евразийского экономического союза до 2025 года: гуманитарный поворот [2025 Strategy of the Eurasian Union: a Humanitarian Turn] // Евразия. Эксперт. 2021. № 1. <https://doi.org/10.18254/S271332140014427-6>. URL: <https://journal.eurasia.expert/S271332140014427-6-1>.
6. Sutyrin V.V. Special Military Operation in Ukraine: Consequences for the EAEU and Eurasian Integration // Russia in Global Affairs. 2022. No. 2. P. 158–163. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-2-158-163>.
7. Sutyrin V.V. The Official Development Assistance Policy of the European Union in the Post-Soviet Space: Geopolitical Factors September // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. P. 543–550. <https://doi.org/10.1134/S1019331622120097>.

Информация об авторе

СУТЫРИН Вячеслав Валерьевич. Кандидат политических наук. Доцент кафедры международных отношений и внешней политики России. Директор Центра научной дипломатии и перспективных академических инициатив МГИМО. <https://orcid.org/0000-0003-3884-536X>. Адрес: Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. v.sutyrin@inno.mgimo.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 10 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baykov A.A. Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. 2017; 4:38–53 [In Russian]. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53>.
2. Gromyko Al.A. Europe between crisis and stagnation. Europe in the global reconfiguration. Gromyko Al.A. (eds.). Moscow: Ves' Mir, 2023:8–12 [In Russian].
3. Rekeda S.V. Industrial Profile of the EAEU Member-States: the Effects of the First Decade. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii [Russian and the New States of Eurasia]. 2024; 1: 25–41 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-25-41>.
4. Smirnov V.S. Battle of integrations” in post-soviet space: humanitarian dimension. Sovremennaya Evropa [Sovremennaya Evropa]. 2018; 6:51–61 [In Russian]. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620185161>.

5. Sutyrin V.V. 2025 Strategy of the Eurasian Union: a Humanitarian Turn. Evraziya.Ekspert [Eurasia.Expert]. 2021; 1. Available from: <https://journal.eurasia.expert/S271332140014427-6-1> [In Russian]. <https://doi.org/10.18254/S271332140014427-6>.
6. Sutyrin V.V. Special Military Operation in Ukraine: Consequences for the EAEU and Eurasian Integration. Russia in Global Affairs. 2022; 2:158–163 [In English]. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-2-158-163>.
7. Sutyrin V.V. The Official Development Assistance Policy of the European Union in the Post-Soviet Space: Geopolitical Factors September. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022; 6:543–550 [In English]. <https://doi.org/10.1134/S1019331622120097>.

About the author

Vyacheslav V. SUTYRIN. CandSc. (Polit.). Associate Professor Department of International Relations and Foreign Policy of Russia. Director Center for Science Diplomacy and Advanced Academic Initiatives of MGIMO University. <https://orcid.org/0000-0003-3884-536X>. Address: 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. v.sutyrin@inno.mgimo.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 15, 2024. Approved after review: July 10, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-34-46](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-34-46)

Трансформация интересов постсоветской России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Илья Александрович Коновалов[✉]

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия
79163235030@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена существенной трансформацией системы международных отношений, вызванной geopolитическим транзитом от Атлантики к Тихому океану. В условиях современных глобальных изменений и динамических процессов на международной арене исследование трансформации интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) становится особенно важным. Оно предоставляет возможность прогнозировать будущие тенденции в международных отношениях и разрабатывать конкретные рекомендации по развитию внешнеполитической стратегии России. В условиях обострения отношений с Западом и поворота России к Востоку данное исследование позволяет глубже понять ключевые тенденции в регионе и выработать стратегические решения для укрепления geopolитического статуса России в АТР. В частности, важно учитывать экономические, политические и военные аспекты присутствия России в этом динамично развивающемся регионе. Таким образом, данное исследование играет ключевую роль в формировании долгосрочной внешнеполитической стратегии России и ее адаптации к новым geopolитическим реалиям не только с целью укрепления своих позиций в АТР, но для более эффективного реагирования на вызовы и возможности, возникающие в результате трансформации глобальной системы международных отношений.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, geopolитический статус, geopolитические приоритеты, geopolитический транзит, Россия, Китай, инфраструктурные проекты, сетевые альянсы

© Коновалов И.А., 2024

© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2024

34 This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ISSN 2782-3067 (Print)

Для цитирования: Коновалов И.А. Трансформация интересов постсоветской России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 34-46, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-34-46](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-34-46)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-34-46](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-34-46)

Political Sciences

Transformation of Post-Soviet Russia's Interests in the Asia-Pacific Region

Ilya A. Konovalov[✉]

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
79163235030@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>

Abstract. The relevance of this study is due to the significant transformation of the system of international relations caused by the geopolitical transit from the Atlantic to the Pacific Ocean. In the context of modern global changes and dynamic processes in the international arena, the study of the transformation of Russia's interests in the Asia-Pacific region (APR) is becoming especially important. It provides an opportunity to predict future trends in international relations and develop specific recommendations for the development of Russia's foreign policy strategy. In the context of worsening relations with the West and Russia's turn to the East, this study allows us to better understand key trends in the region and develop strategic solutions to strengthen Russia's geopolitical status in the Asia-Pacific region. In particular, it is important to take into account the economic, political and military aspects of Russia's presence in this dynamically developing region. Thus, this study plays a key role in shaping Russia's long-term foreign policy strategy and its adaptation to new geopolitical realities, not only in order to strengthen its position in the Asia-Pacific region, but also to respond more effectively to the challenges and opportunities arising from the transformation of the global system of international relations.

Keywords: Asia-Pacific Region, geopolitical status, geopolitical priorities, geopolitical shift, Russia, China, infrastructure projects, network alliances

For citation: Konovalov I.A. Transformation of Post-Soviet Russia's Interests in the Asia-Pacific Region. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 34-46, [doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-34-46](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-34-46)

Введение

Современная Россия находится на пути активного переосмысливания своей внешнеполитической стратегии, особенно в контексте отношений с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). С момента распада Советского Союза страна столкнулась с новыми вызовами и возможностями, что требует переоценки ее приоритетов и стратегических целей.

© Коновалов И.А., 2024
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2024

 This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

35

Исследование данной трансформации подразделяется на два ключевых периода: «беловежский» (1991–2014 гг.) и «крымский» (с 2014 г. по настоящее время). Разделение на эти периоды обосновано существенными изменениями во внутренней и внешней политике России, а также в geopolитической обстановке, которые произошли в эти периоды.

Указанные периоды представляют собой ключевые этапы в эволюции внешнеполитических интересов постсоветской России, отражающие изменения в ее geopolитическом статусе. В беловежский период Россия стремилась к интеграции в международное сообщество и поиску новых экономических связей, тогда как в крымский период акцент сместился на укрепление национальной безопасности и поиск стратегических партнеров в Азии.

Представленное в статье разделение позволяет более точно исследовать влияние совокупности внутренних и внешних факторов, региональных конфликтов и экономических преобразований на geopolитическую стратегию России, трансформацию ее интересов в АТР, а также основную динамику ее внешнеполитической эволюции в разные периоды времени.

Геополитическая трансформация постсоветской России представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Сразу после подписания Беловежских соглашений в 1991 г. Россия столкнулась с необходимостью переосмысления своей внешней политики ввиду резкого изменения собственного geopolитического статуса. Так, в 1990-е гг. приоритетом внешнеполитической стратегии России стало стремление интегрироваться в международные институты и наладить экономическое сотрудничество преимущественно с западными странами, что обуславливается необходимостью разрешения внутренних противоречий, возникших после распада Советского Союза, и снижением градуса напряженности с некогда идеологическим противником.

Поворот к Востоку стал стратегически важным шагом для России, особенно после событий 2014 г. В условиях санкционного давления и политической изоляции со стороны западных стран Россия начала активнее развивать отношения с государствами АТР. Регион стал ключевым направлением внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности России, что обусловлено его растущим geopolитическим статусом.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе трансформации интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях изменения geopolитической обстановки. Дополнительно анализируется эволюция взаимодействия России с ключевыми странами АТР в беловежский и крымский периоды, рассматриваются перспективы сотрудничества в контексте глобальных изменений.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на всестороннем анализе российских внешнеполитических стратегических документов разных периодов, а также использовании авторитетных источников, включающих в себя монографии, научные публикации, аналитические и статистические отчеты, официальные отчеты профильных ведомств, материалы средств массовой информации на русском, английском, корейском и других языках, что позволяет выявить эволюцию приоритетов и направлений внешнеполитической стратегии России в АТР.

Автор статьи использовал методы сравнительного и контент-анализа, синтеза, обобщения, а также ретроспективный и диахронный методы. Совокупность указанных методов обеспечила формирование целостного представления об изменениях geopolитического статуса постсоветской России с учетом современных geopolитических реалий и изменений в международной политике.

Результаты исследований

Беловежский этап

Беловежский период международных отношений, характеризующийся распадом СССР, созданием Содружества Независимых Государств, усилением влияния США и формированием однополярной системы, датируется 1991–2014 гг., тогда же определение собственного geopolитического статуса в обновленной реальности международных отношений, а также вектора направленности основных geopolитических приоритетов поставили перед Россией важную задачу: во всей трансформации и непредсказуемости кризиса, вызванного формированием новой государственности, необходимо сохранить идентичность, тем самым обеспечив социально-политическую стабильность России.

Не без затруднений обновленное российское государство заложило достаточно прочный фундамент для реализации как внутриполитических, так и внешних задач. Были определены векторные стратегические ценности, нашедшие свое отражение преимущественно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. и последующем варианте документа от 2000 г.¹ Вскоре «концепция» сменилась «стратегией», в которой и определилась цель политики на этот этап, а именно – сохранение территориальной целостности и суверенитета, возвращение статуса мировой державы и осуществление устойчивого развития страны [5].

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (утратил силу). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/11782>; Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 52. Ст. 5909; 2000. № 2. Ст. 170.

Проведя анализ данных документов, можно сделать вывод о том, что Российской Федерации беловежского периода мало интересовали проблемы интеграции в архитектуру Азиатско-Тихоокеанского региона, страна присутствовала скорее номинально, не имея четких стратегических целей.

Однако это не означает, что работа по азиатско-тихоокеанскому направлению не велась вовсе. Так, например, Россия активно решала проблемы территориальных претензий с КНР, велась работа по стабилизации отношений с ключевыми тихоокеанскими акторами (США и Японией), решался вопрос восстановления дружественных отношений с Индией. Идеологической основой данной деятельности выступила концепция правопроложительства СССР.

Следует отметить, что несмотря на имеющиеся вопросы в отношении спорных территорий, а также неизменно достаточно холодный и прагматичный подход со стороны Китая, Россия еще в начале беловежского этапа признавала важность КНР в geopolитическом и экономическом планах, наращивая сотрудничество со страной. К концу 1990-х гг. двусторонние межгосударственные отношения трансформировались от нормализации к добрососедству. Данное событие было ознаменовано артикуляцией новой доктринальной установки – достижение многополярного мира, что было закреплено в соответствующей декларации от 23 апреля 1997 г.², которая послужила хорошим фундаментом для трансформации российско-китайских отношений в стратегическое партнерство [2].

До 2013 г. вся стратегическая мысль в отношении АТР строилась преимущественно на чрезмерно оптимистичной оценке тенденций, а не на каких-либо четко обозначенных реалиях. К концу беловежской эпохи заявления о кризисоустойчивости существующей системы международного взаимодействия сменились на более объективные оценки, признавалась нерешенность структурных проблем и – самое главное – было замечено изменение подхода Российской Федерации к формулированию доктринальных установок, что наряду с меняющейся международной политической и экономической ситуацией побудило руководство государства провести переоценку ценностей и, как следствие, выдвижение новых инициатив и интересов [4].

Беловежская парадигма для России стала своеобразным периодом векторополагания и формирования основных доктринальных установок в АТР: национальная безопасность; усиление суверенитета; упрочнение демократии; прагматизм; многовекторность и многополярность; последовательное продвижение национальных интересов путем создания благоприятных внешних условий, избегая конfrontации; восстановление статуса мировой державы.

² Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Дипломат. вестн. С. 19-21.

Крымский этап

К 2014 г. накопилась критическая масса противоречий существовавшей системы международных отношений. Разрастающаяся гегемония США, выражавшаяся в расширении НАТО на восток, вмешательстве в конфликты на Балканах, в Ираке, Афганистане и Ливии, а также в продвижении демократических ценностей и рыночной экономики через механизм санкционного давления, требовала от geopolитических игроков действий для балансирования обстановки. Новая парадигма международных отношений частью ученых стала называться «Крымской» [1]; по их мнению, именно украинский кризис и факт воссоединения Крымского полуострова с Россией стали важнейшими точками бифуркации, прецедентно изменившими систему международного права, как, впрочем, и всю систему международного взаимодействия, нанеся серьезный политический удар по позициям США и Запада [1].

Попытки США сохранить свое доминирование, наряду со стремлением России восстановить свой глобальный geopolитический статус и аккумулированной политico-экономической энергией Китая, привели к формированию ограниченно полярной системы международного взаимодействия. Некогда гегемон, направляющий политику других стран через санкционное давление, столкнулся с ответными санкциями. Китайские санкции охватили деятельность ключевых американских компаний, работавших в высокотехнологичном и промышленном секторах, что привело к значительным экономическим потерям. Данная мера также затронула экспорт стратегически важных ресурсов и технологий в США. Деятельность существовавших институтов, поддерживающих глобальное влияние США, была нарушена. При этом сформировавшаяся система взаимодействия являлась переходной, ее основой стало «политическое прощупывание» [7]. Введение санкций со стороны Китая стало символом усиливающейся конфронтации. США оставались гегемоном в ключевых сферах, однако в лице КНР и Российской Федерации стал формироваться полюс силы, границы влияния которого хотя и были размыты, но игнорировать его уже было нельзя.

Россия была готова к новому нестабильному миропорядку, данный вывод можно сделать на основе анализа Концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г.³, где выдвигалась задача установления гибких сетевых альянсов с целью поддержания глобальной финансово-экономической стабильности и международной безопасности. Однако переход к крымской парадигме принес и новые серьезные проблемы для России, новые вызовы и угрозы, которые требовали адекватного и глубоко продуманного реагирования. Страна столкнулась с санкциями, которые привлекли внимание к противоречиям социально-экономического развития и производственного сектора.

Наряду с достигшим апогея противостоянием коллективного Запада, деградацией российско-американского сотрудничества возникла новая угроза для России –

³ Концепция внешней политики РФ, утв. Президентом РФ 12.02.2013. URL: http://www.mid.m/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186.

противостояние США и КНР. Российская экономика сильно связана с экономиками этих двух стран, поэтому торговые «баталии», которые развернулись в Крымский период, доставили (и до сих пор доставляют) массу неудобств и стали препятствием в достижении одного из главных национальных интересов – социально-экономического развития [2]. Российская экономика, следовательно, все сферы жизнедеятельности общества стали чувствовать нехватку и финансов, и возможностей. Следствием этого в 2015 г. была сформулированная и принятая новая Стратегия национальной безопасности⁴, в которой подчеркивалось, что даже в АТР (при конфронтации с западными странами) ситуация совсем не благоприятная для реализации национальных интересов. Концептуальные начала стратегии не сильно отличались от варианта 2009 г.⁵, однако замечается отчетливый переход от номенклатурной единицы к идеологическому манифесту. Об этом свидетельствует задача по охране и защите населения от идеологической экспансии и от информационно-психологического воздействия в целом, а также задача по сохранению и развитию российской идентичности. Первостепенное значение в сфере культуры получила задача по поддержанию и развитию духовно-нравственных ценностей. Россия стала нуждаться в чувстве защищенности и исторической перспективы как никогда и артикулировала данное желание в своих доктринальных документах. Однако краеугольным камнем данной доктрины стало заявление о превосходстве духовного над материальным, что сигнализирует о принятии главенства азиатских цивилизационных догм над западными. Данное заявление наиболее четко показало, в какую сторону направлена Россия и кто является цивилизационно близким по коду.

Именно в этот период Российской Федерации вступает в активную фазу геополитического поворота к Тихому океану. Россия активизируется во взаимодействии внутри региона, особенно с такими организациями, как ШОС, АТЭС, АСЕАН, и, как следствие, возникает множество совместных результативных проектов и предприятий со странами АТР [3]. Основой взаимодействия стали ключевые преимущества России как контрагента для стран Азии – ресурсы, транспортный потенциал, привлекательность идеи формирования многополярного мира.

Деятельность в направлении тихоокеанских форумов с основной площадкой в виде АСЕАН (на основе ее центричности в АТР) оказалась крайне продуктивной. Несмотря на различные проблемы, вызванные так называемым «азиатским парадоксом», суть которого заключается в росте напряженности при сохранении и росте экономических мощностей, Российской Федерации и АСЕАН стали стратегически взаимосвязаны [8]. АСЕАН получит ущерб, если Россия проиграет в борьбе за многополярность; и Россия проиграет, если АСЕАН потеряет позиции центральной оси регионального взаимодействия в АТР.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. Т. 4.

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. Т. 1.

Перспектива трансформации

Кризисы и проблемы в мире буквально заставили постсоветскую Россию пересмотреть ценности. В официальных документах стала меньше фигурировать ценность демократии, которая очень долгое время являлась формальным пропуском в мировую политику, тогда как недемократичность или отсутствие слова «демократия» в официальных документах, названий страны могло стать поводом для вторжения американских сил. У России появилась уверенность в себе, а также внешний и внутренний противник в лице США, российских популистов, прозападников и иноагентов. Помогло ли это справиться с появившимися вызовами? Безусловно, закрылись вопросы идейные, вопросы сплоченности. Государство начинает вставать на путь самодостаточности, грамотного целеполагания, начинает складываться ценностно оформленная российская идентичность, но экономика, а следовательно, и другие сферы жизни продолжают сталкиваться с трудностями. На отношения со странами АТР, как ни странно, это влияет благотворно. Так или иначе, большинству стран выгоден российский экономический спад. Возрастает не только односторонняя заинтересованность Российской Федерации, но и интерес тихоокеанских акторов, которые могут за низкую цену приобретать ресурсы, использовать территорию или экономически лоббировать свои интересы.

На сегодняшний день можно уверенно говорить об укреплении экономического сотрудничества и региональной безопасности, развитии транспортно-логистической инфраструктуры как первостепенных национальных интересах и стратегических целях, способствующих повышению геополитического статуса России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Россия стремится развивать торговые и экономические связи с другими странами региона, в том числе с Китаем, Японией и Южной Кореей.

Сегодня российско-японские отношения остаются сложными из-за все еще присутствующего территориального спора между двумя странами. Ситуация осложняется развернувшимся противостоянием между коллективным Западом и Россией, в частности, проведением Россией суверенной политики по обеспечению безопасности на западных границах страны. Япония, оставаясь в вассальных отношениях с Америкой, вынуждена предпринимать совпадающие с американским курсом меры. Российская сторона относится к этому с пониманием и выражает надежду на скорую нормализацию отношений, о чем свидетельствуют публичные заявления российского истеблишмента. Одним из ключевых направлений сотрудничества между Россией и Японией является энергетика. Япония заинтересована в импорте российского газа и нефти [6]. Россия, в свою очередь, может получить инвестиции из Японии для развития своих энергетических проектов на Дальнем Востоке, системно связав его с центром страны.

Отношения России и Республики Корея тоже претерпели ряд трансформаций в свете событий последних лет. При этом их можно охарактеризовать как динамичные и перспективные, что согласуется с лаконичной характеристикой страны,

сформулированной Г.В.Зиновьевым: «[Южная Корея] – одна из самых дружественных среди недружественных стран»⁶. Обе страны имеют обширный потенциал для сотрудничества в различных областях, включая экономику, науку и технологию, культуру и спорт. Несмотря на международные санкции и их периодическое расширение, Россия и Южная Корея продолжают вести торговлю. Южнокорейские компании находят способы поддерживать экономические связи с Россией через посреднические страны и альтернативные маршруты поставок. Россия остается важным поставщиком энергоносителей для Южной Кореи, включая нефть и газ. Продолжают обсуждаться проекты по строительству новых трубопроводов и поставке сжиженного природного газа в рамках Петербургского международного экономического форума, Восточного экономического форума, а также различных двусторонних диалоговых площадок.

Россия активно предпринимает дипломатические усилия по решению конфликтов в регионе, в частности, в деятельности по разрешению корейского вопроса. Россия выступает за диалог и переговоры между Северной и Южной Кореей, а также между КНДР и США, а также за создание многополярной системы регионального взаимодействия с целью обеспечения безопасности в регионе и предотвращения экономического или иного доминирования одних стран над другими. Активно ведется работа в рамках Шанхайской организации сотрудничества, направленная на развитие экономического и культурного сотрудничества между странами-членами, укрепление безопасности в регионе. В частности, Россия поддерживает создание зоны свободной торговли в рамках ШОС и работает над расширением экономических связей между странами. Российские спецслужбы сотрудничают с коллегами из других стран-членов ШОС в борьбе с терроризмом, наркоторговлей и другими региональными угрозами безопасности.

Страна стремится улучшить транспортную инфраструктуру в регионе, в том числе через развитие морских портов и железных дорог. Ведется работа по развитию и модернизации Транссибирской магистрали с целью улучшения грузопотока и сокращения времени доставки товаров в азиатские страны, продвижения проекта «Китай–Россия–Европа», что способствует развитию транзитного транспортного сообщения в регионе. На морских маршрутах осуществляется ряд проектов, направленных на расширение и модернизацию морских портов, таких как порты Владивостока, Находки и Санкт-Петербурга, особое внимание уделяется развитию Северного морского пути. Немаловажную роль играют строительство и модернизация интермодальных терминалов, обеспечивающих перевозку грузов между различными видами транспорта (железнодорожного, морского, автомобильного и др.).

⁶ Посол РФ назвал прямые поставки оружия Украине красной линией в отношениях с Сеулом // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/19766145>.

Обсуждение результатов

Стремление России к укреплению экономических связей со странами АТР носит системный характер и охватывает множество направлений. Интенсивное развитие торговых отношений с Китаем, крупнейшим экономическим партнером, продолжает набирать обороты. Двусторонние проекты включают масштабные инвестиции в энергетический сектор, совместное строительство инфраструктурных объектов и технологическое сотрудничество. Китай заинтересован в стабильных поставках российских энергоносителей, а Россия получает доступ к китайским технологиям и инвестициям, что способствует модернизации ее собственной промышленной базы.

Не менее значимы отношения России с АСЕАН, которые охватывают широкий спектр сфер – от военного сотрудничества до совместных научных исследований. Совместные проекты в области энергетики, включая атомную энергетику, являются одними из ключевых направлений сотрудничества. АСЕАН также проявляет интерес к транспортным коридорам, связывающим Россию и Юго-Восточную Азию, что создает дополнительные возможности для торговли и взаимовыгодных инвестиционных проектов.

Важным элементом стратегического партнерства России с АТР является участие в многосторонних региональных организациях, таких как ШОС и АТЭС. В рамках ШОС Россия активно продвигает инициативы по обеспечению региональной безопасности, борьбе с терроризмом, наркоторговлей и другими угрозами. Совместные учения и обмен информацией между спецслужбами способствуют укреплению доверия и повышению уровня безопасности в регионе.

В целом стратегическая переориентация современной России на Азиатско-Тихоокеанский регион становится важным элементом ее внешнеполитической доктрины. Трансформация отвечает как внутренним потребностям в модернизации и экономическом развитии, так и внешним вызовам, связанным с изменением глобального баланса сил. Российская Федерация продолжает укреплять свои позиции в регионе, стремясь к гармоничному и взаимовыгодному сотрудничеству с ключевыми азиатскими партнерами. Текущая внешнеполитическая стратегия России в АТР является многогранной и комплексной, направленной на создание устойчивой и надежной основы для будущего развития.

Выводы

Подводя итоги анализа, можно сделать вывод о значительной трансформации интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В период после распада СССР Россия столкнулась с экономическими и политическими вызовами, что способствовало пересмотру своих внешнеполитических приоритетов. Трансформация интересов

сов России в АТР связана с поиском новых возможностей для развития и сотрудничества в условиях изменяющейся мировой политической обстановки.

Такие geopolитические приоритеты, как экономическая диверсификация, развитие совместных инфраструктурных проектов и укрепление военно-стратегического взаимодействия с азиатскими партнерами, обладают значительным потенциалом и отражают стремление России к укреплению своего geopolитического статуса как в регионе, так и в мире в целом.

Перечисленные в статье проекты не только открывают новые перспективы для транзитных перевозок между Европой и Азией, способствуют сокращению времени доставки товаров, снижению транспортных издержек и повышению конкурентоспособности российских маршрутов на мировом рынке, но и расширяют существующие экономические связи со странами АТР, предоставляя новые рынки сбыта и возможности для инвестиционного сотрудничества.

В то же время вызовы, связанные с изменениями глобальной экономики и появлением новых geopolитических рисков, требуют постоянного внимания и адаптации существующей стратегии. Россия продолжает искать баланс между укреплением национальной безопасности и развитием экономических связей, что способствует стабильности и устойчивому развитию в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Буневич Д.С. Крымский кризис 2014 года и создание новой архитектуры международных отношений [The Crimean Crisis of 2014 and the Creation of a New Architecture of International Relations] // Конфликтология / Nota Bene. 2015. № 2. С. 133–139.
2. Гордиенко Д.В. Торгово-экономическое сотрудничество Китая с Россией. Возможности по реализации потенциала импортозамещения в экономике Российской Федерации [The Crimean Crisis of 2014 and the Creation of a New Architecture of International Relations] // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 1. № 2(143). С. 33–53.
3. Киселев С.Г. Основные тренды в geopolитической картине мира [Main Trends in the Geopolitical Picture of the World] // Россия и регионы мира: реглобализация: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 24–26 мая 2023 г. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 129–136.
4. Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций [New challenges and threats to the security of the Russian Federation in the context of global and local transformations]: монография / кол. авторов; под общ. ред. С.В.Устинкина, А.В.Никитина. М.: РУСАЙНС, 2023. 388 с.
5. Сойников А.А., Гальченко С.И. Беловежские соглашения: предыстория и последствия [Belovezh Accords: background and consequences] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2(58). С. 25–32.
6. Koizumi Yu. 4 Japan-Russia Relations and Security: The Japanese Perspective // Handbook of Japan-Russia Relations, edited by Dmitry Streltsov and Kazuhiko Togo, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2024: 56–72. [In English]
7. Lobo S.J. Russia in the Indo-Pacific through Multipolarity, Eurasian Integration, and the RFE // The New World Politics of the Indo-Pacific. Routledge India, 2024: 89–102. [In English]
8. Song W. Between autonomy and alliance: the evolution of South Korea's alliance management strategy // China International Strategy Review. 2024. 6: 139–155. [In English]

Информация об авторе

КОНОВАЛОВ Илья Александрович. Аспирант кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1. 79163235030@ya.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 21 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bunevich D.S. The Crimean Crisis of 2014 and the Creation of a New Architecture of International Relations. Konfliktologiya [Conflictology] / Nota Bene. 2015; 2:133–139 [In Russian].
2. Gordienko D.V. Trade and Economic Cooperation between China and Russia. Opportunities for Realizing the Import Substitution Potential in the Economy of the Russian Federation. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. [Economy and Management: Problems, Solutions]. 2024; Vol. 1, 2(143):33–53 [In Russian].
3. Kiselev S.G. Main Trends in the Geopolitical Picture of the World. Rossiya i regiony mira: reglobalizaciya [Russia and Regions of the World: Re-Globalization]: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 24–26, 2023. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2023: 129–136 [In Russian].
4. New challenges and threats to the security of the Russian Federation in the context of global and local transformations: monograph / col. of authors; under the general ed. of S.V. Ustinkin, A.V. Nikitin. Moscow: RUSAINS, 2023:388 [In Russian].
5. Soynikov A.A., Galchenko S.I. Belovezh Accords: background and consequences. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2021; 2(58):25–32 [In Russian].
6. Koizumi Yu. 4 Japan-Russia Relations and Security: The Japanese Perspective. Handbook of Japan-Russia Relations, ed. by Dmitry Streltsov and Kazuhiko Togo, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2024:56–72 [In English].
7. Lobo S.J. Russia in the Indo-Pacific through Multipolarity, Eurasian Integration, and the RFE. The New World Politics of the Indo-Pacific. Routledge India, 2024:89–102 [In English].
8. Song W. Between autonomy and alliance: the evolution of South Korea's alliance management strategy. China International Strategy Review. 2024, 6:139–155 [In English].

About the authors

Ilya A. KONOVALOV. Postgraduate student of the Department of Political Science of the Moscow State Linguistic University. <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>. Address: 38, building 1, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. 79163235030@ya.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 8, 2024. Approved after review: July 21, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-47-60](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-47-60)

Политические науки

Прагматизм и идеология в российско-германских энергетических отношениях

Павел Максимович Сугоняев✉

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия
sugonyaevpavel@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-3127-5911>

Аннотация. Сотрудничество России и Германии в энергетической сфере долгое время основывалось на двусторонних интересах и экономическом прагматизме, однако в последнее время ФРГ в отношениях с Россией демонстрирует идеологизированность и утрату суверенитета в важной для государства сфере снабжения энергией. В данной статье изучалась история двусторонних энергетических отношений, их особенности, политические последствия от их разрыва и результаты проводимой ФРГ энергетической политики. Результатом исследования стало получение количественных данных об объеме энергетического сотрудничества двух государств в сфере энергетики, а также состояние и динамика немецкой энергетики за последние 30 лет. К основным выводам исследования принадлежит доказательство тезиса о снижении возможностей Германии на мировой арене в результате сокращения экономической мощи; было доказано предположение о важности для Германии поставок недорогих энергоносителей из России, а также выявлена уязвимость политической системы Германии к влиянию извне посредством деструктивных политических сил. Итоговым выводом стало доказательство примата идеологии над прагматизмом в немецкой энергетической и внешней политике по отношению к России в последние годы.

© Сугоняев П.М., 2024

© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2024

Ключевые слова: внешняя политика, Германия, идеология, поставки энергоносителей, прагматизм, Россия, энергетическая политика

Для цитирования: Сугоняев П.М. Прагматизм и идеология в российско-германских энергетических отношениях // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 47-60, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-47-60](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-47-60)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-47-60](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-47-60)

Political Sciences

Pragmatism and Ideology in Russian-German Energy Relations

Pavel M. Sugonyaev✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sugonyaevpavel@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-3127-5911>

Abstract. For a long time, cooperation between Russia and Germany in the energy sector was based on bilateral interests and economic pragmatism, but recently in its relations with Russia the Federal Republic of Germany has been demonstrating ideologisation and loss of sovereignty in the important sphere of energy supply. This article investigated the history of bilateral energy relations, their characteristics, the political consequences of their disruption, and the results of the German energy policy. The results of the study include quantitative data on the volume of energy co-operation between the two states in the energy sector, as well as the status and dynamics of the German energy sector over the last 30 years. The main conclusions of the study are: 1) the thesis of Germany's declining opportunities on the world stage because of its shrinking economic power has been proved. 2) The assumption of the importance of low-cost energy supplies from Russia for Germany has been confirmed. 3) The vulnerability of the German political system to external influence through destructive political forces has been revealed. The final conclusion was that ideology has taken priority over pragmatism in German energy and foreign policy towards Russia in recent years.

Keywords: energy policy, energy supply foreign policy, Germany, ideology, pragmatism, Russia

For citation: Sugonyaev P.M. Pragmatism and Ideology in Russian-German Energy Relations. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 47-60, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-47-60

Введение

Взаимовыгодное немецко-российское энергетическое партнерство, выстрадавшееся на протяжении последних пятидесяти лет, с началом Россией специальной военной операции было приостановлено. В дальнейшем, в ходе нераскрыто го до сих пор уничтожения одной из веток проекта «Северный поток» в сентябре 2022 г., сотрудничество было серьезно осложнено из-за повреждения инфраструктуры газопроводов. При этом возможности по поставкам энергоресурсов из России в Германию по-прежнему сохраняются. Наша страна демонстрирует свою заинтересованность в энергетическом партнерстве. Вместе с тем ФРГ, один из главных бенефициаров сотрудничества, по собственной воле проводит политический курс в сторону отказа от российских энергоресурсов, что наносит ей немалый экономический урон. При этом в Берлине до сих пор сохраняется удивительное единодушие в среде политического класса по этому вопросу, одновременно ФРГ активно развивает концепцию энергетического перехода параллельно отказу от атомной и угольной генерации. В этой связи возникает вопрос: насколько прагматичным или все же идеологизированным стал шаг немецких властей по сворачиванию двустороннего энергетического сотрудничества.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования стали официальные статистические данные по экспорту и импорту энергоносителей России и Германии соответственно, материалы исследований экспертов и «мозговых центров» по данной тематике, данные иностранных и российских средств массовой информации.

В ходе подготовки статьи были проанализированы диссертационные исследования [5, 7 и др.], материалы публикаций в научных журналах [1-2, 4, 6, 9], научные материалы на иностранных языках [10-12] и научная литература [3, 8].

Научными методами, использованными в статье, стали метод статистического анализа, метод анализа документов, метод синтеза и классификации в ходе подготовки информационных таблиц по теме. Метод сравнения использовался в ходе сопоставления данных об энергетике Германии 1990 и 2022 гг., метод дедукции был применен ради выявления уязвимостей политической системы ФРГ.

Результаты исследований

Успешное двустороннее энергетическое сотрудничество между Россией и Германией было свернуто немецкой стороной под давлением внешних сил и вопреки собственным национальным интересам. Этот шаг напрямую отразился на возможностях Германии в мире, так как ее политический вес на мировой арене обусловлен экономикой.

Начало успешного сотрудничества

Энергетическое межгосударственное сотрудничество подразумевает торговлю электроэнергией или основными видами ископаемых энергоресурсов, таких как каменный или бурый уголь, нефть, природный газ или атомное топливо между энергетически богатым государством-экспортером и энергетически бедным государством-импортером.

История экономических отношений России и Германии уходит в глубину времен. Вместе с тем в истории энергетического партнерства сторон можно без труда найти начальную точку: в самый разгар холодной войны ФРГ после смены правящей коалиции, а также в силу экономической необходимости пошла на налаживание отношений с государствами социалистического лагеря в виде «Новой восточной политики», провозглашенной канцлером от социал-демократов Вилли Брандтом (1969–1974). Сделка «газ – трубы» и Московский договор 1970 г.¹ обеспечили прочный фундамент для взаимного партнерства. В 1970-е гг. происходило заключение все новых сделок, шло наращивание объема поставок труб и природного газа в обмен на них, несмотря на активные попытки США этому помешать [6, с. 18-19]. При Брандте доля советского газа поднялась до 5% от всего импорта природного газа Германией [8, с. 125-127].

Во время правления следующего канцлера Гельмута Шмидта (1974–1982) доля советского газа вплотную приблизилась уже к 40%. Гельмут Коль (1982–1998) довел долю до половины в конце 1980-х гг., при нем процентная доля советского газа не опускалась ниже 40%. При правительстве Герхарда Шредера (1998–2005) сохранилась примерно такая же динамика – от 40 до 45% импорта газа. При Ангеле Меркель (2005–2021) поставки газа из России в Германию достигли максимального уровня и превзошли рубеж в 55% [2, с. 206-423]. По данным Газпрома, динамика поставок газа в Европу за 40 лет (с 1973 по 2013 г.) продемонстрировала увеличение с 1,1 млрд м³ до 40,2 млрд м³², что показывает прирост в 3646%. С ростом проблем, вызванных повышением зависимости от стран-транзитеров, Россия и Германия осуществили масштабный проект по строительству в 2005–2012 гг. «Северного потока-1» [7, с. 20], на прямую их связавшего и вызвавшего шквал критики в адрес Германии со стороны ее европейских партнеров. Одними потоками дело не ограничивалось – как на межгосударственном, так и на уровне частных компаний совместная работа в газовой сфере активно продолжалась [12, с. 13-14]. Германия в 2007 г. стояла на втором месте после всего СНГ среди покупателей российского природного газа, а в 2021 г. – уже на первом [3, с. 243-261]. Соответственно, важность взаимного сотрудничества значительно повысилась за этот временной период.

¹ О Московском договоре между СССР и ФРГ // Историко-документальный департамент МИД России. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/o-moskovskom-dogovore-mezhdusssr-i-frg/.

² 40 лет на рынке Германии. Газпром. 2013. URL: <https://www.gazprom.ru/about/history/events/germany40/>.

В 2019 г. доля газа из России составила 50,7% всего импорта газа³. В 2020 г. доля оставалась высокой, в следующем году она находилась на уровне 55% и падает в 2022 г. до 20% на фоне украинского конфликта⁴. Другие данные показывают, что увеличение экспорта «голубого топлива» Россией выросло с 1992 по 2021 г. незначительно (на 13 млрд м³). В 2022 г. поставки рухнули практически на 60 млрд м³. Дальнейшее развитие в 2023 и 2024 гг. показывает постепенное снижение импорта российского газа до нуля с сентября 2022 г.⁵ (как показано в таблице 1). Приведенные данные показывают фактическое отсутствие физических поставок природного газа из России или стран-транзитеров вроде Польши, Чехии или Австрии и одновременно замещение объемов газом из Норвегии и Нидерландов в 2023 и 2024 гг.⁶

Таблица 1. Доля российского газа в импорте ФРГ при разных правительствах
Table 1. The share of Russian gas in German imports under different governments

Федеральное правительство	Доля российского газа в импорте ФРГ
В.Брандт (1969–1974)	5%
Г.Шмидт (1974–1982)	40%
Г.Коль (1982–1998)	50%
Г.Шредер (1998–2005)	45%
А.Меркель (2005–2021)	55%
О.Шольц (с 2021 г.)	0%

Получается, что социал-демократ Олаф Шольц (канцлер Германии с 2021 г.) и правительство «светофорной» коалиции, важную роль в которой играет партия «Зеленых» и «Свободная партия Германии», кардинально снизили импорт российского газа в страну, мотивируя это прежде всего обострением украинского конфликта. Немецкие СМИ с радостью написали о замещении поставок российского газа норвежским⁷. Немецкие эксперты стали критиковать газовое сотрудничество с Россией. При-

³ Афанасьева М. История и перспективы энергетических сделок между Россией и Германией на фоне санкций США и «зеленой» энергополитики. [History and prospects of energy deals between Russia and Germany against the background of US sanctions and green energy policy]. URL: https://russiancouncil.ru/analytic-and-comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivy-energeticheskikh-sdelok-mezhdru-rossiye-i-germaniy-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze/?phrase_id=96231381.

⁴ Germany cuts Russian share in gas use by more than half in 2022. Bloomberg. 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-20/germany-cuts-russian-share-in-gas-use-by-more-than-half-in-2022>.

⁵ Import volume of natural gas from Russia in Germany from June 2021 to June 2023. Statista.2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1332783/german-gas-imports-from-russia/>.

⁶ Erdgasdaten aktuell. BDEW Bundesverband der Energie- und Wasserwirtschaft. 2023. URL: <https://www.bdew.de/energie/aktuelle-entwicklungen-zu-erdgasdaten/>.

⁷ Deutschland kompensiert russische Gaslücke. Zeit Online. 2023. URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2023-03/deutschland-erdgas-versorgung-russland-kompensiert-netzagentur>.

чиной для критики стало игнорирование геополитических рисков (слишком высокая зависимость от поставок из России), а также возникновение проблем с европейскими структурами, и одновременно с энергетическим переходом, отказом от ядерной энергии, предпринимаются и попытки обосновать недостатки сотрудничества с Россией посредством аргументации высоких цен на газ для немецкой промышленности [11, с. 373-393]. Другие эксперты прогнозировали последствия возможной остановки импорта энергоресурсов из России (риск для немецкой экономики как следствие высокой зависимости Германии от российских поставок), при этом основные проблемы возникли бы с поставками газа. Немецкой экономике был дан совет: готовиться в этом случае к экономии и постепенной замене ископаемых энергоресурсов на ВИЭ. Для снижения зависимости от импорта энергии ФРГ необходимо как можно дольше поддерживать высокий уровень цен на ископаемые ресурсы для создания большего числа стимулов по их замещению на ВИЭ [10, с. 14].

В нефтяной сфере сотрудничество между Россией и Германией также активно развивалось. Вообще, с 1992 по 2021 г. экспорт нефти и нефтепродуктов из России вырос практически в три раза. ФРГ находилась в 2000 г. на четвертом месте среди импортеров российской нефти, а с 2016 по 2021 г. – стабильно на третьем месте после Китая и Нидерландов [3, с. 354-355]. Так же, как и в ситуации с газом, между двумя государствами наращивалось партнерство, и активно развивалась сеть нефтепроводов. Так, с 1960-х гг. были построены нефтепровод «Дружба» через территорию Польши, Чехословакии, Венгрии и ГДР, а также Балтийская трубопроводная система (БТС-1 в 2001 г. и БТС-2 в 2006 г.), проложенная уже в обход транзитеров из числа постсоветских стран и бывших союзников по социалистическому лагерю⁸.

Хотя с 1950 по 1985 г. основными поставщиками нефти на рынок Германии оставались государства Ближнего Востока или Африки, Россия сумела обогнать их по объемам поставок в силу нестабильной политической ситуации в регионе⁹. В результате у России получилось с 2008 г. стать крупнейшим поставщиком «черного золота» в Германию, вдвое превзойдя находящуюся на втором месте среди основных поставщиков нефти в Германию Великобританию. С 2019 г. Германия данные по поставкам нефти стала скрывать¹⁰, вновь они были опубликованы уже в связи с политикой отказа Германии от всех энергоресурсов из России, прежде всего газа и нефти (показано в таблице 2). В начале 2022 г. основным покупателем российской

8 Печищева Л. Российско-германские «газовые» и «нефтяные» отношения [Russian-German 'gas' and 'oil' relations]. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/columns/europeanpolicy/rossiysko-germanskie-gazovye-i-neftyanye-otnosheniya/>.

9 Energy resources in Germany // Federal Institute for Geosciences and Natural Resources. URL: https://www.bgr.bund.de/EN/Themen/Energie/Downloads/Energierohstoffe_2009_Teil3_en.pdf?blob=publicationFile&v=2.

10 Афанасьева М. История и перспективы энергетических сделок между Россией и Германией на фоне санкций США и «зеленой» энергополитики [History and prospects of energy deals between Russia and Germany against the background of US sanctions and green energy policy]. URL: https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/columns/europeanpolicy/istoriya-i-perspektivnye-energeticheskikh-sdelok-mezhdu-rossiey-i-germaniey-na-fone-sanktsiy-ssha-i-ze/?phrase_id=96231381.

нефти были США и европейские государства (в их числе и Германия), которые использовали разветвленную систему нефтепроводов и наработанные годами контакты. Однако уже к началу 2023 г. европейских покупателей российской нефти стало заметно меньше, чем азиатских и африканских. Особый интерес вызывает тот факт, что Европа стала закупать огромное количество нефтепродуктов у таких государств, как Бразилия и Индия, которые, в свою очередь, серьезно нарастили импорт нефти из России¹¹.

Немецкая статистика показывает, что различные федеральные земли импортировали нефть из России вплоть до октября 2022 г., а уголь – вплоть до февраля 2024 г.¹² Согласно немецким данным, сохраняется крайне высокая доля российских нефтепродуктов (34% в 2021 г. и 25% в 2022 г.) и снижение доли России в импорте нефти до нуля в 2023 г. Российскую долю в импорте разделили прежде всего Норвегия, США и Великобритания, доля импортированного дизеля также снизилась до 5% в 2023 г. (сокращение на 85%)¹³. Кроме того, западные государства совместно установили потолок цен на российскую нефть, что привело к снижению экспорта Россией нефти в Европу и к повышению цен на нефть на континенте. Однако отсутствие вменяемого механизма контроля и суть рыночных отношений не оставят шанса ценовому потолку в долгосрочной перспективе [9, с. 540-541].

Таблица 2. Импорт нефти ФРГ, основной регион поставок
Table 2. Oil imports from Germany, the main supply region

Десятилетие	Основной регион немецкого импорта нефти
1950-е гг.	Ближний Восток
1960-е гг.	Ближний Восток
1970-е гг.	Африка
1980-е гг.	СССР
1990-е гг.	Западная Европа
2000-е гг.	Россия
2010-е гг.	Россия
2020-2024 гг.	Западная Европа и США

11 Экспорт нефтепродуктов из России TADVISER. 2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php?%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%B8%D0%BD%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.

12 Exports and imports (foreign trade): Länder, months, countries, classifications of trading goods. DeStatist. 2024. URL: [https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=abruftabelleBearbeiten&levelindex=1&levelid=1714814795721&auswahloperation=abruftabelleAuspraegungAuswahl&auswahlverzeichnis=ordnungsstruktur&auswahlziel=werteabruf&code=51000-0037&auswahltext=&wertauswahl=253&wertauswahl=257&wertauswahl=254&nummer=10&name=GP19B2#astructure](https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?operation=abruftabelleBearbeiten&levelindex=1&levelid=1714814795721&auswahloperation=abruftabelleAuspraegungAuswahl&auswahlverzeichnis=ordnungsstruktur&auswahlziel=werteabruf&code=51000-0037&auswahltext=&wertauswahl=253&wertauswahl=257&wertauswahl=254&nummer=10&variable=10&name=GP19B2#astructure).

13 Mineralöldaten 2023. Arbeitsgemeinschaft Energiebilanzen. 2023. URL: <https://ag-energiebilanzen.de/daten-und-fakten/zusatzinformationen/>.

В атомной сфере между двумя государствами практически не велось сотрудничества, ведь Россия и Германия используют разные типы реакторов, рассчитанные на разные виды топлива (ФРГ оперативно закрыла на своей территории все АЭС советского типа), соответственно, ФРГ до недавнего времени сотрудничала с другими акторами в этой сфере.

Энергетическое сотрудничество в угольной сфере между Россией и Германией началось в постсоветский период истории России. Экспорт угля в стране серьезно вырос с 1992 г. практически в 6 раз, бурого угля – практически в 30 раз с максимумом поставок в 2022 и 2021 гг., Германия также являлась покупателем российского сырья. Доля ФРГ в общем российском экспорте значительно повысилась с 2009 г., страна оказалась в 2021 г. на восьмом месте среди покупателей российского угля [3, с. 259-261]. Однако в связи с началом СВО Германия решила оборвать связи с Россией и в этой сфере. Доля каменного угля из Российской Федерации в 2021 г. оставалась неизменно высокой и заметно превышала совокупные поставки из других государств в силу географического фактора и налаженной схемы сотрудничества. Вплоть до июля 2022 г. российская доля составляла более 50%, а в сентябре 2023 г. оказалась уже практически нулевой¹⁴. Однако благодаря набранной динамике и необходимости времени на поиск новых поставщиков и переориентацию на них Россия осталась в 2022 г. крупнейшим поставщиком каменного угля на внутренний рынок ФРГ¹⁵.

Таким образом, события 2022 г., по заявлению некоторых официальных лиц Германии о формальном окончании эры российско-германского сотрудничества, стали решающим ударом по двусторонним отношениям. Между тем начало было положено еще санкционным режимом 2014 г., хотя расчет окончательности разрыва есть и противоположное мнение Г.Шредера, уверенного в возобновлении будущего энергетического сотрудничества [2, с. 182]. Во всех трех сферах наблюдается одна идентичная картина: Германия, в силу идеологии и солидарности, полностью разрывает длившиеся десятилетиями особые энергетические отношения с Россией, опирающиеся на уже готовую инфраструктуру. Взамен немцы переплачивают за поставки всех ископаемых ресурсов и вынуждены в кризисной ситуации выстраивать новые цепочки поставок. Очевидно, что такой шаг противоречит интересам Германии в дальнейшем экономическом развитии, которое традиционно строилось на выгодных поставках ресурсов и энергоносителей.

Политические последствия окончания энергетического сотрудничества с Россией

Последствия разрыва энергетических отношений между Россией и Германией сильно ударили по обеим сторонам. Во-первых, даже несмотря на прогнозы не-

¹⁴ PEV-Schätzung Steinkohle im 1. bis 4. Quartal 2023. Schätzung der EEFA-Forschungsinstituts. Steinkohlendaten 2023. URL: <https://ag-energiebilanzen.de/daten-und-fakten/zusatzinformationen/>.

¹⁵ Россия в 2022 году была крупнейшим поставщиком угля в Германию, пишут СМИ. РИА Новости. 25.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230225/ugol-1854265467.html>.

мецких экспертов, сотрудничество с Россией означало эпоху дешевых энергоносителей для Германии, что ушло по итогу в прошлое. После окончания зависимости от энергоресурсов из России Германия получила зависимость от других экспортеров энергоносителей, прежде всего от США, являющихся не только продавцом дорогого сжиженного природного газа (СПГ), подверженного серьезным сезонным ценовым скачкам, но и прямым конкурентом Германии¹⁶. Кроме того, ФРГ, принеся в жертву прагматизм и хорошие налаженные связи с Россией, очутилась в новой геополитической реальности, где она с ограниченным суверенитетом участвует в противостоянии Вашингтона с его конкурентами в виде России в настоящее время и Китая в будущем. При этом Германия сама объявила в Стратегии национальной безопасности Россию самой большой угрозой для мира и безопасности в евроатлантическом пространстве и обвинила Россию в подрыве безопасности Германии при помощи энергетического сотрудничества [1, с. 174]. Кроме того, на внутренней политике также отразился энергетический кризис, ведь идеология отказа от ископаемых энергоресурсов оказалась в итоге пересмотрена в попытке обуздать рост цен на энергию, что вызвало конфликты внутри «Зеленой партии» – основного лоббиста «зеленого» курса и энергоперехода. В партии возникли разногласия между реалистами и сторонниками традиционных экологических ценностей. Дальнейший рост государственных расходов (энергетический кризис и экономический спад) и попытки государства снизить меры поддержки населения привели к росту протестной активности и мобилизации сторонников несистемных партий, таких как «Альтернатива для Германии». Все это свидетельствует о дальнейшем осложнении социально-экономической ситуации в стране, постепенной утрате суверенитета, отходе от национальных интересов [6, с. 305-310]. Такая ситуация будет иметь внутри- и внешнеполитические последствия.

Результаты немецкой энергетической политики (показаны в таблице 1)

Чтобы оценить важность сотрудничества Германии с Россией в сфере энергетики, а также оценить политические последствия отказа от партнерства с Россией необходимо сравнить состояние немецкой энергетики в 1990 и 2022 гг.¹⁷ Ниже собраны и сгруппированы данные в составленной автором таблице.

¹⁶ Deutsche Unternehmen mit Rekordinvestitionen in den USA – „Wir fallen derzeit zurück“ // Merkur. 2024. URL: <https://www.merkur.de/wirtschaft/deutsche-unternehmen-mit-rekordinvestitionen-in-den-usa-inflation-reduction-act-zr-92849203.html>.

¹⁷ Enerdata. Данные о мировой энергетике и климате. 2023. URL: <https://energystats.enerdata.net/>. AG Energiebilanzen. 2023. URL: https://ag-energiebilanzen.de/daten-und-fakten/bilanzen-1990-bis-2030/?wpv-jahresbereich-bilanz=1990-2000&wpv_aux_current_post_id=45&wpv_aux_parent_post_id=45&wpv_view_count=2753-CATTRe4257049c177cf191052746afc46d0a3.

Таблица 3. Динамика энергетики Германии, с 1990 по 2022 г.
Table 3. German energy dynamics, from 1990 to 2022

Показатель	1990	2022	Динамика
Общее потребление энергии, Мт нефтяного эквивалента	352	270	-23,3%
Собственное производство энергии, Мт нефтяного эквивалента	187	96	-48,7%
Энергоемкость, т усл. топлива / ед. ВВП	0,130	0,065	-50,0%
Производство электроэнергии, Твт/ч	550	578	+5,0%
Добыча угля, млн т	434	131	-69,8%
Потребление угля, млн т	449	168	-62,6%
Добыча нефти, млн т	5	3	-40,0%
Производство нефтепродуктов, млн т	106	98	-7,5%
Потребление нефтепродуктов, млн т	119	92	-22,7%
Добыча природного газа, млрд м ³	19	5	-73,7%
Потребление природного газа, млрд м ³	70	83	+18,6%
Доля ВИЭ в энергобалансе, %	3,9	44,4	+40,5 п.п.
Доля СЭС и ВЭС в энергобалансе, %	0	32,5	+32,5 п.п.
Выбросы углерода, млн т	964	636	-34,0%
Производство электроэнергии на АЭС, Твт/ч	144,6	6,8	-95,3%

Общее потребление энергии с 1990 по 2022 г. снизилось практически на четверть, собственное производство – практически в два раза. В рамках компенсации такого падения значительно снизилась – практически в два раза – энергоемкость экономики, производство электроэнергии за 20 лет выросло лишь на 5%. Вслед за сокращением потребления энергии значительно снизились добыча и потребление угля (на 70 и 60% соответственно), добыча нефти, производство и потребление нефтепродуктов (мизерная нефтедобыча самой Германии незначительно сократилась, как и производство нефтепродуктов, потребление нефтепродуктов упало на 20%). Практически на три четверти снизилась собственная добыча газа, тоже, однако, незначительная по объемам. Потребление газа, в свою очередь, выросло почти на 20%.

Настоящее обрушение пережила генерация атомной энергии в связи с закрытием последней АЭС в апреле 2023 г.¹⁸, в 20 раз (в 2024 г. атомной энергии в Германии не произведено вообще). При этом нельзя не отметить значительный рост возобновляемой энергетики до 40%, а ветряной и солнечной генерации – до 32,5% в энергобалансе страны и снижение выбросов углерода почти на третью (что, однако, связывают и с закрытием множества производств и электростанций на территории бывшей ГДР).

¹⁸ Die letzten Atommeiler sind abgeschaltet // Tagesschau. 2023. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/atomkraftwerke-stilllegung-105.html>.

Обсуждение результатов

Таким образом, даже несмотря на уменьшение потребления угля, нефти и атомной энергии, выросла энергоэффективность и доля генерации от возобновляемых источников энергии (ВИЭ), снизились выбросы углерода. На фоне достигнутого все же выделяется показатель потребления природного газа, чьим проверенным экспортером долгое время являлась Россия.

Вообще, состояние и динамика немецкой энергетики за последние тридцать лет позволяют сделать вывод о незначительном развитии экономики, что, в свою очередь, отражает политический вес Германии на мировой арене. Попытки Германии повысить свою энергетическую безопасность путем опоры на ВИЭ, с одной стороны, помогает меньше зависеть от поставок из-за рубежа, однако с другой – ставит перед энергосистемой ряд новых и еще не решенных проблем [4, с. 98-106]; кроме того, государство попадает в зависимость уже от поставщиков оборудования для солнечной и ветряной генерации. Зависимость выходит на новый уровень, а энергосистема становится еще более хрупкой, что угрожает экономическому развитию и, соответственно, позиционированию ФРГ на мировой арене. При этом потребность энергетических ресурсов никуда не исчезает, и поиск новых партнеров вкупе с налаживанием новых маршрутов поставок ведет к дополнительному удорожанию энергоресурсов и электроэнергии в стране. Кроме того, большая зависимость от евроатлантических партнеров приведет к еще большему отказу от суверенитета и своих собственных интересов, что сделает ФРГ лишь инструментом политики других акторов.

Выводы

В недавнем прошлом объем двустороннего энергетического сотрудничества между Россией и Германией был внушительным, что отвечало интересам обеих сторон: ФРГ были необходимы дешевые энергоресурсы и крупный рынок, России – технологии и высокотехнологичные промышленные товары. Однако с 2014 г. власти Германии избирают путь открытого соперничества с Россией посредством санкций. Политическая система Германии вновь провозгласила верность евроатлантического пути и его безальтернативность, ко власти смогли прийти политики, скептически настроенные к энергетическому сотрудничеству с Россией и продвигающие дорогостоящую «зеленую» повестку дня.

Фактически немецкий политический класс собственными усилиями разрушил выгодное энергетическое партнерство с Россией, выступил против здравого смысла и экономического прагматизма, подрывая экономику, напрямую обеспечивающую вес и возможности Германии на мировой арене. Соответственно, в случае энергетики немецкая политическая система оказалась не в состоянии обеспечить устойчивое следование национальным интересам и сопротивляться деструктивному влиянию

наднациональных структур и зарубежных игроков. Как оправдание этой политике использовалась выдуманная угроза со стороны России в виде прекращения поставок энергоресурсов в Германию, использования газа как оружия. При всех этих фантазиях против Германии действительно было применено оружие, повредившее ее стратегическую газовую инфраструктуру, что, однако, все равно было списано на действия России.

Список литературы

- Белозеров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ [Germany is constructing a strategic culture. Thoughts after the release of the German National Security Strategy] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5(123). С. 166–177. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177>.
- Гладков И.С. Внешнеторговые связи Германии: тренды прошедшего десятилетия [Germany's foreign trade relations: trends of the past decade] // Власть. 2022. № 3. С. 177–184.
- Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах, 2008–2023 [Russian Reforms in Figures and Facts, 2008–2023]. М.: РУСАКИ, 2010. 498 с.
- Котре Ш. Энергетическая политика Федерального правительства Германии: отход от рыночной экономики [Energy policy of the German Federal Government: a shift away from a market economy] // Государственная служба. 2019. № 6(122). С. 96–106.
- Парусова К.А. Развитие взаимоотношений ФРГ и РФ в области энергетики: Историко-международные аспекты проблемы [Development of mutual relations between the Federal Republic of Germany and the Russian Federation in the sphere of energy: Historical and International Aspects of the Problem]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2005. 25 с.
- Рукавицын П.М. Российско-германское сотрудничество в сфере энергетики: смена парадигмы и ее экономические и политические последствия для ФРГ [Russian-German energy co-operation: paradigm shift and its economic and political implications for Germany] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 3. С. 303–312. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-303-312>.
- Смирнов С.В. Развитие сотрудничества СССР и ФРГ, России и Германии в энергетической сфере в конце XX – начале XXI века [Development of cooperation between the USSR and Germany, Russia and Germany in the energy sector in the late twentieth and early twenty-first centuries]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 07.00.03. М., 2013. 24 с.
- Сумин А.М. Энергетическая политика современной Германии: тенденции, проблемы, перспективы [Energy Policy of Modern Germany: Trends, Problems, Prospects]. М.: Газоил пресс, 2017. 216 с.
- Хассан Ш.Л. Сравнение факторов европейского нефтяного рынка до и после установления верхнего предела цен на российскую нефть [Comparison of European oil market factors before and after the Russian crude oil price cap was imposed] // Экономические науки. 2023. № 5(222). С. 537–541. <https://doi.org/10.14451/1.222.537>.
- Bachmann R., Baqae D., Bayer Ch., Kuhn M., Löschel A., Moll B., Peichl A., Pittel K., Schularick M. Was wäre, wenn...? Die wirtschaftlichen Auswirkungen eines Importstopps russischer Energie auf Deutschland [What if...? The economic impact of a ban on Russian energy supplies to Germany] // ECONtribute Policy Brief Series, 2022. No 29. 21 s. [In German]
- Umbach F. Strategische Irrtümer, Fehler und Fehlannahmen der deutschen Energiepolitik seit 2002 [Strategic errors, mistakes and misjudgements in German energy policy since 2002] // SIRIUS. 2022. 6(4). С. 373–393 [In German].
- Westphal K. German-Russian gas relations in face of the energy transition // Russian Journal of Economics. 2020. № 6. P. 406–423.

Информация об авторе

СУГОНЯЕВ Павел Максимович. Аспирант кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. <https://orcid.org/0009-0007-3127-5911>. Адрес: Российской Федерации, 125993, г. Москва, ул. Тверская, д. 11. sugonyaevpavel@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 мая 2024 г. Одобрена после рецензирования: 17 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Belozyorov V.K. Germany is constructing a strategic culture. Thoughts after the release of the German National Security Strategy. Rossiya v globalnoy politike [Russia in global politics]. 2023; 21(123):166–177 [In Russian]. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177>.
- Gladkov I.S. Germany's foreign trade relations: trends of the past decade. Vlast' [Power]. 2022; 3: 177–184 [In Russian].
- Kalabekov I.G. Russian Reforms in Figures and Facts, 2008–2023. Moscow: RUSAKI, 2010:498 [In Russian].
- Kotre S. Energy policy of the German Federal Government: a shift away from a market economy. Gosuvarstvennaya sluzhba [State service]. 2019;6(122):96–106 [In Russian].
- Parusova K.A. Development of mutual relations between the Federal Republic of Germany and the Russian Federation in the sphere of energy: Historical and International Aspects of the Problem]: Abstract of Theses. ... CandSc (Hist.): 07.00.15. Nizhniy Novgorod, 2005:25 [In Russian].
- Rukavitsin P.M. Russian-German energy co-operation: paradigm shift and its economic and political implications for Germany. Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Series: Sotsiologiya. Politologiya [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science]. 2023; 23(3):303–312 [In Russian]. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-303-312>.
- Smirnov S.V. Development of cooperation between the USSR and Germany, Russia and Germany in the energy sector in the late twentieth and early twenty-first centuries: Abstract of Theses ... CandSc (Polit.): 07.00.03. Moscow, 2013:24 [In Russian].
- Sumin A.M. Energy Policy of Modern Germany: Trends, Problems, Prospects. Moscow: Gazoil press, 2017:216 [In Russian].
- Hassan S.L. Comparison of European oil market factors before and after the Russian crude oil price cap was imposed. Economicheskiye nauki [Economics]. 2023; 5(222):537–541 [In Russian]. <https://doi.org/10.14451/1.222.537>.
- Bachmann R., Baqae D., Bayer Ch., Kuhn M., Löschel A., Moll B., Peichl A., Pittel K., Schularick M. What if...? The economic impact of a ban on Russian energy supplies to Germany. ECONtribute Policy Brief Series, 2022; 29:21 [In German].
- Umbach F. Strategische Irrtümer, Fehler und Fehlannahmen der deutschen Energiepolitik seit 2002 [Strategic errors, mistakes and misjudgements in German energy policy since 2002] // SIRIUS. 2022. 6(4):373–393 [In German].
- Westphal K. German-Russian gas relations in face of the energy transition. Russian Journal of Economics. 2020; 6:406–423 [In English].

About the authors

Pavel M. SUGONYAEV. Postgraduate student of the Department of Political Science of the Moscow State Linguistic University. <https://orcid.org/0009-0007-3127-5911>. Address: 11, Tverskaya, Moscow, 125993, Russian Federation. sugonyaevpavel@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 23, 2024. Approved after review: July 17, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327, 339.9

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-61-77](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-61-77)

Политические науки

Интерес арабских стран к интеграции в Евразии: тактика или стратегия?

Игорь Александрович Матвеев[✉]

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
iamatveev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>

Аннотация. В исторический момент перехода от однополярного к многополярному миру задачи, связанные с развитием диалога с арабским миром, нашли отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. В отличие от продвигаемой Западом неравноправной парадигмы «старший – младший», когда якобы «естественная» роль ведущего отводится западным державам, и которая встречает растущее сопротивление государств Глобального Юга, Россия предлагает своим арабским партнерам формировать повестку отношений на основе справедливого учета интересов друг друга.

Арабские правящие круги, эксперты, «арабская улица» все чаще воспринимают Россию в качестве государства-цивилизации, которое не только расположено в Евразии, но является локомотивом интеграции Незапада. Особый интерес вызывает Шанхайская организация сотрудничества как площадка для генерирования идей и координации между формирующимися центрами силы в лице Индии, Китая и России. Особенно после того, как в 2023 г. членом ШОС стал Иран – региональный соперник Саудовской Аравии.

Носит ли интерес арабов к евразийскому Незападу стратегический или тактический характер, будучи во втором случае нацелен исключительно на оказание давления на Запад для получения максимума уступок? Этот непростой, однако ключевой вопрос требует ответа экспертов, чем объясняется актуальность настоящей статьи. В своем исследовании автор использует инструменты ситуационного анализа, включая методы контент-анализа, анализа силового поля и визуализации данных. Автором делается итоговый вывод о преимущественно стратегическом характере интереса арабских стран к интеграции в Евразии, включая сотрудничество с Россией.

© Матвеев И.А., 2024

© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2024

This work is licensed under a Creative
Commons Attribution 4.0 License

Ключевые слова: Евразия, Россия, арабский мир, Незапад, Глобальный Юг, дуга нестабильности, региональный конфликт

Для цитирования: Матвеев И.А. Интерес арабских стран к интеграции в Евразии: тактика или стратегия? // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 61-77, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-61-77](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-61-77)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-61-77](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-61-77)

Political Sciences

Arab Countries' Interest in Integration in Eurasia: Tactics or Strategy?

Igor A. Matveev[✉]

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Moscow,
Russia
iamatveev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>

Abstract. In the situation of transition from a unipolar to a multipolar world, the tasks of developing a dialogue with the Arab world are set out in the Foreign Policy Concept of the Russian Federation for 2023. In contrast to the "senior-junior" concept developed by the West, in which the allegedly "natural" leading role is unfairly assigned to Western powers and which causes growing resistance from the states of the Global South, Russia proposes that its Arab partners form relations based on a fair consideration of each other's interests. The Arab ruling circles, experts, and the "Arab street" increasingly perceive Russia as a state-civilization that is not only located in Eurasia, but is also a driving force for the integration of the Non-West. Of particular interest is the Shanghai Cooperation Organization as a platform for generating ideas and coordinating between the emerging centers of power represented by India, China, and Russia, especially after Iran, a regional rival of Saudi Arabia, became a member of the SCO in 2023. Is the Arab interest in the Eurasian Non-West strategic or tactical, being in the second case aimed solely at exerting pressure on the West to obtain maximum concessions? This is a difficult, but key question that requires an answer from experts, which explains the relevance of this article. In his study, the author uses situational analysis tools, including content analysis methods, force field analysis and data visualization. The author concludes that the interest of Arab countries in integration in Eurasia, including cooperation with Russia, is predominantly strategic.

Keywords: Евразия, Россия, Арабский мир, Non-West, Global South, Arc of Instability, regional conflict

For citation: Matveev I.A. Arab Countries' Interest in Integration in Eurasia: Tactics or Strategy? Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 61-77, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-61-77

Введение

С самого начала оговоримся, что в качестве объекта нашего исследования выступает Евразийское геополитическое пространство, западные европейские рубежи которого, в отличие от южных, восточных и северных рубежей, очерченных Индийским, Тихим и Северным Ледовитым океанами, не совпадают с географическими границами Евразийского континента. В этой связи нельзя не согласиться с С.Ю.Козь-

менко, который, ссылаясь на построение геополитического и экономического атласа мира на основе сопряжения пространства в системе «континент vs. океан», делает вывод о том, что Европа не является единой геополитической конструкцией, поскольку здесь проходит линия соприкосновения морской и континентальной цивилизаций [12, с. 123].

Учитывая практическую направленность статьи, предмет которой составляют все же не идейные основы евразийства, будь то понятие «континент-оcean», сформулированное П.Н.Савицким [16, с. 104], или идеологема «Россия – Евразия», утверждающая теоретический статус евразийской цивилизации¹, а отношения с Евразией стран отдельно взятого историко-географического и языкового пространства – арабского мира, есть смысл сосредоточиться на анализе «восточного вектора» евразийства. Его теоретиком считается тот же П.Н.Савицкий, говоривший о важной роли Востока в истории России [17, с. 11-12], тогда как другой российский основоположник евразийства Г.В.Вернадский отмечал распространение Русского государства к востоку с колонизацией Сибири, ставшей для России подобием Америки для Испании и Индии для Англии [3, с. 62-63].

Цель исследования заключается в доказательстве гипотезы о стратегическом характере интереса арабов к Евразии, а его задачи – в формировании базы соответствующих аргументов. Новизна исследования состоит в изучении мотивов арабских стран в развитии отношений с Евразией как геополитическим, а не географическим пространством, то есть с евразийским Незападом, в русле современной тенденции в теории международных отношений, когда господству Запада в области теории, как точно заметила Т.А.Алексеева, брошен вызов международниками из Китая, Индии и других азиатских стран [1, с. 217].

Материалы и методы исследования

В процессе сбора доказательств для поддержки исследовательской гипотезы автор, прибегая к контент-анализу, опирался на обширный пласт российских и зарубежных источников, включая документы и заявления официальных лиц. Среди них – редакция Концепция внешней политики РФ от 31 марта 2023 г., программная статья В.Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», комментарии для СМИ С.В.Лаврова.

Полезными в теоретическом плане стали трактат С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» и монография «Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г.» [9], статья Л.А.Журавлевой, Е.В.Зарубиной, А.В.Ручки-

¹ Идеологеме «Россия – Евразия» посвящены, в частности, работы современного российского исследователя И.Ф.Кефели, где эта проблема анализируется при помощи синтеза исторического и географического знания, со ссылкой на продукты творческих исканий Г.В.Вернадского и П.Н.Савицкого [11, с. 12].

Рисунок 1. Оценка стратегических и тактических императивов, определяющих интерес арабских стран к интеграции в Евразии
Figure 1. Assessment of Strategic and Tactical Guidelines of Arab Countries in Terms of Integration in Eurasia

Источник: составлено автором с использованием базового метода Курта Левина [20]

Source: compiled by the author using the basic method of Kurt Lewin [20]

на, Н.Н.Симачковой, И.П.Чупиной «“Государство-цивилизация”: понятие, сущность, структура» с описанием перехода от традиционной (линейной) к новой цивилизационной методологической парадигме социальных и гуманитарных наук [10, с. 85].

Были использованы материалы международных организаций, в частности, Конференции ООН по торговле и развитию и Независимой комиссии по проблемам международного развития (доклад Брандта), данные с электронных ресурсов интеграционных объединений и организаций с участием евразийских и арабских стран, включая ШОС.

Исследование строилось на принципе единства теории и практики, предполагая соотнесение теоретических положений, касающихся многополярности, цивилизаций, дихотомии «Север – Юг» и интеграции на евразийском пространстве, с фактами, в том числе полученными автором эмпирическим путем – в ходе командировок в арабские страны, в беседах с официальными лицами, предпринимателями, дипломатами.

Для обобщения этих сведений широко использовалась инфографика (карты, рисунки), составленная при помощи метода визуализации данных. Автором были

дополнены имеющиеся в открытом доступе в сети Интернет географические карты, в том числе Магриба и Машрика, с указанием границ Запада / Незапада и евразийского Незапада в макрорегионе БВСА, актуализирована подготовленная СПбГУ в 2016 г. карта Евразийской дуги нестабильности, составлены карты конфликтов, вызовов и угроз.

Отдельно стоит упомянуть метод анализа силового поля (force-field analysis), основоположником которого считается Курт Левин. Этот метод, который используется в общественных науках для выявления сил, выступающих за или против изменений статус-кво в высококонкурентной среде, был адаптирован автором к сравнительной оценке тактических и стратегических императивов, детерминирующих интерес арабских стран к интеграции в Евразии (рисунок 1):

Результаты исследований

В настоящее время взаимное притяжение между Евразийским геополитическим пространством и арабским миром определяется действием комплекса факторов. Среди них можно отметить следующие:

1. Географический фактор.

«Арабский мир» (арабск. аль-Ватан аль-Арабий) – понятие, которое после Второй мировой войны популяризировалось идеологами арабского национализма (Мишем Афляком и др.), обозначая в документах того времени, например, в Программе сирийской Партии арабского возрождения 1947 г. «территорию, расположенную между горными хребтами Тавр и Большой Заб, Персидским заливом, Аравийским морем, Эфиопским нагорьем и Большой Сахарой, от Атлантического океана до Средиземного моря» [цит. по: 15, с. 73]. Для цели и задач настоящей статьи под «арабским миром» понимается совокупность 22 стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ), охватывающая в основном макрорегион, известный как Ближний Восток и Северная Африка (БВСА)². 10 государств расположены в Африке, а остальные 12 – в Азии (рисунок 2).

Таким образом, часть Машрика – востока арабского мира, куда входят азиатские страны Восточного Средиземноморья, или Леванта (Иордания, Ливан, Сирия, палестинские территории), Месопотамии (Ирак) и субрегион Персидского залива (Бахрейн, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), расположена на Евразийском континенте. Другая часть Машрика, объединяя Египет и государства Восточной Африки (Джибути, Коморские острова, Сомали, Судан), примыкает к Евразии. Арабский запад – Магриб³, который включает в себя страны Северо-Западной

² Термин «Ближний Восток и Северная Африка» (Middle East and North Africa, MENA) используется в научно-экспертном обороте, а также в документах ООН, Всемирного банка и других международных организаций: MENA / United Nations Global Compact. N.d. URL: <https://unglobalcompact.org/engage-locally/mena> (accessed 17.05.2024); Middle East and North Africa: Overview // The World Bank – official website. 15 Dec 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/mena/overview>.

³ Магриб / Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. С. 247.

Рисунок 2. Территориальная структура арабского мира и его границы с Западом и евразийским Незападом
Figure 2. Territorial Structure of the Arab World and Its borders with the West and Non-West

Map illustrating the four regions of the Eurasian Non-Western world (Magrib, Levant, Mashrik, Gzaib) overlaid on a map of the Middle East and North Africa. The regions are color-coded: Magrib (black), Levant (red), Mashrik (blue), and Gzaib (purple). The map also shows the Mediterranean Sea and the Indian Ocean.

Источник: составлено автором на основе карты, находящейся в свободном доступе в сети Интернет⁴

Source: compiled by the author based on a map freely available on the Internet⁴

Африки (Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис), несмотря на большую, чем у Машрика, удаленность от азиатской части Евразии (при близости к Европе), все равно связан с Евразией общностью геополитических и геоэкономических вызовов.

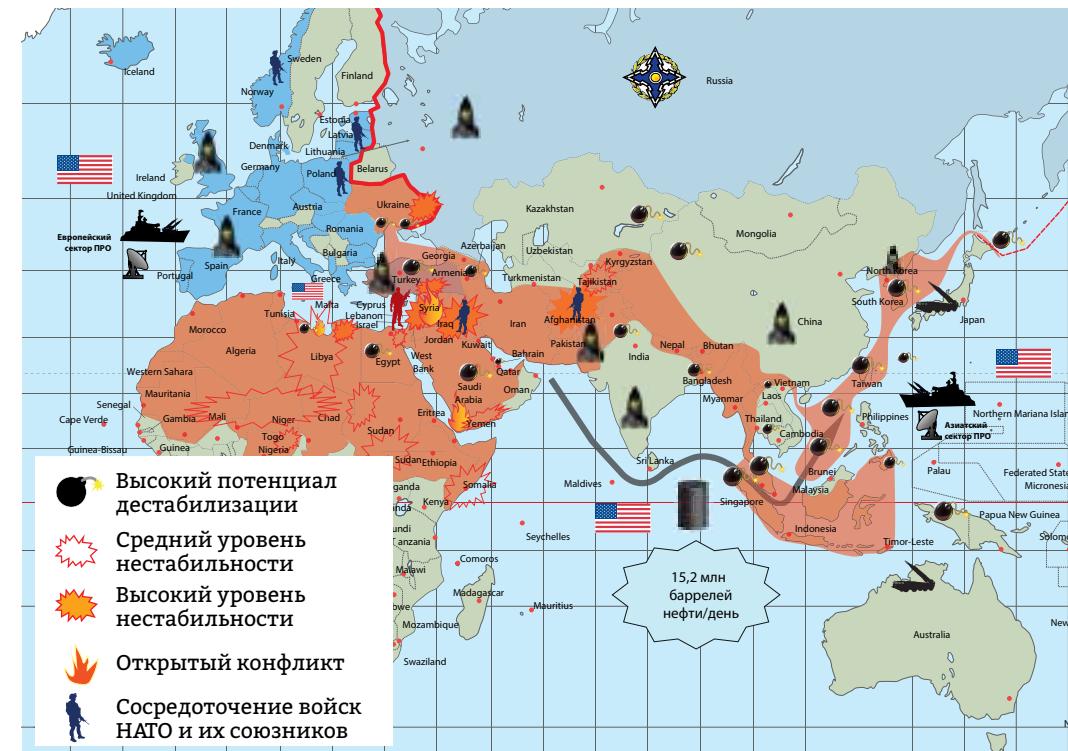
2. Геополитический фактор

Анализируя евразийский Незапад – при том, что отношения арабских стран с европейским Западом подчиняются иной логике, – становится ясно, что в процессе создания многополярного мира, который глава российского МИД С.В.Лавров справедливо назвал «неостановимым»⁵, императивы стран Евразии и арабского мира сходятся или совпадают. Имеется в виду их стремление обеспечить свой национальный

4 Какой расы арабы? URL: <https://dzen.ru/a/ZJl1G3fWaXvQ27ZB>

5 Лавров считал тщетными попытки остановить развитие центров многополярности / РБК, 27 января 2023 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/01/2023/63d316379a79476461e6e74b> (дата обращения: 17.05.2024).

Рисунок 3. Евразийская дуга нестабильности Figure 3. Eurasian Arc of Instability

Источник: автором актуализирована карта, подготовленная в 2016 г. в СПбГУ, по состоянию на 2024 г. [9]

Source: the author updated the map prepared in 2016 at St. Petersburg State University to the state of 2024 [19]

суверенитет, достойное место в мировой экономике и устойчивый доступ к достижениям научно-технического прогресса. Не зря тот же С.В.Лавров причислил к перспективным центрам многополярности, наряду с ведущими евразийскими державами в лице Индии и Китая, Египет и арабские страны Персидского залива⁶. Стоит согласиться с Н.Ю.Сурковым, который говорит о «сближении арабских стран с Азией в рамках разворота на Восток» и «диверсификации внешней политики арабских стран в русле стремления обеспечить себе стратегическую автономию за счет участия в незападных интеграционных объединениях» [18, с. 95].

Что касается общего для евразийского Незапада и арабского мира геополитического вызова региональных конфликтов (внутренних, между государствами, государствами и негосударственными акторами), то все они образуют Евразийскую дугу

6 Там же

нестабильности (рисунок 3), которая, как резонно отмечает С.Н.Колотов, «впервые в истории простирается от Тихого до Атлантического океана [то есть, охватывая и собственно Евразию, и соседние территории Африки. – Прим. автора] и имеет многочисленные ответвления, которые, как щупальца, опутывают попавшие в сферу ее влияния страны и регионы, погружая их в пучину долгосрочной управляемой дестабилизации» [13, с. 28].

Как показывает начавшаяся 7 октября 2023 г. израильско-палестинская эскалация, риски трансформации дестабилизации в частично или даже полностью неуправляемое столкновение («большую войну») увеличиваются ввиду растущей взаимозависимости конфликтов. Речь о ближневосточной «мини-дуге нестабильности», которая оформилась в результате боестолкновений Запада и йеменских хуситов в акватории Красного моря, войны в Газе, силового противостояния Израиля с Ираном и его иранскими союзниками – «» в Ливане и шиитскими милициями в Сирии и Ираке.

3. Цивилизационный фактор.

Существуют сложности в определении границ Запада и Незапада в Евразии: так, Сэмюэл Хантингтон в середине 1990-х гг. относил к Западу страны Северной, Западной, частично Южной Европы, за исключением Балкан, Восточной и Центральной Европы без государств бывшего восточного лагеря [19, с. 26-27]. Другой американский ученый Стивен Коткин, подход которого представляется более логичным, руководствуясь не географией, а ценностно-институциональным принципом, утверждал, что европейская Россия – не Запад, тогда как азиатская Япония, разделяя западные ценности, является частью Запада⁷.

Жизнь доказывает обосновленность Запада в историческом, ценностном и религиозном планах от незападных евразийских цивилизаций, к числу которых, согласно С.Хантингтону [19], относится исламская цивилизация (исламский мир), объединяющая с Евразией Арабский Магриб и Машрик. При этом евразийский Незапад охватывает 27 из 57 стран Организации исламского сотрудничества, если отнести к Западу Албанию (члена ОИК) и Боснию и Герцеговину (наблюдателя в ОИК). Тем самым, по С.Хантингтону, в одном ряду с исламской оказывается православная цивилизация с ее бастионом – Россией, пребывающая в неразрывной исторической и духовной связи с социокультурным феноменом «Русского мира», который, по аналогии с исламским миром, как верно отмечает В.В.Ксенофонтов, опирается на религиозное – православное основание [14, с. 207], а сейчас – и на исламское тоже.

Основатель неоевразийства А.Г.Дугин среди цивилизаций, расположенных «по ту сторону Запада» (в Евразии или на примыкающих к ней землях), выделяет индоевропейские цивилизации (индийскую и иранскую) [5], неиндоевропейские (китайскую, японскую, африканскую, тихоокеанскую) [7], цивилизацию африканского Норда [8] и цивилизации границ: русскую (евразийскую), семитскую, включающую в себя аравийско-исламскую, турецкую [6]. Что, на наш взгляд, более четко, нежели у

7 Remnick D. The Weakness of the Despot: An Expert on Stalin Discusses Putin, Russia, and the West // The New Yorker. 11 Mar 2022. URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/stephen-kotkin-putin-russia-ukraine-stalin>.

С.Хантингтона и С.Коткина, корреспондируется с рассматриваемым в данной статье понятием евразийского Незапада.

Ключевой составляющей цивилизационного фактора становится самовосприятие формирующимися центрами силы в Евразии своей идентичности в русле новой парадигмы государств-цивилизаций. Концепция внешней политики РФ 2023 г. определяет «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁸. О.Х.Бардакчян по праву называет Китай хрестоматийным примером государства-цивилизации, ссылаясь на долговечность и явную культурную преемственность китайских династий и политических режимов [2, с. 11], А.Г.Володин причисляет к числу евразийских государств-цивилизаций также Индию и Иран [4, с. 106].

Несмотря на неудачу попыток объединения арабских стран во второй половине XX в. (создание Объединенной Арабской Республики в составе Египта и Сирии и др.), в результате чего современный арабский мир так и не стал единым государством по аналогии с арабскими раннесредневековыми халифатами, императив интеграции здесь полностью не угас. Данным обстоятельством стимулируется рост интереса арабских элит к диалогам с состоявшимися государствами-цивилизациями Евразии, такими как Россия или Китай.

4. Геоэкономический фактор.

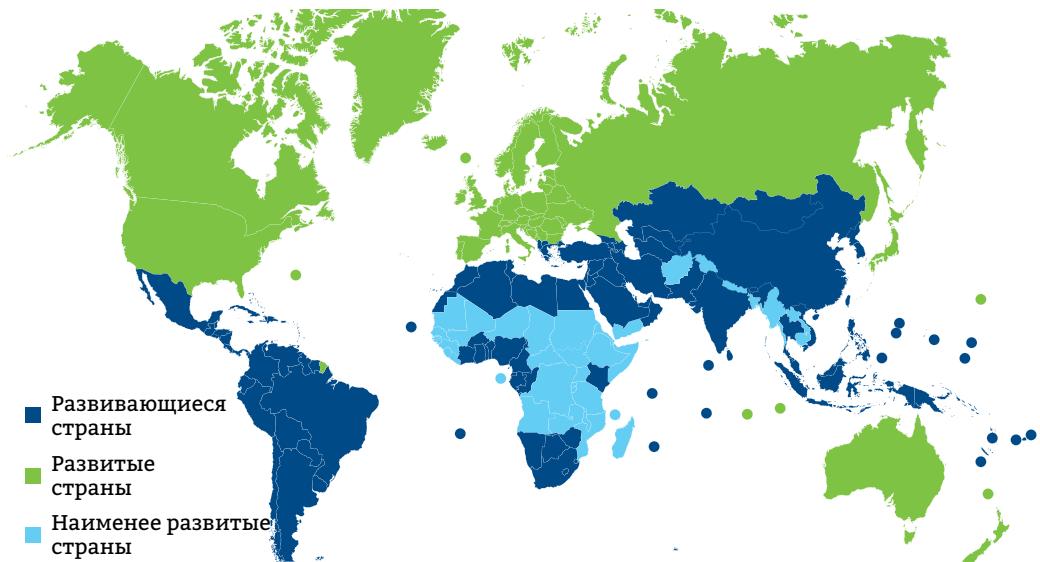
В рамках классификации стран мира по уровню экономического развития, разработанной Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), абсолютное большинство азиатских государств Евразии и все арабские страны отнесены к развивающимся экономикам (developing economies) либо наименее развитым странам (least developed countries). Только Израиль, Кипр, Республика Корея, Россия и Япония признаны развитыми экономиками (developed economies) (рисунок 4).

Такая градация коррелируется с представленной еще в 1980 г. линией Вилли Брандта, разделившей мир на развитый («богатый») Север и развивающийся («бедный») Юг (рисунок 5), известные сейчас как Глобальный Север и Глобальный Юг.

Закрепленные в Концепции внешней политики РФ 2023 г. задачи по преобразованию Евразии в единое пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания посредством формирования широкого интеграционного контура – Большого Евразийского партнерства – диктуют необходимость анализа с целью выявления подлинного настроя арабских партнеров. Требуется четкое понимание того, вызван ли их интерес к Евразии и России стратегическими или тактическими, временными соображениями, чем объясняется актуальность настоящей статьи.

8 Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Официальный электронный ресурс Президента России, 31 марта 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>.

Рисунок 4. Классификация стран мира по уровню экономического развития, принятая ЮНКТАД⁹
Figure 4. UNCTAD Classification of countries by the level of economic development⁹

Обсуждение результатов

Проведенный в статье анализ, во-первых, позволяет выделить векторы внешней политики и ВЭД арабских стран применительно к евразийскому Незападу:

- китайский двусторонний вектор подразумевает сотрудничество в сфере торговли, технологий, инвестиций, а в обозримой перспективе – политдиалог и военно-техническое сотрудничество (ВТС);
- российский двусторонний вектор предполагает политдиалог и взаимодействие в области торговли и инвестиций, включая участие России в обеспечении продовольственной и технологической безопасности арабских стран, а также ВТС;
- индийский двусторонний вектор строится на торговле, технологическом и инвестиционном сотрудничестве, предполагая активизацию в будущем политдиалога и ВТС;
- центрально-азиатский – по большей части односторонний вектор от арабских стран в сторону ЦА – включает в себя торгово-экономический и инвестиционный треки. Иллюстрацией стал визит Эмира Катара шейха Тамима бин Хамада Аль Тани в Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Таджикистан в июне 2023 г.

Во-вторых, были рассмотрены вызовы для евразийского Незапада и арабского мира:

⁹ UNCTAD Handbook of Statistics 2023: Classification of Economies. World by Development Status. URL: <https://hbs.unctad.org/classifications/#disclaimer>

Рисунок 5. Линия Брандта¹⁰
Figure 5. The Brandt Line¹⁰

- региональные конфликты с высокой степенью интернационализации, их негативное влияние на мировую экономику и глобальные логистические сети. Имеются в виду угрозы прекращения морских коммуникаций в случае военного столкновения КНР и Тайваня, перекрытия Баб-эль-Мандебского пролива из-за открытого конфликта Израиля / США с Ираном, война в Газе, которая поставила на паузу прокладку транспортного коридора «Индия – Ближний Восток – Европа», проблемы с судоходством в Красном море из-за конфронтации хуситов и Запада, нарушивший логистику в акватории Черного моря украинский кризис;
- угрозы терроризма и экстремизма, сепаратизма, трансграничной оргпреступности;
- охват Евразийской дугой нестабильности прилегающих районов Африки;
- претензии США на мировую гегемонию в русле дискурсов «мандата на лидерство» (Leadership Mandate¹¹) и «Америка прежде всего» (America First Approach¹²);
- навязывание Западом парадигмы сотрудничества «старший / младший»; давление на арабские страны, с тем чтобы добиться от них пересмотра отношений

¹⁰ Grotlüsch A., Buddeberg K. PIAAC and the South – Is Southering the New Othering? Global Expansion of Dominant Discourses on Adult Literacy // European Journal for Research on the Education and Learning of Adults. 12. May 2020. P. 4. Uploaded by Buddeberg K. from the Royal Geographical Society. URL: https://www.researchgate.net/publication/341127462_PIAAC_and_the_South_-Is_Southering_the_new_Othering_Global_Expansion_of_dominant_Discourses_on_Adult_Literacy.

¹¹ Project 2025. Wash. DC: The Heritage Foundation, 31 Jan 2023. URL: <https://www.heritage.org/conservatism/commentary/project-2025>.

¹² An America First Approach to US National Security. VA, USA: The America First Policy Institute, 9 May 2024. URL: <https://americafirstpolicy.com/events/an-america-first-approach-to-u-s-national-security>.

с Китаем и Россией. Примером служит заявление гендиректора перспективной саудовской ИТ-компании "Alat" Амита Митхи 8 мая 2024 г. о готовности отказаться от диалога с КНР по требованию Вашингтона¹³. Несмотря на войну в Газе, администрация Дж.Байдена продолжает попытки склонить Саудовскую Аравию к нормализации отношений с Израилем, взамен обещая технологические дивиденды и участие саудовцев в обеспечении безопасности в Газе¹⁴. В 2021 г. Вашингтону удалось вовлечь Индию и ОАЭ вместе с США и Израилем в Форум экономического сотрудничества, который в мире окрестили альянсом QUAD 2 по аналогии с QUAD – направленным против Китая четырехсторонним диалогом по безопасности Австралии, Индии, США и Японии¹⁵,

- неоколониализм Запада, вмешательство во внутренние дела стран Евразии и арабского мира: война в Афганистане (2001–2021 гг.), «цветные революции» в Грузии (2003 г.), на Украине (2004 и 2013–2014 гг.), Киргизии и Ливане (2005 г.), Мьянме (2007 г.), Армении (2018 г.); военные интервенции в Ираке (2003 г.), Ливии (2011 г.), Сирии (2014 г.), действия против хуситов (с 2023 г.), дирижирование протестами «арабской весны» 2011–2012 гг.;

- навязывание народам Евразии и арабам западной массовой культуры в ущерб традиционным ценностям. Примером, как справедливо отмечал В.В.Путин, является проект «анти-Россия»¹⁶;

- ужесточение западных санкций против России, в том числе вторичных санкций США. Еще в 2017 г. объектами санкций на пространстве евразийского Незапада являлись Белоруссия, Ирак, Иран, Йемен, Китай, КНДР, Молдова, Ливан, Мьянма, Россия, Сирия¹⁷; с тех пор ситуация качественно не изменилась;

- усилия Запада по консервации неравноправных отношений со странами Евразии и арабского мира. Использование методов недобросовестной конкуренции в соперничестве с Китаем: 24 апреля 2024 г. Дж.Байден подписал закон с требованием к китайской компании "ByteDance" продать американскому партнеру популярную в стране социальную сеть "TikTok"^{18*}, чтобы избежать запрета на территории США¹⁹;

- угроза для продовольственной безопасности Евразии и арабского мира ввиду роста волатильности мировых рынков, вызванной ущербом для логистики и падени-

13 Halftermeyer M., Hawkins M. Saudi Arabia's \$100 Billion AI Fund Will Divest China If US Asks // Bloomberg, 8 May 2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-05-07/saudi-ai-fund-would-divest-from-china-tech-if-us-asked-ceo-says>.

14 Госдеп допустил участие Саудовской Аравии и ОАЭ в обеспечении безопасности в секторе Газа // ТАСС, 22 мая 2024 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20867893>.

15 Quad-2: антикитайский блок в новой упаковке // Звезда (еженедельник), 20 января 2022 г. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20221181639-an4jx.html>.

16 Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Официальный электронный ресурс Президента России, 12 июля 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181>.

17 Махмутов Т. (автор идеи), Морозов В. (автор текста). Санкции: все, что нужно знать о санкциях, их субъектах, объектах и предметах. М.: Российский совет по международным делам, 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions>.

18 *РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

19 В США заявили, что не стремятся к запрету TikTok в стране // ТАСС, 24 апреля 2024 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20642581>.

ем объемов украинского сельхозэкспорта; риски образования «очагов голода», которые возрастают на фоне глобального потепления и опустынивания;

- сильная технологическая зависимость большинства государств евразийского Незапада (в меньшей степени – Китая, Индии и России) от Запада.

В-третьих, в плане фактического доказательства гипотезы данного исследования целесообразно сослаться на то, что 6 из 14 стран-партнеров ШОС входят в ЛАГ (Бахрейн, Египет, Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия)²⁰. С 1 января 2024 г. Египет и ОАЭ стали членами БРИКС (Саудовская Аравия пока не вступила); заявки на членство подали Алжир, Бахрейн, Кувейт и Палестина²¹. Бахрейн, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Сирия присоединились к китайскому глобальному логистическому проекту «Пояс и путь»²². Арабские лидеры принимают активное участие в Петербургском международном экономическом форуме (почетным гостем XXVI ПМЭФ, 14–17 июня 2023 г. был президент ОАЭ Мухаммед бен Заид Аль Нахайян), других мероприятиях с широким евразийским участием.

Затрагиваемая в статье проблематика в общем плане не раз обсуждалась на дискуссионных площадках с участием отечественных и зарубежных экспертов. В их числе:

- V Международная конференция «Мировое большинство в новых реалиях: региональное измерение» (Высшая школа экономики, 30 ноября 2023 г.), где автор статьи выступил по теме «Оценка эволюции места и роли арабских стран в новом формирующемся миропорядке»;

- Всероссийская конференция с международным участием «Концепция российской цивилизации» (МГУ им. М.В.Ломоносова, 22 января 2024 г.). Автор представил доклад «О факторах роста интереса арабских стран к евразийскому geopolитическому пространству»;

- открытие учебно-образовательного курса «Россия – Арабский мир: поиск новых возможностей» (МГИМО МИД России, 21 марта 2024 г.). Автор подготовил презентацию «Россия и современный арабский мир: общие вызовы и приоритеты»;

- I Международная научно-практическая конференция «Традиционный и современный Восток: тенденции развития» (Финансовый университет при Правительстве РФ, 2 апреля 2024 г.). Автор выступил с докладом по теме: «Россия и арабские страны: новая парадигма сотрудничества»;

- VIII Международная научно-практическая конференция «Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения» (Национальный исследовательский институт развития коммуникаций и Институт научной информации по общественным наукам РАН, 23 мая 2024 г.). В своей презентации автор кратко изложил положения настоящей статьи.

20 О Шанхайской организации сотрудничества // Официальный электронный ресурс ШОС, 8 декабря 2015 г. URL: <https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html>.

21 Бахрейн видит огромные потенциальные выгоды от сотрудничества с БРИКС // ТАСС, 24 августа 2024 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18583387>.

22 Countries of the Belt and Road Initiative (BRI). Shanghai, China: Fanhai International School of Finance – Green Finance & Development Center, December 2023. URL: <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/>.

Характерно, что в ходе дискуссий российские и арабские исследователи, дипломаты в сходном ключе обозначали перспективность диалогов арабского мира с центрами силы в Евразии (Индиеи, Китаем, Россией), которые, в отличие от алгоритмов неравноправного сотрудничества Запада и Глобального Юга, базировались бы на равенстве и учете взаимных интересов. Участие, невзирая на западное давление, специалистов из арабских стран в научных мероприятиях в России стало очередным свидетельством долгосрочного интереса арабов к Евразии.

ВЫВОДЫ

Проведенное в статье с опорой на факты и различные методы анализа исследование показало, что интерес арабских стран к интеграции в Евразии, а точнее – на пространстве евразийского Незапада, носит не тактический, а долгосрочный стратегический характер. Причина прежде всего в том, что при переходе от однополярного к многополярному миру подобная интеграция согласуется с процессом суверенизации внешней политики и ВЭД стран Глобального Юга и России, императивами устойчивого развития и борьбы за национальный суверенитет.

Разноуровневые коллективные усилия, пусть зачастую пока в форме генерирования идей, уже сейчас позволяют государствам евразийского Незапада формировать весьма привлекательную для арабов повестку с целью противостояния вызовам глобализации и современным проявлениям неоколониализма.

Тактика «временных альянсов» (changing alliances) активно используется теми же монархиями ССАГПЗ в условиях соперничества между новыми центрами силы, например Индией и Китаем, что может предусматривать прагматичное сохранение арабами союзных отношений и даже создание новых партнерств с Западом. Однако при смене глобального мироустройства подобная тактика не подменяет магистрального процесса суверенизации, применяясь Незападом в качестве инструмента давления на Запад с целью обеспечения максимально благоприятных условий для реализации перспективных совместных проектов – в основном в сферах высоких технологий и финансов, где временно сохраняется доминирование США. Поэтому, несмотря на текущие успехи, остановить ход истории Западу едва ли удастся.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. «Запад» и «Не Запад» в пространстве теории международных отношений [“The West” and “Non-West” in the Space of International Relations Theory] // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 2. С. 217–232.
2. Бардакян О.Х. Китай как хрестоматийный пример государства-цивилизации [China as a textbook example of a state-civilization] // Регион и мир. 2021. № 6. С. 6–11.
3. Вернадский Г.В. Против солнца: распространение русского государства к востоку [Against the Sun: The Spread of the Russian State to the East] // Русская мысль. 1914, Кн. 1. С. 56–79.
4. Володин А.Г. Индия как «государство-цивилизация» [India as a Civilizational State] // Общественные науки и современность. 2022. № 6. С. 106–124.

5. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. По ту сторону Запада. Индоевропейские цивилизации. Иран, Индия [Noomakhia: Wars of the Mind. On the Other Side of the West. Indo-European Civilizations: Iran, India]. М.: Академический проект, 2014.
6. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, турецкий Логос [Noomakhia: Wars of the Mind. Civilizations of the Borders: Russia, American Civilization, Semites and Their Civilization, Arabic Logos, and the Logos of Turan]. М.: Академический проект, 2014.
7. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. По ту сторону Запада. Китай, Япония, Африка, Океания [Noomakhia: Wars of the Mind. On the Other Side of the West: China, Japan, Africa, and Oceania]. М.: Академический проект, 2015.
8. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Хамиты. Цивилизация африканского Норда [Noomakhia: Wars of the Mind. The Hamites: The Civilization of the African North]. М.: Академический проект, 2018.
9. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. [The Eurasian Arc of Instability and Regional Security Problems From East Asia to North Africa: Results of 2016] / Гл. ред. В.Н.Колотов. СПб.: ИПК НП-Принт, 2017.
10. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государственно-цивилизация: понятие, сущность, структура [State-Civilization: Concept, Essence, Structure] // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–88.
11. Кефели И.Ф. Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу [Eurasian Civilization: From an Idea to a Modern Discourse] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 14(2). С. 12–25.
12. Козьменко С.Ю. Современный гамбит в Евразийской версии «Большой Игры» [The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game”] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4(42). С. 121–129.
13. Колотов В.Н. Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный [The Current State of the Eurasian Arc of Instability: The Spheres of Influence and the Shift of Instability From the Western to the Eastern Flank] // Сравнительная политика. 2014. № 2(15). С. 28–42.
14. Ксенофонтов В.В. Русский мир и его православное основание [Russian World and the Orthodox Base] // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 207–210.
15. Матвеев И.А. Сирия в конфликте [Syria in the Conflict] / Отв. ред. В.А.Кузнецов; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020.
16. Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) [Continent – Ocean (Russia and the World Market)] // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: сборник статей П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского, Н.С.Трубецкого и Г.В.Флоровского. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. 104–125.
17. Соколов С.М. Восточный вектор евразийства П.Н.Савицкого [Eastern Vector of Eurasianism of P.N.Savitsky] // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 14-2. С. 11–15.
18. Сурков Н.Ю. Разрядка в Заливе и курс на Евразию. Ближний Восток превращается в один из новых мировых полюсов [Detente in the Gulf and Focus on Eurasia. The Middle East Is Turning Into One of the World's New Poles] // Свободная мысль. 2024. № 1. С. 85–96.
19. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York City: Simon & Schuster, 1996. Map 1.3.: The World of Civilizations: Post-1990: 26–27.
20. Lewin K. Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers. NYC: Harper & Brothers, 1951.

Информация об авторе

МАТВЕЕВ Игорь Александрович. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>. Адрес: Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2. iamatveev@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseeva T.A. "The West and "Non-West" in the Space of International Relations Theory. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. [RUDN Bulletin. Series: International Relation]. 2017; 2:217-232 [In Russian].
2. Bardakchyan H.Kh. China as a textbook example of a state-civilization. *Region i mir*. [Region and World.] 2021; 6:6-11 [In Russian].
3. Vernadsky G.V. Against the Sun: The Spread of the Russian State to the East. *Russkaya mysl'*. [Russian Thought]. 1914, Book 1:56-79 [In Russian].
4. Volodin A.G. India as a Civilizational State. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. [Social Sciences and Modernity]. 2022; 6:106-124 [In Russian].
5. Dugin A.G. Noomakhia: Wars of the Mind. On the Other Side of the West. Indo-European Civilizations: Iran, India. Moscow: Akademicheskij proekt, 2014 [In Russian].
6. Dugin A.G. Noomakhia: Wars of the Mind. Civilizations of the Borders: Russia, American Civilization, Semites and Their Civilization, Arabic Logos, and the Logos of Turan. Moscow: Akademicheskij proekt, 2014 [In Russian].
7. Dugin A.G. Noomakhia: Wars of the Mind. On the Other Side of the West: China, Japan, Africa, and Oceania. Moscow: Akademicheskij proekt, 2015 [In Russian].
8. Dugin A.G. Noomakhia: Wars of the Mind. The Hamites: The Civilization of the African North. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018 [In Russian].
9. The Eurasian Arc of Instability and Regional Security Problems From East Asia to North Africa: Results of 2016 / Ed. by Kolotov V.N. Saint Petersburg: IPK NP-Print, 2017 [In Russian].
10. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkiun A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. State-Civilization: Concept, Essence, Structure. *Obrazovanie i pravo*. [Education and Law]. 2023; 9:80-88 [In Russian].
11. Kefeli I.F. Eurasian Civilization: From an Idea to a Modern Discourse. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*. [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]. 2021; 14(2):12-25 [In Russian].
12. Kozmenko S.Yu. The Modern Gambit in the Eurasian Version of the "Great Game". *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*. [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]. 2022; 4(42):121-129 [In Russian].
13. Kolotov V.N. The Current State of the Eurasian Arc of Instability: The Spheres of Influence and the Shift of Instability From the Western to the Eastern Flank. *Sravnitel'naya politika*. [Comparative Politics]. 2014; 2(15):28-42 [In Russian].
14. Ksenofontov V.V. Russian World and the Orthodox Base Social'no-political sciences. [Social and political sciences]. 2018; 3:207-210 [In Russian].
15. Matveev I.A. Syria in the Conflict / Ed. by Kuznetsov V.A.; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: IVRAN, 2020 [In Russian].
16. Savitsky P.N. Continent – Ocean (Russia and the World Market). In: Exodus to the East: Premonitions and Fulfillments – The Affirmation of the Eurasians. Collection of articles by P.N. Savitsky, P.P.

17. Suvchinsky, N.S. Trubetskoy, and G.V. Florovsky. *Sofia: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo*, 1921:104-125 [In Russian].
18. Sokolov S.M. Eastern Vector of Eurasianism of P.N. Savitsky. *Vestnik Buryatского государственного университета*. [Bulletin of the Buryat State University]. 2014; 14-2:11-15 [In Russian].
19. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York City: Simon & Schuster, 1996. Map 1.3.: The World of Civilizations: Post-1990:26-27 [In English].
20. Lewin K. Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers. New York City: Harper & Brothers, 1951 [In English].

About the authors

Igor A. MATVEEV. CandSc (Hist.). Associate Professor, Department of International Business at the Faculty of International Economic Relations of the Financial University Under the Government of the Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-4611-5669>. Address: 49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation. iamatveev@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 10, 2024. Approved after review: July 15, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
УДК 327
[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-78-89](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-78-89)

Политические науки

Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг.

Мохаммад Омар Нессар[✉]

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
nessar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Аннотация. Стабильность в Афганистане зависит от множества факторов, в том числе внешних. В статье проанализирована динамика развития ситуации в стране в период после повторного прихода к власти движения «Талибан»¹ и до начала 2024 г. Рассматривая развитие ситуации в сфере безопасности, положение в гуманитарной области, социальную политику нынешних властей, автор дает оценку складывающейся внутри страны ситуации, выделяет основные факторы, определяющие уровень рисков и вызовов, исходящих с территории Афганистана. По представленным в статье оценкам, после прихода к власти талибов при относительной стабилизации положения внутри страны наблюдается перемещение нестабильности в направлении Пакистана и Ирана. Автором установлена зависимость социальной устойчивости в стране от объемов внешней помощи. Опираясь на это, автор прогнозирует ухудшение ситуации в Афганистане в случае сокращения внешней помощи.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан»², безопасность, гуманитарное положение, социальная устойчивость

Для цитирования: Нессар М.О. Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг. // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 78–89, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-78-89](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-78-89)

1 Признана террористической организацией в России.
2 Признана террористической организацией в России.

Original article
[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-78-89](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-78-89)

Political Sciences

Features of Afghanistan Governance in the Period 2021–2024

Mohammad Omar Nessar[✉]

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nessar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>

Abstract. Stability in Afghanistan depends on many factors, including external ones. The article analyzes the development of the situation in the country after the Taliban³ came to power. Considering the development of the security situation, in the humanitarian field, and the social policy of the current authorities, the author assesses the internal situation in the country and identifies the main factors that determine the level of risks and challenges emanating from the territory of Afghanistan. According to the estimates given in the article, after the Taliban came to power, with the relative stabilization of the situation within the country, instability arises in the direction of Pakistan and Iran. The author has established the dependence of social sustainability in the country on the volume of external assistance. The author predicts a worsening of the situation in Afghanistan in the event of a reduction in foreign aid.

Keywords: Afghanistan, Taliban⁴, security, humanitarian situation, social sustainability

For citation: Nessar M.O. Features of Afghanistan Governance in the Period 2021–2024. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 78–89, [doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-78-89](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-78-89)

Введение

В августе текущего года исполнилось три года, как талибы пришли к власти в Афганистане. Несмотря на то, что афганская проблематика на фоне текущих международных процессов оказалась на периферии «большой мировой политики», тем не менее ситуация в этой стране находится в поле зрения международного сообщества, в том числе отслеживается и анализируется в России. Несмотря на состояние неопределенности, наличие разного рода проблем в гуманитарной области и сфере безопасности, в целом талибы продолжают осуществлять контроль над страной, концентрируя в своих руках реальную власть. Очевидно, в силу этого внешние акторы вынуждены взаимодействовать с властями в Кабуле.

3 Признана террористической организацией в России.
4 Признана террористической организацией в России.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа понимания военно-политической и социально-экономической ситуации в Афганистане была заложена в трудах как ведущих отечественных афганистов, в том числе В.Г.Коргуна [1], Р.Р.Сикоева [7], В.С.Христофорова [8], У.В.Окимбекова [5] и других, так и зарубежных исследователей, включая В.А.Можду [2], А.Рашида [6], Р.Баннет [9] и др. Некоторые аспекты современной проблематики Афганистана нашли освещение в трудах автора [3, 4]. Поскольку предметом исследования является анализ текущей ситуации, то при подготовке статьи также были использованы материалы периодических изданий как отечественных, так и зарубежных.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей управления страной талибами в период с августа 2021 по 2024 г. В ходе исследования были проанализированы отчеты международных организаций, официальные документы органов власти Российской Федерации и заявления официальных лиц зарубежных государств. Автором были использованы общеизвестные научные методы, такие как системный анализ, синтез, метод сравнительного анализа и сопоставление данных.

Результаты исследований

Кризис легитимности

Развитие контактов между правительством талибов и мировым сообществом в целом за период правления последних (август 2021 г. – февраль 2024 г.) демонстрирует положительную динамику. По утверждению правительства талибов, в афганской столице действуют дипломатические миссии по меньшей мере 10 близлежащих государств: России, Китая, Ирана, Пакистана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Турции, Азербайджана. Также в Кабуле находится группа дипломатов из Индии. Тем не менее талибское правительство до сих пор не смогло добиться официального признания ни от одного государства. Легализация затруднена по ряду причин.

Во-первых, в ряде стран движение «Талибан»⁵ признано террористическим (в том числе и в Российской Федерации).

Во-вторых, ряд действий талибов противоречит принципам ООН, нормам права и морали. Например, решение о запрете на школьное образование для девочек, осуждаемое в том числе в мусульманских странах.

В-третьих, уровень доверия правительству талибов со стороны зарубежных стран и международных институтов крайне низок. Правительство талибов на практике

5 Признана террористической организацией в России.

оказалось далеко не последовательным в реализации ряда условий признания. В числе таких условий было соблюдение прав и свобод всех групп граждан и формирование инклюзивного правительства.

Позицию Москвы по вопросу о признании талибов в январе текущего года изложил глава внешнеполитического ведомства России Сергей Лавров: «В правительстве талибов есть узбеки, таджики, пуштуны, хазарейцы, но они все политически талибы. Мы же ведем речь о том, чтобы была обеспечена не только этноконфессиональная инклюзивность, но и политическая»⁶.

Основные направления социальной политики талибов

Учет социальной политики талибов позволяет составить представление о возможных вариантах развития ситуации в среднесрочной и долгосрочной перспективах. На протяжении более чем двух с половиной лет правления талибов одной из приоритетных задач их правительства является укрепление сельских религиозных институтов. К этому можно отнести легализацию сельских медресе и религиозных центров: находившиеся ранее под контролем движения объекты получают легальный статус. Продолжается преобразование учебных центров в медресе и «джихадистские центры». Надо иметь в виду, что сельское население страны составляет почти три четверти от его общей численности. В государственных учреждениях открываются мечети и молельные комнаты. Необходимо также отметить растущую роль Министерства предотвращения греха и поощрения добра, достаточно сказать, что оно имеет в своем распоряжении инструмент принуждения в лице военизированных формирований. Параллельно обращает на себя внимание проникновение духовенства в структуру государства и шариатских судебных органов.

Наибольший резонанс получают шаги талибов, направленные на ограничение прав женщин, особенно в вопросах запрета на получение ими образования и их последующее трудоустройство. Гендерно-дискриминационные инициативы ставят талибскую элиту в сложное положение, прежде всего потому, что не находят понимание даже среди отдельных лидеров движения. Большинство членов кабинета в Кабуле выступает против введения подобных ограничений. Кроме того, как было отмечено выше, эту политику осудил даже ряд мусульманских стран.

В 2022 г. международным сообществом было обращено внимание на пуштуно-центрическую политику талибов в отношении национальных меньшинств⁷. В рамках этого курса можно рассматривать и попытки талибского руководства вытеснить персидский язык, что так или иначе должно сказаться на отношениях с соседним Ираном.

К мерам, направленным на традиционализацию общества, можно отнести противостояние элементам секулярности, например, требования к дресс-коду, относя-

6 Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова // МИД РФ, 24.01.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1927568/.

7 Системы управления талибов в Афганистане неустойчивы, заявил Патрушев // РИА Новости. 30.09.2022. URL: <https://ria.ru/20220930/afghanistan-1820508414.html>.

шиеся не только к женщинам, но и мужчинам, а также негативное отношение отдельных талибских лидеров к светскому университетскому образованию как таковому.

Однако в условиях, когда нет уверенности в успешном завершении планов талибов по реформированию афганского общества, внимание внешних акторов, особенно стран региона, обращено на текущие процессы: положение в сфере безопасности, гуманитарную ситуацию, экономические проекты и др.

Безопасность

Обеспечение безопасности рассматривается международными экспертами как сложное многоаспектное явление, которое включает в себя множество разновидностей. Нижеприведенный анализ относится в большей степени к безопасности территории и общества. В целом после 15 августа 2021 г. наблюдается снижение интенсивности боевых действий и стычек на территории Афганистана, что логично, учитывая тот факт, что до этого периода значительная доля атак, причинивших урон гражданскому населению, совершалась самими талибами. Так, за первые шесть месяцев правления талибов (с 15 августа 2021 г. по 15 февраля 2022 г.) миссией ООН по Афганистану зарегистрировала всего 1153 столкновения, в которых было убито 397 человек и ранено 756 только среди гражданского населения, не боевиков⁸. Цифры показывают снижение потерь среди мирного населения Афганистана по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Начиная с 2022 г. офис ООН в Афганистане прекратил публикацию ежегодных докладов о потерях афганского гражданского населения в результате вооруженного конфликта, однако ежеквартальные отчеты генеральному секретарю ООН подтверждают сложившиеся до этого тенденции – снижается количество инцидентов с применением оружия (таблица 1).

Уровень исходящих с территории Афганистана угроз и рисков безопасности определяются комплексом факторов.

Во-первых, особую тревогу вызывает не снижающаяся активность неафганских группировок, присутствующих на территории страны и преследующих свои интересы. Пристальное внимание уделяется деятельности ИГИЛ-Х⁹, которой в течение 2023 г. удалось осуществить целый ряд громких терактов, в результате которых погибли в том числе и высокопоставленные чиновники талибов, и граждане иностранных государств, включая дипломатов. Одним из крупных терактов последнего времени, совершенных этой группировкой, стал теракт от 13 октября 2023 г. в городе Пули-Хумри у шиитской мечети, унесший жизни порядка 20 человек. В январе 2024 г. в результате теракта, ответственность за который взяла группировка ИГИЛ-Х¹⁰, в шиитском районе Кабула (Дашти-Барчи) погибло около десятка человек.

8 Interactive dialogue on the High Commissioner's report on Afghanistan // UN, 7.03.2022. URL: <https://www.ohchr.org/en/statements/2022/03/interactive-dialogue-high-commissioners-report-afghanistan?LangID=E&NewsID=28218>.

9 ИГИЛ-Хорасан – Афганское отделение структуры. Организация запрещена в России.

10 Организация запрещена в России.

Таблица 1. Количество инцидентов с использованием оружия в период 16.05.2021 – 22.10.2023, поквартально

Table 1. Number of incidents involving the use of weapons in the period 16.05.2021 – 22.10.2023, quarterly

	16.05.2021 – 18.07.2021	19.08.2021 – 31.12.2021	01.01.2022 – 21.05.2022	22.05.2022 – 16.08.2022	17.08.2022 – 13.11.2022	14.01.2022 – 31.01.2023	01.02.2023 – 20.05.2023	21.05.2023 – 31.07.2023	01.08.2023 – 22.10.2023
Связанные с безопасностью инциденты	6302	985	2105	1642	1587	1201	1650	1259	1414
Атаки ИГИЛ-Х ¹¹	88	152	82	48	30	16	11	5	8
География действий ИГИЛ-Х ¹⁵ (количество провинций)	–	16	11	11	6	4	5	3	3

Источник: таблица составлена автором на основе анализа ежеквартальных отчетов группы мониторинга при СБ ООН

Source: The table was compiled by the author based on the analysis of quarterly reports of the UN Security Council monitoring group

Во-вторых, безоговорочная победа талибов явилась вдохновляющим примером для джихадистских движений, действующих в других странах. После прихода талибов к власти в Кабуле западные спецслужбы и региональные эксперты предупредили, что это событие придало смелости террористам во всем мире. Реальное изменение ситуации можно видеть на примере соседнего Пакистана. Смена власти в Кабуле подтолкнула пакистанских талибов в лице «Тахрики-е Талибан Пакистан» (ТТП) выйти из соглашения о перемирии с официальным Исламабадом в ноябре 2022 г. Как следствие, за год после прихода к власти талибов в Афганистане зафиксирован рекордный рост числа терактов на территории уже самого Пакистана [9].

Свообразным вызовом талибов странам региона стал их отказ разорвать отношения со считающимися террористическими иностранными группировками. В январе текущего года в Совете Безопасности ООН был представлен доклад, в котором говорилось о тесных связях талибов с группировкой «Аль-Каида»¹². Согласно документу, этой известной террористической группировке удалось создать восемь новых тренировочных лагерей и баз для хранения оружия на территории Афганистана, в том числе в провинциях Газни, Лагман, Парван, Уruzган и Панджшер. Талибы на сло-

11 Организация запрещена в России.

12 Организация запрещена в России.

вах отвергают наличие связей с «Аль-Каидой»¹³, однако обвинения в их адрес выглядят вполне обоснованными после предположительной ликвидации на территории Афганистана лидера «Аль-Каиды»¹⁴ Аймана аз-Завахири, совершенной при помощи американского беспилотника в августе 2022 г.¹⁵

Геополитические условия и вышеизложенные факторы играют важную роль в формировании политики стран региона в отношении Афганистана, все еще рассматривающих правительство талибов в качестве источника угроз и рисков. В частности, Россия, Таджикистан и Пакистан за время правления талибов неоднократно обращали внимание на тревожащую их обстановку в стране. Так, в феврале текущего года министр обороны России Сергей Шойгу акцентировал внимание на присутствие ИГИЛ¹⁶ в Афганистане, назвав целью этой группировки распространение радикальной идеологии и подрывную деятельность в регионе¹⁷.

Новые вызовы

На фоне снижения количества связанных с безопасностью инцидентов после августа 2021 г. зафиксированы новые вызовы, способные вызвать в долгосрочной перспективе дестабилизацию региона.

Во-первых, это вооруженные пограничные столкновения между талибами и военнослужащими Пакистана, Ирана и обстрел приграничной зоны ряда стран Центральной Азии, которые становятся регулярными. Так, в период с августа 2021 г. по октябрь 2023 г. ООН зарегистрировала не менее 80 вооруженных столкновений, в том числе на афгано-пакистанской границе – 59 инцидентов, на афгано-иранской – 16, на афгано-таджикской границе – 3 инцидента и по меньшей мере 1 инцидент на афгано-узбекской границе (таблица 2). Пограничные столкновения вызваны разными причинами, в т.ч. как попытками незаконного перехода границы беженцами, контрабандистами и вооруженными формированиями, так и ошибочными и умышленными попытками талибов переместить линию границ.

Во-вторых, это обострение миграционного кризиса в регионе, создающего серьезную нагрузку на социально-экономические системы сопредельных стран. Данные по оттоку беженцев из страны после прихода талибов к власти разнятся, однако анализ отчетов Международной организации по миграции позволяет говорить о значительном увеличении оттока населения прежде всего в Иран и Пакистан. Количество афганских беженцев, прибывших в ИРИ за два года правления талибов,

13 Организация запрещена в России.

14 Организация запрещена в России.

15 The Taliban* vowed to cut ties with al Qaeda, but the terror group appears to be growing in Afghanistan // CBS News, 01.02.2024. URL: <https://www.cbsnews.com/news/afghanistan-taliban-al-qaeda-growing/>.

*Признана террористической организацией в России.

16 Организация запрещена в России.

17 В Москве прошло заседание Коллегии Минобороны России // Официальный сайт Минобороны РФ, 27.02.2024. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12502300@egNews.

Таблица 2. Пограничные вооруженные столкновения в период 16.05.2021 – 22.10.2023

Table 2. Border armed clashes in the period 16.05.2021 – 22.10.2023

Приграничные столкновения	Пакистан	1	2	2	14	19	14	5	3
	Иран	2	2	3	1	1	6	1	
	Таджикистан	1	1					1	
	Узбекистан			1					
	Туркменистан								

Источник: таблица составлена автором на основе анализа ежеквартальных отчетов группы мониторинга при СБ ООН

Source: The table was compiled by the author based on the analysis of quarterly reports of the UN Security Council monitoring group

доходило до 1,5 млн человек в год. При этом общее количество афганских беженцев в этой стране, включая нелегальных беженцев, иранскими властями оценивается в 6 млн человек, что составляет около 7 процентов от населения страны¹⁸. Общая численность афганских беженцев в Пакистане в октябре 2023 г. местные власти оценили в 4,4 млн человек¹⁹.

В-третьих, это рост напряженности в отношениях с соседними странами по поводу совместного пользования водными ресурсами. После прихода талибов к власти усилилась напряженность между талибами и Исламской Республикой Иран из-за трансграничной реки Гильменд, использование вод которой стало предметом острых споров в 2022–2023 гг. Можно предположить, что если текущие подходы к трансграничным рекам продолжат оставаться приоритетными для новых афганских властей,

18 Afghan refugees pose a major challenge in Iran, ex-lawmaker says // Iran International, 18.08.2023. URL: <https://iraninternational.com/afghan-refugees-pose-a-major-challenge-in-iran-ex-lawmaker-says/>.

19 Pakistan Orders Illegal Immigrants, Including 1.73 Million Afghans, to Leave // USnews, 3.10.2023. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2023-10-03/pakistan-orders-all-illegal-immigrants-to-leave-after-suicide-bombings>.

то с большей долей вероятности можно прогнозировать рост напряженности и с другими соседями, учитывая тот факт, что Афганистан с точки зрения формирования водных ресурсов является страной «Верховья» по отношению к большинству своих соседей. Начатое почти сразу после прихода талибов к власти строительство канала Куш-Тепа на реке Аму-Дарья уже стало предметом беспокойства для северных соседей Афганистана.

Гуманитарное измерение

После августа 2021 г. внимание международного сообщества обращено к гуманитарному положению. Ни одна международная встреча по афганской проблематике не обходится без обсуждения ситуации в гуманитарной сфере. Следует отметить, что за период повторного правления талибов ситуация в сфере прав человека, особенно относительно положения афганских женщин, остается неизменно напряженной. После введения запрета на работу женщин, уровень безработицы в стране значительно подскочил. Дополнительным ударом по социально-экономическому положению стал коллапс банковской системы, последовавший за сменой власти в Кабуле и введением США санкций против правительства талибов.

Если попытаться проиллюстрировать динамику развития социально-экономического положения после прихода талибов к власти на основе поступающих из страны сообщений, то она выглядит так: в период с августа 2021 г. по февраль 2022 г. наблюдалась негативная тенденция, однако уже к началу 2022 г. ситуация выровнялась, основные экономические показатели обрели стабильность. Во многом специалисты отнесли это за счет расширения внешней помощи, объемы и параметры которой обрели к тому времени более-менее регулярный характер, в частности, наладилось поступление денежной помощи в виде наличных долларов. Так, начиная с февраля 2022 г. по конец 2023 г. на регулярной основе в страну поступали еженедельно от 40 до 80 млн долларов. В общей сложности после смены власти в Кабуле по линии ООН в Афганистан было доставлено более 2,9 млрд долларов США (наличными). Гуманитарная помощь аккумулируется из взносов западных стран, где основная доля приходится на США (например: из 2,9 млрд – 2,6 приходится на долю последних). Однако в целом в гуманитарную помощь, оказываемую стране за три года, входят не только поставки наличных долларов с целью сохранения гуманитарной стабильности. Значительная часть финансовой помощи идет по линии финансирования неправительственных организаций (НПО) и программ ООН, действующих на территории Афганистана и за его пределами. В апреле 2023 г. генеральный инспектор США по восстановлению Афганистана (SIGAR) Джон Сопко заявил, что Вашингтон после вывода войск (за 20 месяцев) в общей сложности потратил на помощь Афганистану 8 млрд долл., включая средства, выделенные на помощь афганским беженцам за пределами страны²⁰. В

20 Haley O., Sami Y. U.S. taxpayers helping fund Afghanistan's Taliban? Aid workers say they're forced "to serve the Taliban first". // CBS News, 21.04.2023. URL: <https://www.cbsnews.com/news/afghanistan-taliban-tax-dollars-after-withdrawal/>.

сентябре 2023 г. журналисты агентства Bloomberg собрали данные, доказывающие, что национальная валюта Афганистана (афгани) во многом благодаря притоку американских наличных долларов сохранила свою устойчивость, став в третьем квартале 2023 г. одной из стабильных валют мира.

Как показано выше, социально-экономическая стабильность в стране во многом зависит от объемов внешней помощи. Расходы США на ведение войны на Украине и результаты президентских выборов могут урезать объем помощи Афганистану, что ухудшит в том числе и гуманитарную ситуацию.

Выводы

Таким образом, анализ особенности управления в Афганистане периода с августа 2021 г. по февраль 2024 г. показывает, что наиболее пессимистичные прогнозы относительно развития ситуации в этой стране все-таки не оправдались. Пока никакого взрыва в сфере безопасности и гуманитарном положении не случилось. Впрочем, стоит отметить, что не оправдались и наиболее оптимистичные прогнозы. Пока не наблюдается ощутимых практических шагов в реализации региональных экономических проектов, связанных с реализацией транзитного потенциала Афганистана, направленного на поставки энергоносителей из Центральной Азии в Южную. В значительной степени этому мешает отсутствие легального статуса у правительства талибов и, как следствие, доверия ему.

Анализ особенности социальной политики талибов после их повторного прихода к власти позволяет сделать вывод, что основные цели и задачи талибов за 20 лет практически не видоизменились, – они и сейчас стремятся установить те же порядки, с которыми продвигались в прошлом. Тем не менее отсутствие внутреннего консенсуса в деле продолжения такой политики, влияние внешних факторов и произошедшие за 20 лет глубинные изменения в самом афганском обществе заставляют действующие власти осторожничать в этом деле.

На фоне относительного прогресса в сфере безопасности внутри страны уровень исходящих с территории Афганистана угроз и рисков в целом остается высоким. Можно говорить о перемещении нестабильности по некоторым направлениям в соседние страны. Так, в Пакистане после установления власти талибов зафиксировано резкое ухудшение ситуации в сфере безопасности, которое связывают с активизацией союзной талибам группировки «Тахрики талибан-е-Пакистан».

Наплыв большого числа афганских беженцев в страны региона, прежде всего в Иран, создает серьезную нагрузку на социально-экономическую систему соседних стран. Резкий рост числа афганских мигрантов вызывает недовольство местного населения, угрожая дестабилизацией внутриполитической ситуации.

И все-таки Афганистан при талибах остается весьма зависимым от внешней финансовой помощи, которая служит неким стабилизатором обстановки внутри страны и социальной устойчивости. Исходя из этого, можно прогнозировать ухудше-

ние ситуации в случае сокращения объемов внешней помощи, прежде всего со стороны Вашингтона.

Список литературы

1. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век [History of Afghanistan. XX century]. М.: ИВ РАН, 2004. 529 с.
2. Можда В.А. Афганистан и пять лет правления талибов [Afghanistan and five years of the Taliban rule] (Афганистан ва пайндж сал салта е талибан). Тегеран, 2003. 240 с. [In the Dari language].
3. Нессар О.М. Генезис и эволюция движения «Талибан» [Genesis and evolution of the Taliban movement] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 20–31.
4. Нессар М.О., Топычканов П.В. Кабул и Исламабад: мифы и реальность [Kabul and Islamabad: myths and reality] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 219–233.
5. Окимбеков У.В. Женский вопрос в Афганистане при талибах [Women's issue in Afghanistan under the Taliban] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 158–170.
6. Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии [Islam, Oil, and the New Great Game in Central Asia] / пер. с англ. М.Поваляева. М.: Библион – Русская книга, 2003. 282 с.
7. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет [Taliban: Religioso-Political Portrait] М.: ИВ РАН, 2004. 204 с.
8. Христофоров В.С. Американские войска в Афганистане (2001–2021): вывести нельзя оставить [American Troops in Afghanistan (2001–2021): Can Neither be Left nor Taken Out] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 2. С. 55–65.
9. Rubin B. Afghanistan What Everyone Needs to Know. Oxford University Press, 2020. 392 p.

Информация об авторе

НЕССАР Мухаммад Омар. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. nessar@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 28 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Korgun V.G. History of Afghanistan. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2004:529 [In Russian].
2. Mozhda V.A. Afghanistan and five years of the Taliban rule. Tehran, 2003:240 [In the Dari language].
3. Nessar O.M. Genesis and evolution of the Taliban movement. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2:20–31 [In Russian].
4. Nessar M.O., Topychkanov P.V. Kabul and Islamabad: myths and reality. Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]. 2023; Vol. 21. 5:219–233 [In Russian].
5. Okimbekov U.V. Women's issue in Afghanistan under the Taliban. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2:158–170 [In Russian].
6. Rashid A. Taliban. Islam, Oil, and the New Great Game in Central Asia / trans. from English by M. Povalyaeva. Moscow: Biblion – Russian Book, 2003:282 [In Russian].
7. Sikoev R.R. Taliban: Religioso-Political Portrait. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2004:204 [In Russian].
8. Khristoforov V.S. American Troops in Afghanistan (2001–2021): Can Neither be Left nor Taken Out. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 2:55–65 [In Russian].
9. Rubin B. Afghanistan What Everyone Needs to Know. Oxford University Press, 2020:392 [In English].

About the author

Mohammad Omar NESSAR. CandSc (Hist.). Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-4236-0886>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. nessar@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 26, 2024. Approved after review: July 28, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Республика Южная Осетия в условиях региональных угроз безопасности

Инал Борисович Санакоев[✉]

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А.Тиболова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия
inal59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4390-1012>

Аннотация. В статье анализируются проблемы безопасности на Южном Кавказе. Акцент при этом ставится на ключевых угрозах безопасности для Республики Южная Осетия, фактически находящейся в состоянии латентного конфликта с Грузией. В исследовании применен метод ситуационного анализа (ситанализ), предполагающего рассмотрение проблемы на прикладном уровне, выявление всех факторов, влияющих на формирование конкретной специфики ситуации. Важнейшей частью ситуационного анализа автор считает выработку практических рекомендаций, чтобы реализовать благоприятный прогноз и по возможности избежать неблагоприятного развития событий.

Согласно основным выводам автора, на текущий момент Республика Южная Осетия сталкивается на Южном Кавказе с рядом серьезных внешних угроз своей национальной безопасности. Существующие угрозы, вызовы и риски для Южной Осетии в регионе Южного Кавказа имеют тенденцию к нарастанию – как в локальном, так и общерегиональном варианте. По мнению автора, следует продолжать применять усилия по созданию устойчивой архитектуры безопасности на Южном Кавказе с целью предотвращения любых насилиственных сценариев разрешения существующих противоречий и достижения устойчивого мира и стабильности в регионе.

Ключевые слова: Южная Осетия, угрозы безопасности, региональная система безопасности, рост военных расходов, сотрудничество с НАТО, Грузия, политическая борьба

Для цитирования: Санакоев И.Б. Республика Южная Осетия в условиях региональных угроз безопасности // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 90-101, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-90-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-90-101)

The Republic of South Ossetia in the Context of Regional Security Threats

Inal B. Sanakoev[✉]

South Ossetian State University after A.A.Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia

inal59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4390-1012>

Abstract. The article analyzes the security problems in the South Caucasus. The emphasis is placed on the key security threats to the Republic of South Ossetia, which is actually in a state of latent conflict with Georgia. The article uses the method of situational analysis (sitanalysis), which involves considering the problem at the applied level, identifying all the factors that influence the formation of the situation. The author considers that the most important part of the situational analysis is the development of practical recommendations in order to implement a favorable forecast and, if possible, avoid an unfavorable course of events.

According to the author's main conclusions, the Republic of South Ossetia is currently facing a number of serious external threats to its national security in the South Caucasus. The existing threats, challenges and risks for South Ossetia in the South Caucasus region tend to increase, both in local and regional variants. According to the author, efforts should continue to create a sustainable security architecture in the South Caucasus in order to prevent any violent scenarios for resolving existing contradictions and achieving sustainable peace and stability in the region.

Keywords: South Ossetia, security threats, regional security system, growth of military spendings, cooperation with NATO, Georgia, political struggle

For citation: Sanakoev I.B. The Republic of South Ossetia in the Context of Regional Security Threats. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 90-101, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-90-101

Введение

Новообразованные государства постоянно сталкиваются с различного рода внутренних и внешних угроз. Среди внешних угроз наиболее значительными могут стать угрозы национальной безопасности, исходящие от непосредственного окружения этих государств или же региона в целом. Внешние угрозы при этом создают значительные препятствия не только для региональной стабильности, но для процессов внутреннего национально-государственного строительства, поскольку способны отвлекать внутренние ресурсы новых государств на обеспечение своей безопасности. Угрозы безопасности представляют собой одну из наиболее значимых проблем также и в регионе Южного Кавказа, напичканном противоречиями разного уровня и характера.

Материалы и методы исследования

Южнокавказские региональные угрозы давно уже стали предметом пристального внимания и анализа в отечественной и зарубежной экспертной среде. Об этих проблемах в разное время писали Р.Арзуманян, Г.П.Григорян, В.В.Денисов, А.К.Дудайти, С.М.Иванов, Д.Б.Малышева, С.А.Марков, Г.Новикова, С.А.Рагозина, Г.В.Лукьянов, А.Рондели, Томас де Ваал и др. По всеобщему признанию экспертов, ситуация с безопасностью на Южном Кавказе достаточно непроста. Более того, согласно оценкам Г.Новиковой, «следует констатировать, что ситуация на Южном Кавказе более, чем опасная. Усугубление небезопасности в зоне любого из конфликтов повлечет за собой цепную реакцию во всем регионе»¹.

Указанные проблемы весьма характерны и для Республики Южная Осетия, сталкивающейся с момента своего образования с определенными внешними угрозами своей национальной безопасности в регионе Южного Кавказа. В связи с этим значительный научный и прикладной интерес представляют вопросы о том, с какими угрозами сталкивается Республика Южная Осетия в условиях современных политических процессов на Южном Кавказе?

В статье применяется метод ситуационного анализа (ситанализ), предполагающий рассмотрение проблемы на прикладном уровне, выявление всех факторов, влияющих на формирование конкретной специфики ситуации. Ситуационный анализ также, как правило, бывает нацелен на составление прогнозов развития ситуации в ближайшей, средней и дальней перспективе. Важнейшей частью ситуационного анализа автор считает выработку практических рекомендаций, с тем чтобы реализовать благоприятный прогноз и по возможности избежать неблагоприятного хода развития событий.

Результаты исследований

Отсутствие на Южном Кавказе региональной системы безопасности

Одна из наиболее серьезных угроз для Южной Осетии – это отсутствие на Южном Кавказе региональной системы безопасности. Создание такой системы стало наиболее актуальным после последних событий в Нагорном Карабахе, приведших к фактической ликвидации Нагорно-Карабахской Республики.

Во-первых, Нагорно-Карабахский конфликт был разрешен по насилиственному сценарию. И это произошло в ситуации, когда все мировое сообщество склоняется к мирным и ненасильственным схемам разрешения межэтнических конфликтов. При-

¹ Новикова Гаянэ. На грани войны. Или рост дефицита безопасности на Южном Кавказе. URL: <https://spectrum.am/ru/article/on-the-verge-of-war-or-increasing-security-deficit-in-the-south-caucasus/>.

менение насилия, причем успешное для применившей стороны, практически ставит под вопрос необходимость и правомерность использования уже наработанного целого комплекса миротворческих и конфликтологических практик, ориентированных на поиски компромиссов, выработку моделей управления этническими конфликтами, активно применяемых в различных регионах мира. Более того, любые насилиственные сценарии разрешения межэтнических противоречий сопровождаются огромным количеством человеческих жертв с обеих сторон, совершенно ничем, на мой взгляд, не оправданным.

С другой стороны, ликвидация НКР военным путем создает очень неблагоприятный и весьма опасный для всех непризнанных и частично признанных государств прецедент, когда впервые на постсоветском пространстве коллизия между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности государства была разрешена в пользу последнего. После карабахский событий в бывших советских республиках, в частности в Грузии, стали открыто высказываться мнения о том, что если в Карабахе так можно было решить вопрос, то почему это нельзя сделать в Южной Осетии и Абхазии. Если такие мнения открыто высказываются уже в сфере публичной политики, то логично предполагать, что также активно они могут обсуждаться и в политических кулуарах, где обычно принимаются политические решения. Поэтому, на мой взгляд, существует потенциальная опасность дублирования карабахского сценария в этих республиках.

Актуальность создания на Южном Кавказе региональной архитектуры безопасности обусловлена также и другим немаловажным фактором. Так, Южный Кавказ – очень сложный в геополитическом, конфессиональном, этнополитическом планах регион, напичканный сплошь и рядом противоречиями, имеющими как современное, чисто конъюнктурное происхождение, так и тянувшимися из прошлого, зачастую из глубин веков.

С одной стороны, здесь присутствует большое количество внутренних политических и этнических субъектов. При этом каждый из этих субъектов придерживается собственных концепций безопасности, формулируемых порой за счет безопасности других, и пытается выстраивать свою модель взаимоотношений с соседями. С другой стороны, в регионе работают т.н. внешние акторы регионального и общемирового уровня, активно участвующие в региональных политических процессах, ведущие собственную игру, которая значительно осложняет всю южнокавказскую геополитическую мозаику.

Помимо этого, Южный Кавказ – это регион открытых, манифестных, конфликтов, а также целого букета спящих, латентных, конфликтов, грозящих при определенном стечении обстоятельств перейти в открытую fazu и создать тем самым очень серьезные угрозы как на локальном, так и на региональном уровне. В силу указанных обстоятельств регион достаточно быстро может подойти к точке критичности, когда непродуманное движение или политический шаг могут привести к лавинообразным процессам, которые могут вырваться из-под контроля. Никто не может просчитать последствия своих шагов. Поэтому Южный Кавказ представляет собой сложную си-

стему, когда невозможно говорить о способности того или иного актора или центра силы просчитать все последствия предпринимаемых шагов. Согласно Д.Б.Малышевой, «изменчивая ситуация в регионе, неопределенность и непредсказуемость внутриполитического развития кавказских республик, наличие неурегулированных конфликтов и, наконец, перспектива извлечения энергоресурсов из нефтяных полей Каспия превращают Кавказ в арену геополитического соперничества, а значит до достижения здесь стабильности все еще очень далеко» [15].

Нельзя сказать, что за многие годы не было никаких практических предложений по созданию региональной архитектуры безопасности на Южном Кавказе. На протяжении 1990-х – 2000-х гг. их было немало. Все они были выстроены по определенной арифметической схеме. Так, по итогам пятидневной войны в Южной Осетии была сформулирована и предложена т.н. пятизначная инициатива Турции «Русско-турецкая платформа 2008 г. (3+2)» – три государства Южного Кавказа плюс Турция и Россия. Прежде на повестку дня выдвигалась «Семизначная инициатива Ирана (3+3+1)» – три государства Южного Кавказа плюс соседние страны (Иран, Турция и Россия) и ЕС. В этой сфере также были озвучены в свое время и экспертные предложения в формате 12-ти участников (3+3+3+2+1) – три признанных государства Южного Кавказа, три новых государства Южного Кавказа (Южная Осетия, Абхазия и НКР), три соседних государства (Россия, Иран и Турция), 2 – ЕС и США, 1 – Китай. В условиях растущей геополитической мощи Китая, расширения его роли в мировой и региональной политике, эта страна начинает играть все более активную роль и на Южном Кавказе.

Однако, к сожалению, ни одна из предложенных инициатив не была реализована на практике.

Милитаризация Грузии

Другой важнейший фактор угрозы для Южной Осетии – это продолжающаяся милитаризация Грузии. Серьезную обеспокоенность в Южной Осетии вызывает отсутствие договора о мире и ненападении с Грузией. Переговоры, проходящие в Женеве с 2008 г. (более 50 раундов) в формате России, Абхазии, Южной Осетии и США и при посредничестве спецпредставителей ООН, ЕС и ОБСЕ, так до сих пор и не дали результатов. Работа традиционно ведется в двух рабочих группах – по безопасности и по гуманитарным вопросам. Женевские дискуссии остаются единственной платформой для диалога между Сухумом, Цхинвалом и Тбилиси. До сих пор грузинская сторона не идет на подписание Договора о мире с Южной Осетией и Абхазией, продолжая их считать «оккупированными Россией территориями». Подобное положение вещей фактически означает, что и Южная Осетия, и Абхазия продолжают находиться в состоянии войны с Грузией, во всяком случае, де-юре.

На этом фоне происходит ускоренный рост военных расходов в Грузии. Эти расходы стали расти в Грузии еще с 2001 г. при Э.Шеварднадзе. Сначала темпы этого роста были относительно скромны: 27% – в 2001 г., 14,3% – в 2002 г., 11,7% – в 2003 г., 14% – в 2004 г. Рекордным стал 2005 г. – 165,5% прироста! После этого темпы роста

снизились: 69% в 2006 г. и 63% в 2007 г. В 2021 г. военный бюджет Грузии составлял 290 млн долларов. В 2022 г. – 322 млн долларов. Таким образом, в 2022 г. расходы на оборону в Грузии выросли на 32 млн долл., то есть на 9% по сравнению с предыдущим годом. В 2023 г. бюджет на оборонные нужды Грузии составил \$450 млн, то есть на 128 млн больше по сравнению с 2022 г. Согласно бюджету на 2024 г., финансирование Минобороны, МВД и Службы госбезопасности страны вырастет на 254 млн лари (более \$94 млн). Голосование в парламенте по бюджету составило 83 за и 0 против. Бюджет Министерства обороны Грузии в 2024 г. составит 1,38 млрд лари (\$511 млн), что на 110 млн лари (\$40 млн) больше, чем в 2023 г. Для МВД в 2024 г. власти решили выделить ассигнования в размере 1,26 млрд лари (\$466 млн), что на 114 млн лари (\$42 млн) больше показателей за 2023 г. Размер бюджета Службы государственной безопасности Грузии в 2024 г. составит 210 млн лари (\$78 млн). Это на 30 млн лари (\$11 млн) больше, чем за 2023 г.²

При этом показательно, что грузинская политическая элита остается недовольной ростом военных расходов страны. Так, согласно комментарию министра финансов Л.Хуцишвили, оборонный бюджет Грузии не отвечает тем вызовам, перед которыми стоит страна. Председатель парламентского комитета по обороне и безопасности И.Берая в ходе комитетских слушаний проекта госбюджета Грузии заявил: «В целях эффективной обороны и сдерживания существующих угроз Грузии нужны боеспособные, мобильные и совместимые с НАТО силы обороны, для чего важно увеличить оборонный бюджет»³. Заместитель председателя комитета Парламента Грузии по обороне и национальной безопасности В.Чачибая назвал эти расходы недостаточными, чтобы «никто не вздумал вынашивать против Грузии агрессивные планы»⁴. По его словам, на оборону нужно как минимум еще 97 млн долларов. Основная аргументация в этом плане исходит из натовских стандартов. Согласно проекту бюджета на 2023 год, оборонный бюджет составит 1,58% от ВВП Грузии, а по стандарту НАТО оборонный бюджет должен составлять не менее 2% ВВП страны. Стандарт НАТО также предусматривает, что не менее 20% оборонного бюджета должно быть потрачено на развитие оборонных возможностей, тогда как в проекте бюджета Грузии на 2023 г. на это направление выделено всего 13,84% оборонного бюджета.

Расширение сотрудничества Грузии с НАТО

Третьей угрозой для Южной Осетии остается продолжающееся сотрудничество Грузии с НАТО и США. В этом плане Грузия сохраняет свою внешнеполитическую ориентацию на Европу и США. США, в свою очередь, продолжают сохранять Грузию в числе своих важнейших внешнеполитических приоритетов в регионе. Согласно

² Парламент Грузии принял бюджет с ростом расходов на силовиков на \$94 млн в 2024 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19546639?ysclid=lvobq3a5e136988112>.

³ В Тбилиси заявили о необходимости увеличения военного бюджета. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/10/15/v-tbilisi-zayavili-o-neobhodimosti-uvelicheniya-voennogo-byudzheta>.

⁴ Там же.

глобальной стратегии Атлантического совета США 2022–2023, Грузия подверглась «агрессии со стороны России» и нуждается в оказании практической помощи Тбилиси. В ней также подчеркивается, что «экспансия Москвы» в Грузии не получила должного ответа и пришло время изменить это. Согласно этому документу, «чтобы еще больше укрепить безопасность Грузии Вашингтон должен развернуть американскую инфраструктуру (логистику, технику, аэродром) для использования ВВС США. Этого явно недостаточно для создания американской базы, но это обеспечит присутствие ВВС США в Грузии»⁵. Спецпредставитель генсека НАТО по Южному Кавказу и Центральной Азии говорит о том, что НАТО продолжает тесный политический диалог с Грузией: «Благодаря этому сотрудничеству, которое за долгие годы еще более укрепилось, силы обороны Грузии стали еще более боеспособными и совместными с НАТО, чем когда-либо прежде»⁶.

Грузия является активным участником всех программ НАТО, направленных на постепенное вовлечение новых стран в альянс. При этом идут разговоры о либерализации процедур вступления в НАТО, о создании упрощенных механизмов, как в случае с Черногорией, которая вступила в НАТО через решение парламента, а не общенародного референдума. На практике регулярно идут контакты на высшем уровне с НАТО и происходят совместные учения.

В марте 2022 г. вблизи Тбилиси прошли командно-штабные учения «Грузия – НАТО» уже в третий раз. Руководством учений полностью занялась грузинская сторона. Военнослужащие отработали планировку военных операций альянса с использованием симуляторов. В маневрах приняли участие члены и партнеры НАТО. Всего в учениях были задействованы более чем 20 стран и партнеров НАТО.

В августе-сентябре 2023 г. на территории Грузии прошли масштабные военные учения «Agile Spirit» («Приворотный дух»). В них было задействовано 3,6 тыс. военнослужащих из 22 государств-членов НАТО и партнеров Североатлантического блока. «Agile Spirit» проводятся в южнокавказской стране уже в одиннадцатый раз, но эти учения стали уникальны по масштабу и охвату территории. Они впервые проводились на территории как Восточной, так и Западной Грузии. Кроме того, часть задач отрабатывалась в акватории грузинского порта Поти совместно с береговой охраной Грузии. Учения начались с десантирования военнослужащих 173-й бригады вооруженных сил США в Европе на бывший российский военный аэродром Вазиани (в пригороде Тбилиси), где сейчас расположен Совместный центр учебы и оценки НАТО-Грузия. Сценарием учений стала имитация вторжения условного противника, прошли полевые учения с боевой стрельбой, совместные операции спецназа и военных медиков. По информации Министерства обороны Грузии, учения «Agile Spirit 2023» были направлены на повышение оперативной совместимости между Силами обороны Грузии, Объединенными силами США, союзниками и силами партнеров на

⁵ НАТО продолжает тесный политический диалог с Грузией как с ближайшим и давним партнером – спецпредставитель генсека. URL: <https://www.trend.az/scaucasus/georgia/3551618.html>.

⁶ Там же.

тактическом уровне, улучшение и усиление оперативных возможностей при планировании и проведении операций в многонациональной среде.

В марте 2024 г. в Грузии прошли двухнедельные военные учения «Троянский след – 2024», в которых приняли участие военнослужащие Грузии, США и стран-членов НАТО. В ходе учений отрабатывались задачи на суше и море в восточной и западной частях Грузии. Цель учений заключалась в обмене опытом между странами и повышении уровня боевой подготовки. Учения «Троянский след – 2024» были направлены на повышение оперативной совместимости между странами-участницами. Силы обороны Грузии в третий раз участвовали в многонациональных учениях. Учениями «Троянский след» руководило европейское командование специальных операций США. Сообщается, что в этом году Грузия и США проведут еще одни совместные учения «Достойный партнер», которые пройдут в стране в седьмой раз. По данным Международного республиканского института (IRI), 79% опрошенных жителей Грузии поддерживают вступление страны в НАТО.

Внутриполитическая борьба в Грузии

Как фактор угрозы для Южной Осетии следует признать и нарастающую внутриполитическую борьбу в Грузии. Характерной особенностью этой борьбы становится все большее раскручивание этнонациональной карты. Грузинская политическая оппозиция активно использует в политической борьбе лозунги, почерпнутые из 1990-х гг. о возврате «утерянных» территорий. И эти лозунги («Су-ху-ми, Цхинвали», «Абхазия – это Грузия», «Самамчабло – это Грузия») находят поддержку в различных слоях населения, сохраняющих веру в необходимость насильтенного возвращения этих территорий. По многим признакам можно говорить о том, что в Грузии начинает набирать обороты новая волна этнонационализма времен Гамсахурдия. К счастью, политические рейтинги националистов далеко отстают от рейтингов правящей «Грузинской мечты» в соотношении 1:2, однако варианты применения в очередной раз «цветных» технологий исключать нельзя. В том случае, если Единому национальному движению удастся каким-то образом прийти к власти в Грузии, это может привести к очередной вспышке насилия в регионе.

Выводы

По общему мнению экспертов, на Южном Кавказе будет работать не «региональная арифметика», а «региональная алгебра». Согласно Р.Арзуманяну, «в лучшем случае в проектах получает отражение не только арифметика, но и разнонаправленные векторы во внутренней и внешней политике акторов, когда становится уместным говорить о «региональной алгебре», которая также не выдерживает испытания реальностью, вынуждая говорить и рассуждать не в терминах статичных структур и архитектуры, но динамичной картины и процессов в сложной нелинейной системе».

ме»⁷. Отсюда напрашивается четкий вывод о том, что на Южном Кавказе нет простых решений. Как пишет Р.Арзуманян, «необходимо примириться с тем, что на Южном Кавказе нет простых решений и справедлив тезис стратегистов, что любая сложная проблема имеет простое, ясное и неправильное решение»⁸. В целом, по мнению экспертов, в плане прикладной политики в данной ситуации следует исходить из принципа элементарного здравого смысла («не навреди»), имеющего практическую цель – в первую очередь избегать решений, которые могли бы способствовать возникновению в регионе нестабильности и хаоса.

В связи с этим представители Южной Осетии, Абхазии и России, участвующие в Женевских дискуссиях, прошедших 4–5 апреля 2024 г., выразили глубокую обеспокоенность в связи с растущим присутствием НАТО на территории Грузии. Также стороны выразили обеспокоенность наращиванием военно-тренировочной деятельности и активизацией мероприятий по интеграции Грузии в Североатлантический военный альянс. При этом югоосетинская делегация акцентировала необходимость продолжить обозначение линии прохождения югоосетино-грузинской границы и установку на этой линии соответствующих инженерных сооружений и вновь призывала грузинскую сторону к совместной работе по делимитации и демаркации государственной границы между Южной Осетией и Грузией. Участники дискуссий констатировали противоречивые подходы сторон к выработке документа о неприменении силы, однако югоосетинские участники призвали к продолжению работы в этом ключевом для целей Женевского формата направлении.

Обобщая вышесказанное, отметим основное:

1. На сегодняшний день Республика Южная Осетия сталкивается на Южном Кавказе с рядом серьезных внешних угроз своей национальной безопасности.

2. Существующие угрозы, вызовы и риски для Южной Осетии в регионе Южного Кавказа имеют тенденцию к нарастанию – как в локальном, так и общерегиональном варианте.

3. Следует продолжать усилия по созданию устойчивой архитектуры безопасности на Южном Кавказе с целью предотвращения любых насилиственных сценариев разрешения существующих противоречий и достижения устойчивого мира и стабильности в регионе.

Список литературы

1. Арзуманян Р., Багдасарян А. Теория войны в XXI веке [Theory of war in the 21st century] // 21-й век. 2011. № 3(19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-voyny-v-xxi-veke>.
2. Арзуманян Р.В. Центры власти в XXI веке. Взаимоотношения между политическим и религиозным на современном этапе [Centers of power in the 21st century]. М.: АНО ЦСОИП, 2015. 136 с.

⁷ Арзуманян Рачья. Система региональной безопасности Южного Кавказа и проблемы суверенитета. URL: <https://theanalyticon.com/ru/новости/система-региональной-безопасности-ю/>.

⁸ Арзуманян Рачья. Армяно-турецкие отношения сквозь призму региональной системы безопасности Южного Кавказа. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=4604.

3. Баум В.В., Дегтерев Д.А., Зябкина Е.И. Десять лет без дипломатического признания: прикладной анализ российско-грузинских отношений (2008–2018 гг.) [Ten years without diplomatic recognition: an applied analysis of Russian-Georgian relations (2008–2018)] // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4(55). С. 70–86.
4. Борзова А.Ю., Савичева Е.М., Кулумбегова Л.Т. Проблемы безопасности на Южном Кавказе в исследованиях зарубежных аналитических центров [Security Issues in the South Caucasus in Research by Foreign Analytical Centers] // Постсоветские исследования. 2022. № 5(02). С. 138–146.
5. Буторов А.С., Дегтерев Д.А., Савичева Е.М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: новая база данных РУДН по международным отношениям [Regional Security in the South Caucasus: New RUDN Database on International Relations] // Постсоветские исследования. 2023. № 4(6). С. 388–400.
6. Галоян Н.Г. Внешнеполитические стратегии в сфере безопасности ЕС, США и НАТО в отношении государств Южного Кавказа [Foreign Policy Strategies in the Sphere of Security of the EU, USA, and NATO in Relation to the States of the South Caucasus] // Международные отношения. 2017. № 3. С. 80–91.
7. Григорян Г.П. Политический контекст Евразийской интеграции [Political Context of Eurasian Integration] // Евразийская интеграция: проблемы и перспективы реализации: сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2014. С. 15–22.
8. Григорян Г.П. Проблемы евразийской интеграции [Problems of Eurasian Integration] // Перспективы интеграционных процессов Евразии в XXI в.: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 191–198.
9. Григорян Г.П. Россия и мир: взаимное познание [Russia and the World: Mutual Knowledge] // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2009. № 25. С. 95–97.
10. де Ваал Т. Угрозы безопасности на Южном Кавказе [Thomas de Waal Security Threats in the South Caucasus] // Вестник Европы. 2002. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/7/ugrozy-bezopasnosti-na-yuzhnom-kavkaze.html>.
11. Дудайти А.К. Проблемы энергетической безопасности на Южном Кавказе после августовской войны 2008 г. [Problems of Energy Security in the South Caucasus after the August War of 2008] // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова. 2022. № 4. С. 44–51.
12. Ежегодник СИПРИ 2021: вооружения, разоружение и международная безопасность: перевод с англ. [SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament, and International Security] / СИПРИ, ИМЭМО РАН; редколл.: А.А.Дынкин, А.Г.Арбатов, В.Г.Барановский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 964 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0611-3>.
13. Жильцов С.С., Савичева Е.М. Региональная безопасность на Южном Кавказе: энергетическая составляющая [Regional security in the South Caucasus: the energy component] // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8(3). С. 331–340. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340>.
14. Курылев К.П., Галоян Н.Г., Станис Д.В., Бредихин А.В. Соблюдение баланса сил на Южном Кавказе [Maintaining the balance of power in the South Caucasus] // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 108–118.
15. Малышева Д.Б. Проблемы безопасности на Кавказе [Security issues in the Caucasus. Central Asia and the Caucasus] // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1(13). С. 41–56.
16. Рондели А. Южный Кавказ и Россия [The South Caucasus and Russia] // Вестник Европы. 2002. № 7. С. 7–8.
17. Скворцова Н., Абазов Д. Конфликт интересов на Южном Кавказе [Conflict of Interest in the South Caucasus] // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 2. С. 181–188.
18. Стратегический обзор 2023 [Strategic Review 2023] / А.Г.Арбатов (отв. ред.), А.В.Загорский, С.М.Иванов, П.А.Карасев, А.И.Никитин, С.К.Озюбищев (ИМЭМО РАН); МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2024. 300 с.
19. Novikova G. Russia's Belt of (In)Security // European Security and Defence. 2021; 11–12:19–21.
20. Novikova G. Significant Shifts in the Geopolitics of the South Caucasus // European Security and Defence. 2021; 9:47–49.
21. Novikova G. The South Caucasus and the European Security Architecture. // Panorama of Global Security Environment. Centre for European and North Atlantic Affairs. Bratislava, 2010: 351–365.
22. Novikova G. The South Caucasus in the Shadow of the War in Ukraine // European Security and Defence. 2023; 5: 72–74.

Информация об авторе

САНАКОЕВ Инал Борисович. Кандидат политических наук. Заведующий кафедрой политологии и социологии. Юго-Осетинский государственный университет им. А.А.Тиболова. <https://orcid.org/0000-0003-4390-1012>. Адрес: Республика Южная Осетия, 500200, г. Цхинвал, ул. В.В.Путина, 8. inal59@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 22 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Arzumanyan R., Baghdasaryan A. Theory of war in the 21st century. 21-j vek [21st century]. 2011; 3(19) [In Russian]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-voyny-v-xxi-veke>.
2. Arzumanyan R.V. Centers of power in the 21st century. The relationship between the political and the religious at the present stage. Moscow: ANO TsSoiP, 2015:136 [In Russian].
3. Baum V.V., Degterev D.A., Zyabkina E.I. Ten years without diplomatic recognition: an applied analysis of Russian-Georgian relations (2008-2018). Problemy natsional'noj strategii [Problems of national strategy]. 2019; 4(55):70-86 [In Russian].
4. Borzova A.Yu., Savicheva E.M., Kulumbegova L.T. Security Issues in the South Caucasus in Research by Foreign Analytical Centers. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies.] 2022; 5(02):138-146 [In Russian].
5. Butorov A.S., Degterev D.A., Savicheva E.M. Regional Security in the South Caucasus: New RUDN Database on International Relations. Post-Soviet Studies [Post-Soviet Studies]. 2023; 4(6):388-400 [In Russian].
6. Galoyan N.G. Foreign Policy Strategies in the Sphere of Security of the EU, USA, and NATO in Relation to the States of the South Caucasus. Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations]. 2017; 3:80-91 [In Russian].
7. Grigoryan G.P. Political Context of Eurasian Integration. Evrazijskaya integraciya: problemy i perspektivy realizacii [Eurasian Integration: Problems and Prospects of Implementation]: A Collection of Articles Based on the Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Barnaul, 2014:15-22 [In Russian].
8. Grigoryan G.P. Problems of Eurasian Integration. Prospects for Integration Processes in Eurasia in the 21st Century: A Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. Ufa: BashSU RIC, 2013:191-198 [In Russian].
9. Grigoryan G.P. Russia and the World: Mutual Knowledge. Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij. [Diary of the Altai School of Political Studies]. 2009; 25:95-97 [In Russian].
10. de Waal T. Security Threats in the South Caucasus. Postsovetskie issledovaniya [Herald of Europe]. 2002; 7 [In Russian]. Available from: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/7/ugrozy-bezopasnosti-na-yuzhnom-kavkaze.html>.

11. Dudayti A.K. Problems of Energy Security in the South Caucasus after the August War of 2008. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L.Hetagurova. [Bulletin of the K.L.Khetagurov North Ossetian State University]. 2022; 4:44-51 [In Russian].
12. SIPRI Yearbook 2021: Armaments, Disarmament, and International Security: Translation from English / SIPRI, IMEMO RAS; editorial board: A.A.Dynkin, A.G.Arbatov, V.G.Baranovsky, et al. Moscow: IMEMO RAS, 2022:964 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0611-3>.
13. Zhiltsov S.S., Savicheva E.M. Regional security in the South Caucasus: the energy component. Problemy postsovetskogo prostranstva. [Problems of the post-Soviet space]. 2021; 8(3):331-340 [In Russian]. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-331-340>.
14. Kurylev K.P., Galoyan N.G., Stanis D.V., Bredikhin A.V. Maintaining the balance of power in the South Caucasus. Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya. [World economy and international relations]. 2018; Vol. 62. 3:108-118 [In Russian].
15. Malysheva D.B. Security issues in the Caucasus. Central'naya Aziya i Kavkaz. [Central Asia and the Caucasus]. 2001; 1(13):41-56 [In Russian].
16. Rondeli A. The South Caucasus and Russia. Vestnik Evropy. [Herald of Europe]. 2002; 7:7-8 [In Russian].
17. Skvortsova N., Abazov D. Conflict of Interest in the South Caucasus. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2020; Vol. 3. 2:181-188 [In Russian].
18. Strategic Review 2023 / A.G.Arbatov (ed.), A.V.Zagorsky, S.M.Ivanov, P.A.Karasev, A.I.Nikitin, S.K.Oznobishchev (IMEMO RAS); MGIMO MFA of Russia. Moscow: MGIMO-University, 2024:300 [In Russian].
19. Novikova G. Russia's Belt of (In)Security. European Security and Defence. 2021; 11-12:19-21 [In English].
20. Novikova G. Significant Shifts in the Geopolitics of the South Caucasus. European Security and Defence. 2021; 9:47-49 [In English].
21. Novikova G. The South Caucasus and the European Security Architecture. Panorama of Global Security Environment. Centre for European and North Atlantic Affairs. Bratislava, 2010:351-365 [In English].
22. Novikova G. The South Caucasus in the Shadow of the War in Ukraine. European Security and Defence. 2023; 5:72-74 [In English]

About the author

Инал Б. САНАКОЕВ. CandSc. (Polit.). Head of the Department of Political Science and Sociology. South Ossetian State University after A.A.Tibilov. <https://orcid.org/0000-0003-4390-1012>. Address: 8, V.V.Putin str, Tskhinval, 500200, Republic of South Ossetia. inal59@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 25, 2024. Approved after review: July 22, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-102-117)

Политические науки

Россия как объект научных исследований в Кыргызстане

Назгул Жоомартовна Абалова^{1a}, Евгений
Флорентьевич Троицкий^{2b}, Анастасия Михайловна
Погорельская^{3c}, Каныбек Акматбекович
Кудаяров^{4d}

¹ Институт мировых языков и международных отношений
им. Ш.Кадыровой Кыргызского государственного университета
им. И.Арабаева, Бишкек, Кыргызстан

^{2,3} Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ Центр российских исследований КНУ им. Ж.Баласагына, Бишкек,
Кыргызстан

^a nazdil72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9607-536X>

^b eft@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>

^c pogorelskaya@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

^d kana8306@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8970-8694>

Аннотация. Объектом исследования являются научные публикации исследователей из Кыргызстана, посвященные России. В качестве предмета исследования выступают работы социально-гуманитарного характера, относящиеся к пяти дисциплинам: «Русский язык и литература», «Политология», «История», «Экономика» и «Право». Целью работы является выявление степени изученности и характера исследований о России в Кыргызстане в рамках научных трудов по русской филологии, статей исторической и политологической направленности, а также экспертно-аналитических и научно-образовательных материалов по экономическим и правовым аспектам исследований.

Среди изученных направлений наибольший интерес у кыргызстанских исследователей вызывает русистика, что во многом объясняется статусом и ролью русского языка в Кыргызской Республике и его доминирующим положением в столице, г. Бишкеке, где располагаются практические и все крупные вузы республики, на которые приходится основная исследовательская нагрузка, посвященная российской тематике. Оставшимся четырем дисциплинам уделяется меньше внимания, поскольку область научных изысканий экспертов ограничивается историческими, политическими и экономическими взаимосвязями двух государств, также нашедших отражение в статьях по правовой тематике. Исследование показало, что в целом идеологические позиции местных экспертов в отношении России носят положительный или нейтральный характер, несмотря на отдельные (единичные) работы, имеющие негативную окраску в отношении кыргызско-российских отношений.

Ключевые слова: Россия, Кыргызстан, наука, российедение в Кыргызстане, социально-гуманитарные науки, вузы, аналитические центры

Для цитирования: Абалова Н.Ж., Троицкий Е.Ф., Погорельская А.М., Кудаяров К.А. Россия как объект научных исследований в Кыргызстане // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 102-117, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-102-117)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-102-117)

Political Sciences

Russia as an Object of Scientific Studies in Kyrgyzstan

Nazgul Dzh. Abalova^{1a}, Yevgeny F. Troitsky^{2b}, Anastasia M.
Pogorelskaya^{3c}, Kanybek A. Kudayarov^{4d}

¹ Institute of World Languages and International Relations named after
Sh.Kadyrova of the I.Arabaev Kyrgyz State University, Bishkek, Kyrgyzstan

^{2,3} Tomsk State University, Tomsk, Russia

⁴ The Center for Russian Studies of J.Balasagyn KNU, Bishkek, Kyrgyzstan

^a nazdil72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9607-536X>

^b eft@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>

^c pogorelskaya@mail.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

^d kana8306@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8970-8694>

Abstract. The object of the study is scientific social and humanitarian publications devoted to Russia of Kyrgyzstan scientists. These are works in five disciplines: "Russian language and literature", "political science", "history", "economics" and "law". The purpose of the work is to identify the degree of study and the specificity of research on Russia in Kyrgyzstan in studies on Russian philology, history and political science, and analysis of expert-analytical and scientific-educational materials on economic and legal aspects of research.

Of greatest interest to Kyrgyz researchers is Russian language, which is explained by the status and role of the Russian language in the Kyrgyz Republic and its dominant position in the capital, Bishkek, where all major universities of the republic dealing with Russian topics are located. In the sphere of the other four disciplines, the interests of researchers are limited to historical, political and economic relationships between the two states. The study showed that, in general, the ideological positions of local experts are manifested in a positive or neutral attitude towards Russia, despite individual (single) works that contain a negative interpretation of Kyrgyz-Russian relations.

Keywords: Russia, Kyrgyzstan, science, Russian studies, social and humanitarian sciences, universities, analytical centers

For citation: Abalova N.Dzh., Troitsky Y.F., Pogorelskaya A.M., Kudayarov K.A. Russia as an Object of Scientific Studies in Kyrgyzstan. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 102-117, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-102-117

Введение

Развитие кыргызско-российских отношений – как на двусторонней основе, так и в рамках международных интеграционных форматов (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и т.д.) – в последние годы привело к увеличению научно-образовательных контактов между двумя государствами. С 2019 г. проводятся форумы ректоров вузов Кыргызстана и России, с 2022 г. функционирует Ассоциация университетов России и Кыргызстана. Помимо этого, кыргызско-российское научно-образовательное партнерство успешно развивается в рамках сетевых университетов ШОС и СНГ, созданных для реализации совместных научных и научно-технических проектов. Практически любой российский вуз имеет опыт сотрудничества с вузами Кыргызстана, многие университеты Кыргызстана имеют десятки соглашений с университетами РФ.

Научно-экспертное сообщество Кыргызстана активно исследует различные аспекты кыргызско-российского сотрудничества, о чем говорят многочисленные публикации ученых и экспертов, представляющих ведомственные и научно-образовательные учреждения Кыргызстана. При этом практически нет публикаций, которые бы отражали развитие такого направления, как россиеведение в Кыргызстане, что позволило бы определить степень интереса кыргызских исследователей к науке о России. Учитывая востребованность россиеведческой тематики в научных работах и особую значимость в них социально-гуманитарных наук, была предпринята попытка восполнить существующий пробел в рамках таких направлений, как русский язык и литература, история и политология, экономика и право.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на анализе широкого пласта научно-образовательной и экспертизно-аналитической литературы: статей, монографий, учебников,

диссертаций. Большое внимание отводится научно-образовательным и аналитическим центрам Кыргызстана, занимающимся исследуемой проблематикой, а также особенностям проводимых ими исследований и основным тематикам, которые были выделены данными центрами в качестве приоритетных. В качестве информационной базы использовались ресурсы научной электронной библиотеки «Elibrary», базы научных работ Национальной электронной библиотеки Кыргызстана («neb.kg»), библиотеки диссертаций информационного агентства «АКИpress» («Билим АКИpress»), материалы сети академических библиотек «Кирлибнет».

Выгрузка статей из «Elibrary» проводилась на основе тематической выборки согласно пяти отобранным направлениям исследований ученых Кыргызстана о России. В рамках первого направления (русская филология) производился отбор из 1 545 единиц материалов. Историческое и политологическое направления – 694 и 372 единицы. Экономика и право – 3 331 и 1 382 статьи соответственно. В качестве хронологических рамок использовался временной промежуток 2020–2024 гг., который позволил отобрать новые публикации по исследуемой тематике.

Результаты исследований

Русский язык и литература

Русский язык в Кыргызстане имеет статус официального и широко распространен в качестве второго языка. Его роль очень высока в системе высшего образования Кыргызстана: 54 из 68 вузов Кыргызстана (включая филиалы российских вузов) имеют в качестве единственного либо одного из языков преподавания русский язык¹.

Высшие учебные заведения Кыргызстана играют ключевую роль в сохранении и продвижении русского языка. В Кыргызстане имеется четыре столичных вуза (КНУ им. Ж.Баласагына, БГУ им. К.Карасаева, КГУ им. И.Арабаева, ОшГУ), при которых действуют факультеты русской филологии, и еще четыре региональных вуза с факультетами филологии, на которых готовят специалистов по русскому языку и литературе и переводчиков наряду со специалистами по другим иностранным языкам.

Особую роль также играет Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ) им. Б.Н.Ельцина, на гуманитарном факультете которого есть магистерские программы по «Русскому языку как иностранному»² и «Русской литературе». С 2020 г. в КРСУ действует Институт русского языка как платформа для реализации

¹ Национальный Эразмус+ // Офис (НЭО) в Кыргызстане: официальный сайт. Бишкек. URL: <https://erasmusplus.kg/wp-content/uploads/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA-%D0%92%D1%83%D0%B7%D0%BE%D0%B2.pdf>

² Кыргызско-Российский Славянский университет: официальный сайт. Бишкек. URL: <https://krsu.edu.kg/sveden/education/programs/russkiy-yazyk-kak-inostrannyy-45.04.01.html>

научной, методической, информационно-аналитической и культурно-просветительской деятельности, направленной на сохранение и укрепление позиций русского языка в Кыргызстане. Например, в апреле 2024 г. сотрудниками Института проводились полевые социолингвистические исследования в регионах Кыргызстана с целью изучения языковой ситуации и мониторинга положения русского языка. В настоящее время ведется обработка полученных данных, которые будут включены в содержание монографии, разрабатываемой под руководством доктора филологических наук М.Дж.Тагаева.

Исследования и защита диссертаций по русскому языку, литературе и методике преподавания русского языка³ способствуют сохранению и поддержке русского языка как важной части культурного наследия России, развитию академического интереса к русской филологии, повышению квалификации специалистов и углублению межкультурного взаимодействия. Анализ тематики защищенных диссертаций показывает, что научные исследования по русской филологии в Кыргызстане больше затрагивают сопоставительное языкознание, в данном случае на кыргызском и русском языках. Важную часть составляют диссертации по теории и методике обучения, а вот темы, напрямую связанные с русской литературой и языком, не столь популярны.

Политология

Кыргызстанское политологическое экспертное сообщество представлено как в рамках аналитических центров, специализирующихся на вопросах международных отношений и внешней политики (НИСИ КР⁴, «Институт политических исследований при Фонде Т.Усубалиева», «Центр Полис Азия»), так и в рамках специализированных подразделений, факультетов и кафедр вузов (Центр евразийских исследований и Институт стратегического анализа и прогноза при КРСУ, МУК⁵, ОшГПУ⁶, Международный университет Ала-Тоо и др.).

Политологические исследования кыргызстанских экспертов о России представляют собой научно-образовательные и экспертно-аналитические работы на темы:

- двусторонних кыргызско-российских отношений;
- места и роли России на геополитической «шахматной доске» Центральной Азии (в прошлом и в настоящее время);
- российских внешнеполитических концепций и стратегий, реализуемых в отношении региона, и Кыргызстана в частности, в которых не последнее место отводится положению российских соотечественников, а также их роли в реализации «мягкой силы» России в республиках Центральной Азии.

3 За последние пять лет написано 9 диссертаций по данным специальностям.

4 Национальный институт стратегических инициатив при Президенте Кыргызской Республики.

5 Международный университет Кыргызстана.

6 Ошский гуманитарно-педагогический университет.

Большое внимание уделяется интеграционной составляющей российской политики в регионе и постсоветском пространстве в целом, выраженной в рамках взаимодействия России и Кыргызстана (а также других бывших советских республик) по линии СНГ, ЕАЭС и ОДКБ. Не обошла стороной и тематика геополитического противостояния стран коллективного Запада и России, на фоне которой произошла активизация российской экономической и научно-образовательной политики в Кыргызстане и на постсоветском пространстве в целом.

Политологический анализ как одна из важных составных частей российских исследований в Кыргызстане по-прежнему остается весьма востребованным ресурсом, демонстрирующим внешнеполитическую ориентацию и стратегические интересы республики, а также приверженность Кыргызстана идеям евразийской интеграции, которая просматривается почти во всех работах, анализирующих кыргызско-российские отношения. Исключение составляет лишь аналитический центр «Центр Полис Азия», проекты которого делают акцент на негативных моментах в общей истории Кыргызстана и России (жертвах сталинских репрессий, раскулачивания, жертвах концлагерей и т.д.), продвигая концепцию деколонизации сознания граждан Кыргызстана.

История

В исторической науке Кыргызстана большое внимание уделено освещению общеисторических периодов кыргызско-российских отношений, что подтверждается соответствующим количеством научных публикаций (на базе РИНЦ), изданных в 2020–2024 гг. Особенностью обозреваемых работ является то, что в них преимущественно представлена история не самой России и ее народов, а тех исторических этапов / периодов / моментов, которые имели самое непосредственное отношение к кыргызской истории, оказывали прямое влияние на ход развития самого кыргызского народа и кыргызской государственности, способствовали ее всестороннему развитию.

Большая часть указанных работ представлена в виде статей в различных периодических изданиях при высших учебных заведениях Кыргызстана и России. Немалое количество публикаций вышло в свет на страницах сборников статей и материалов конференций, проведенных в двух государствах.

Авторы исследуемых работ представляют по меньшей мере 16 научных и научно-образовательных центров Кыргызстана. Подавляющее большинство авторов являются сотрудниками соответствующих (профильных) университетских кафедр⁷. Наибольшее количество работ на историческую тематику представлено авторами из Кыргызско-Российского Славянского университета, Кыргызского го-

7 К вузам, созданным на основе межправительственных соглашений, относятся: Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н.Ельцина.

сударственного университета им. И.Арабаева, а также Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына.

К основным предметным областям исследований относятся:

1) в досоветский период: культурные и исторические связи кыргызов с народами России [14, 20] (например, с населением Алтая и Бурятии); связи кыргызов Тянь-Шаня и Енисея; политика Российской империи в Центральной Азии (в том числе столыпинская реформа в регионе); освещение различных аспектов восстания 1916 г.;

2) в советский период: борьба с басмачеством; становление кыргызской государственности в советский период; история создания и развития специализированных органов государственного управления (различных министерств и ведомств в Киргизской ССР); история становления различных городов Кыргызстана; роль русского языка в Кыргызстане; развитие науки, образования и культуры в КССР⁸; роль различных исторических личностей в становлении кыргызской государственности; зарождение и развитие кыргызской интеллигенции; сталинские репрессии, политические репрессии в КССР в 1937–1938 гг.; вклад российских ученых в развитие кыргызоведения; ВОВ и вклад Кыргызстана в общую победу; экономика и социально-экономическое развитие Киргизской ССР в годы ВОВ; просветительские работы в КССР в годы ВОВ; правительство КССР в годы ВОВ; депортация в КССР различных народов России;

3) в постсоветский период: различные аспекты евразийской интеграции и т.д. [9–12].

В своих работах историческое сообщество Кыргызстана в целом довольно положительно оценивает общую историю кыргызского и русского народов, роль русской цивилизации в формировании Кыргызстана как современного государства с развитым обществом. В то же время есть и спорные, проблемные вопросы, в том числе:

- восстание кыргызов Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства в 1916 г., которой посвящено большое количество публикаций;
- период сталинских репрессий [1, 2, 5, 6].

⁸ «Научное наследие А.Н.Бернштама в фондах АН Кыргызской Республики», в котором автор утверждает, что заключение А.Н.Бернштама о массовом переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань в IX–X вв., впоследствии составивших кыргызскую этническую группу и окончательно возобладавшую в полемонгольский период, несомненно, имеет большое значение в концепции по этногенезу и этапам этнической истории кыргызского народа. Среди других, не менее значимых, трудов, касающихся научных изысканий Бернштама стоит отметить «Научную деятельность А.Н.Бернштама в Кыргызстане в постсоветской историографии»; «Манас в исследованиях А.Н.Бернштама» и другие работы, написанные в Кыргызском национальном университете. Большое значение имеют труды, исследующие «наследие» Н.А.Аристова: Тургунбаева А.С. Н.А.Аристов и его вклад в развитие источниковедения истории кыргызов // Вестник КРСУ. Серия: «Культура и культурология». 2014. Т. 14. № 3. С. 80–83; Н.А.Аристов о значении родовых имен и тамг как указателей этнического состава кыргызских племен // Вестник КРСУ. Серия: «Исторические науки». 2018. Т. 18. № 5. С. 36–40 и др.; Мадалиев Н.А. В.Б.Бартольд и ТКЛА // Вестник филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. 2011. № 9. С. 62–65. и др.

Экономика

В Кыргызстане есть несколько аналитических центров, занимающихся тематикой евразийской интеграции и, соответственно, положением Кыргызстана в этих проектах, отчасти – других государств Центральной Азии, и только очень поверхностно – России. К ним относятся Национальный институт стратегических исследований (НИСИ), Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП) и Аналитический центр экономических и демографических исследований (АЦЭДИ) при Кыргызско-Российском Славянском университете (КРСУ). Центры относительно крупные – в них работает от 15 и более специалистов.

В АЦЭДИ разрабатывалась тематика промышленной политики и технологического суверенитета, что созвучно российским приоритетам. В издаваемом Дипломатической академией «Вестнике»⁹ зачастую публикуются статьи, посвященные евразийской интеграции, которые касаются и состояния российской экономики. Работы, посвященные экономической интеграции в формате Евразийского экономического союза, а также торгово-экономическому взаимодействию Кыргызстана и России, публикуют и Кыргызский экономический университет им. М.Рыскулбекова¹⁰.

- Анализ публикаций исследователей из Кыргызстана, внесенных в базу данных РИНЦ за период 2020–2024 гг., свидетельствует о том, что относительно распространенными тематиками исследований, так или иначе касающихся российской экономики, являются:

- вопросы трудовой миграции (как из Кыргызстана в Россию, так и в целом по миру);
- анализ особенностей и последствий евразийской интеграции (в формате ЕАЭС в первую очередь) – в финансовой, налоговой сфере, цифровизации, функционирования единого рынка труда;
- вопросы безопасности (продовольственной, экономической, демографической, технологической и т.д.);
- способы развития туризма.

Относительно немного публикаций по двусторонним отношениям между Россией и Кыргызстаном. Они посвящены чаще всего социально-экономическим последствиям сотрудничества и трудовой миграции, в частности, сотрудничес-

⁹ Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. К.Дикамбаева.

¹⁰ См., например: Елебесов А.Дж. Роль и значение ЕАЭС в развитии экономики государств // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетинин Кабарлары. 2024. № 1(62). С. 19–24; Сатылганова Э.Ш., Елебесов А.Д. Проблемы, пути решения начисления и взимания таможенных платежей в условиях ЕАЭС // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетинин Кабарлары. 2023. № 3(60). С. 9–12; Беков Т.Н. Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического союза // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетинин Кабарлары. 2022. № 4(57). С. 95–98; Аракелян А.А. Динамика внешнеторговых отношений Кыргызстана и России // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетинин Кабарлары. 2024. № 1(62). С. 9–11 и др.

ству в подготовке кадров. Мало сравнительных исследований России и Кыргызстана в сфере экономики.

Немного и публикаций по особенностям российской экономики или внешнеэкономическим связям России (за исключением ЕАЭС), кроме нескольких коллективных трудов.

Среди защищенных в последние годы в Кыргызстане диссертаций по экономике нет ни одной, которая бы была посвящена России.

Учитывая, что достаточно много работ, особенно монографий, написаны авторами из Кыргызстана совместно с российскими коллегами, чаще всего они характеризуют российскую экономику, торгово-экономические отношения России и Кыргызстана и евразийскую интеграцию в нейтрально-описательном ключе или с оттенком конструктивной критики. Несколько более критически анализируется трудовая миграция из Кыргызстана в Россию, зачастую подчеркивается ее «вынужденный» характер и те трудности, с которыми трудовым мигрантам приходится сталкиваться в России.

Право

Исследования российского права в Кыргызстане осуществляются ограниченным числом центров и немногими исследователями. Можно сказать, что в Кыргызстане нет исследовательских центров, основным предметом деятельности которых было бы изучение российской правовой системы в целом; лишь отдельные аспекты эволюции российского права попадают в поле зрения кыргызских исследователей. Фактически точками концентрации исследователей, проявляющими устойчивый интерес к российскому праву и правоведению, являются юридические факультеты ведущих государственных вузов. Среди них со значительным отрывом лидируют Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н.Ельцина и Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына.

Анализируя работы кыргызских правоведов, затрагивающие проблематику сравнительного правоведения и эволюции российской системы права, можно отметить следующее:

1) наибольший интерес вызывает проблематика сближения национальных законодательств в ЕАЭС, обеспечения трудовых и социальных прав граждан Кыргызстана в Российской Федерации, правовых аспектов противодействия терроризму и экстремизму, а также вопросы общей российской (советской) и кыргызской истории государства и права. Очень редки публикации, посвященные собственно эволюции российского права и анализу российских правовых новелл.

2) в большинстве работ превалируют:

- признание важности развития сравнительно-правоведческих исследований в Кыргызстане, в том числе изучения опыта России и других стран СНГ, сходства многих элементов правовой системы Кыргызстана с российской (например, бюджетного законодательства);

- позитивные оценки ЕАЭС, особенно прогресса в сфере формирования общего трудового и пенсионного законодательства, развития нормативно-правовой базы международного сотрудничества ЕАЭС;

- интерес к перспективам формирования общего правового поля ШОС;
- интерес к совместной истории государства и права, признание важного, системообразующего влияния российского (советского) государства и права на современное государственно-правовое развитие Кыргызстана. Это влияние, как правило, оценивается положительно (так, признается «стратегически важное значение создания Киргизской ССР» для становления кыргызской государственности,дается позитивная оценка Конституции Киргизской ССР 1978 г.) [3, 8]. В отдельных работах обосновывается тезис о прогрессивности правовых норм Российской империи по сравнению с действовавшими ранее нормами обычного права¹¹.

В то же время кыргызстанские юристы озабочены:

- наличием проблем и пробелов в правовом регулировании статуса кыргызских трудовых мигрантов в России (например, возникновением проблемы двойного гражданства, проблематики перевода денежных средств, избыточных требований к медицинскому осмотру трудовых мигрантов);
- сохранением в национальных системах трудового права стран ЕАЭС значительных расхождений, препятствующих полноценному функционированию общего рынка рабочей силы.

Обсуждение результатов

На основе анализа научной литературы, посвященной российской тематике, выработан ряд рекомендаций общего и частного характера. Общие рекомендации, касающиеся совместной работы академических сообществ двух стран, подразумевают следующее:

1. Расширение финансовых механизмов поддержки совместных образовательных проектов в сфере истории и гуманитарных наук, просветительских мероприятий, программ обмена и стажировок на базе российских вузов, нацеленных на молодежь Кыргызстана. Например, проработка возможности усиления программ НИИРК по направлению аспирантов из стран СНГ на стажировки в российские научно-образовательные организации. Происходящая в кыргызстанских вузах смена поколений требует значительных инвестиций в кадровую подготовку / повышение квалификации / переподготовку профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Кыргызстана, в которой Россия могла бы принять непосредственное участие.

11 См. напр.: Сопубекова Н.Т. Судоустройство Кыргызстана в период нахождения его в составе Кокандского ханства и Российской империи (XIX – начало XX вв.) // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 3. С. 338-345.

2. Введение практики проведения конкурсов на осуществление совместных исследований научными коллективами из России и Кыргызстана на базе Российского научного фонда или другого финансового механизма, создание отдельного канала поддержки исследований России студентами и аспирантами Кыргызстана, а также совместных исследований студентов и аспирантов двух стран.

Рекомендации по направлению «Русский язык и литература»:

1. Введение обязательного требования к авторам учебников по русскому языку и литературе (в каждом издаваемом пособии необходимо наличие в авторском составе экспертов двух государств (как минимум одного автора из России и одного – из Кыргызстана) с целью понимания и учета национальных особенностей).

2. Поощрение учителей, занимающихся подготовкой школьников к районным, областным, республиканским и международным олимпиадам по русскому языку и литературе.

3. Запуск программ академической мобильности для студентов, изучающих русский язык и литературу, предусматривающих обучение в российских вузах как минимум в течение 1 семестра (наподобие программ «Erasmus +»).

4. Проведение специальных мероприятий по поддержке и мотивации студентов-руссистов (например, такая практика развита по корейскому / китайскому языкам: конкурс чтецов, конкурс знания культуры страны изучаемого языка).

5. Предоставление возможности получения разового гранта для защитивших диссертацию по русской филологии (как мотивация для молодых ученых).

6. Организация на факультетах русской филологии в Кыргызстане на постоянной основе гостевых лекций российских специалистов по русскому языку и литературе.

Рекомендация по направлениям «История» и «Политология»:

Содействовать инициированию Российской ассоциацией политических наук, Российской ассоциацией международных исследований, Российским историческим обществом и/или ведущими российскими вузами создания ассоциаций политологов, международников и историков России и Кыргызстана, других форматов взаимодействия академических сообществ двух стран.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги оценки пяти различных научных направлений исследований, посвященных России, были сформулированы следующие выводы:

1. С учетом статуса и роли русского языка самые сильные позиции по сравнению с другими науками в Кыргызстане имеет направление «Русский язык и филология».

2. Такие науки в Кыргызстане, как политология, история, экономика, преимущественно изучают те аспекты, которые связаны с политикой, историей, эко-

номикой Кыргызстана и кыргызского народа. Изучение собственно России носит ограниченный, фрагментарный характер.

3. Ключевую роль играют столичные вузы Кыргызстана, прежде всего КРСУ им. Б.Н.Ельцина, КНУ им. Ж.Баласагына, КГУ им. И.Арабаева. Роль региональных вузов и исследовательских центров значительно меньше, и она имеет значение в отдельных науках.

4. Несмотря на то, что в работе отдельных центров и исследователей есть негативная оценка истории, политики, экономики России и связей Кыргызстана с Россией, в целом идеологические позиции исследователей носят положительный или нейтральный характер.

Список литературы

1. Абдрахманов Б.Д., Алтымышева З.А. Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937–1938 годах [Policy of repression implementation in the KyrgyzSSR in 1937–1938] // Научный диалог. 2021. № 7. С. 307–324. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-307-324>.
2. Абытов Б.К. Первый всесоюзный тюркологический съезд: репрессированные и расстрелянные [The First All-Union Turkological Congress: the repressed and the executed] // Turkic Studies Journal. 2023. Т. 5. № 2. С. 7–22.
3. Акбарили К.Т. Подготовка проекта Кыргызской ССР 1978 года [Preparation of the draft of the Kyrgyz SSR in 1978] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7-1(70). С. 186–189. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-1-186-189>.
4. Аракелян А.А. Динамика внешнеторговых отношений Кыргызстана и России [Dynamics of foreign trade relations between Kyrgyzstan and Russia] // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетин Кабарлары. 2024. № 1(62). С. 9–11.
5. Атаяров А.Р. Первый этап репрессий силовых ведомств Кыргызстана. 30-е годы XX века [The first stage of repression by the security agencies of Kyrgyzstan. The 30s of the twentieth century] // Вестник КГУ имени И.Арабаева. 2021. № 3. С. 1–5.
6. Атаяров А.Р. Политические репрессии против кыргызской военной элиты и их последствия [Political repressions against the Kyrgyz military elite and their consequences] // Гуманитарные и социально-экономические науки: Ростов-на-Дону. 2020. № 4(113). С. 55–58. <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2020-113-4-55-58>.
7. Байбосунова Г.У. Трансформация этнокультурных ценностей кыргызского общества и ее интеграция в евразийском пространстве (философско-культурологический анализ) [Transformation of ethnocultural values of Kyrgyz society and its integration in the Eurasian space (philosophical and cultural analysis)] // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. Т. 1. № 12. С. 29–34. EDN: UICINU.
8. Бакалбаев З.М. Конституционно-правовое регулирование экономического развития Кыргызстана в составе СССР [Constitutional and legal regulation of the economic development of Kyrgyzstan as part of the USSR] // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 10. С. 236–239. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/83/32>.
9. Беков Т.Н. Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического союза [Ensuring food security in the countries of the Eurasian Economic Union] // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетин Кабарлары. 2022. № 4(57). С. 95–98.
10. Дуйшоев Э.К. Евразийство в контексте геополитики и экономики [Eurasianism in the context of Geopolitics and Economics] // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 99. № 4. С. 11–16. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-99-4-11-16>.
11. Елебесов А.Д. Роль и значение ЕАЭС в развитие экономики государств [The role and importance of the EAEU in the development of the economies of states] // М.Рыскулбеков Атындағы Кыргыз Экономикалық Университетин Кабарлары. 2024. № 1(62). С. 19–24.

12. Елебесов А.Д., Сатылганова Э.Ш. Проблемы, пути решения начисления и взимания таможенных платежей в условиях ЕАЭС [Problems, solutions for calculating and collecting customs duties in the context of the EAEU] // М.Рыскулбеков Атындағы Қыргыз Экономикалық Университетинин Кабарлары. 2023. № 3(60). С. 9-12.
13. Жантелиева Н.Г., Асипбаева М.Б., Чодолдоева Г.Ж. Научная деятельность А.Н.Бернштама в Кыргызстане в постсоветской историографии [Scientific activity of A.N.Bernshtam in Kyrgyzstan in post-Soviet historiography] // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 3. С. 81-85.
14. Жолдошов Р.Ж. Родоплеменные связи кыргызов и алтайских народов по этногенетическим данным [Tribal ties of the Kyrgyz and Altai peoples according to ethnological data] // Историческая этногенетика. 2023. Т. 8. № 3. С. 327-340. <https://doi.org/10.22378/he.2023-8-3.327-340>.
15. Кошебеков М.Ч. Научное наследие А.Н.Бернштама в фондах АН Кыргызской Республики [Bernshtam Scientific heritage in the Funds of the Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic] // Инновации в науке. 2017. № 7(68). Ч. I. Бишкек. С. 19-23.
16. Мадалиев Н.А. В.Бартольд и ТКЛА [Barthold and TKLA] // Вестник филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. 2011. № 9. С. 62-65. EDN: XRZHJJ.
17. Сопубекова Н.Т. Судоустройство Кыргызстана в период нахождения его в составе Кокандского ханства и Российской империи (XIX – начало XX вв.) [Judicial system of Kyrgyzstan during the period of its being part of the Kokand Khanate and the Russian Empire (19th – early 20th centuries)] // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 3. С. 338-345. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/43>.
18. Тургунбаева А.С. Н.А.Аристов и его вклад в развитие источниковедения истории кыргызов [N.A.Aristov and his contribution to the development of Kyrgyz history source studies] // Вестник КРСУ. Серия: «Культура и культурология» [KRSU Bulletin. Series "Culture and Cultural Studies"]. 2014. Т. 14. № 3. С. 80-83.
19. Тургунбаева А.С. Н.А.Аристов о значении родовых имен и тамг как указателей этнического состава кыргызских племен [N.A.Aristov on the meaning of family names and tamgas as indicators of the ethnic composition of Kyrgyz tribes] // Вестник КРСУ. Серия: «Исторические науки» [KRSU Bulletin. Series "Historical Sciences"]. 2018. Т. 18. № 5. С. 36-40.
20. Эсеналиев Т.Д., Усманов М.У., Неелова Н.Н., Султаналиев А.Ж., Исаков Г.С. Создание системы игр народов Центральной Евразии на основе кочевых традиций народов алтайской цивилизации [Creation of a system of games for the peoples of Central Eurasia based on the nomadic traditions of the peoples of the Altai civilization] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана [Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan]. 2022. № 6. С. 261-266. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2022.1.6.054>.

Информация об авторах

- АБАЛОВА Назгул Жоомартовна. Доктор философии (Phd). И.о. доцента Института мировых языков и международных отношений им. Ш.Кадыровой Кыргызского государственного университета им. И.Арабаева. <https://orcid.org/0000-0002-9607-536X>. Адрес: Кыргызская Республика, 720026, г. Бишкек, Раззаков көч., 51. nazdil72@mail.ru
- ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич. Доктор исторических наук. Профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>. Адрес: Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. eftroitskiy@yandex.ru
- ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>. Адрес: Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. pogorelskaya@mail.tsu.ru
- КУДАЯРОВ Каныбек Акматбекович. Кандидат исторических наук. Главный специалист Центра российских исследований КНУ им. Ж.Баласагына. <https://orcid.org/0001-8970-8694>. Адрес: Кыргызская Республика, 720033, г. Бишкек ул. Фрунзе, 547. kana8306@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 12 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdrukhmanov B.D., Altymysheva Z.A. Policy of repression implementation in the Kyrgyz SSR in 1937-1938. Nauchny Dialog [Scientific Dialog]. 2021; 7:307-324 [In Russian]. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-307-324>.
2. Abytov B.K. The first All-Union Turkological Congress: repressive and executed. Tyurkologicheskij zhurnal [Turkological journal]. 2023; 5(2):7-22 [In Russian].
3. Akbarali K.T. Preparation of the draft of the Kyrgyz SSR in 1978. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyj i estestvennyj nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2022; 7-1(70):186-189 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-7-1-186-189>.
4. Arakelyan A.A. Dynamics of foreign trade relations between Kyrgyzstan and Russia. M.Ryskulbekov Atyndagi Kyrgyz Ekonomikalik Universitetin Kabarlarly [News of Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov]. 2024; 1(62):9-11 [In Russian].
5. Atayarov A.R. The first stage of repression by the security agencies of Kyrgyzstan. The 30s of the twentieth century. Vestnik KGU im. I. Arabaeva [Bulletin KGU im. I. Arabaeva]. 2021; 3:1-5 [In Russian].
6. Atayarov A.R. Political repressions against the Kyrgyz military elite and their consequences. Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki [Humanities and socio-economic sciences]: Rostov-na-Donu. 2020; 4(113):55-58 [In Russian]. <https://doi.org/10.18522/1997-2377-2020-113-4-55-58>.
7. Baibosunova G.U. Transformation of ethnocultural values of Kyrgyz society and its integration in the Eurasian space (philosophical and cultural analysis). Social'naya integraciya i razvitiye etnokul'tur v evrazijskom prostranstve [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space]. 2023; 1(12): 29-34 [In Russian]. EDN: UICINU.
8. Bakalbaev Z.M. Constitutional and legal regulation of the economic development of Kyrgyzstan as part of the USSR. Bulleten nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. 2022; 8(10):236-239 [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/83/2>.
9. Bekov T.N. Ensuring food security in the countries of the Eurasian Economic Union [Ensuring food security in the countries of the Eurasian Economic Union]. Vestnik Kyrgyzskogo ekonomicheskogo universiteta im M.Ryskulbekova [News of Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov]. 2022; 4(57):95-98 [In Russian].
10. Duishoev E.K. Eurasianism in the context of geopolitics and economics. Gumanitarniye i socialniye nauki [Humanities and Social Sciences]. 2023; 99(4):11-16 [In Russian]. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-99-4-11-16>.

11. Yelebesov A.J. The role and importance of the EAEU in the development of the economies of states. M.Ryskulbekov Atyndagi Kyrgyz Ekonomikalyk Universitetin Kabarlary [News of Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov]. 2024; 1(62):19–24 [In Russian].
12. Yelebesov A.D., Satylganova E.Sh. Problems, solutions for calculating and collecting customs duties in the context of the EAEU. M.Ryskulbekov Atyndagi Kyrgyz Ekonomikalyk Universitetin Kabarlary [News of Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov]. 2023; 3(60):9–12 [In Russian].
13. Zhantelieva N.G., Asipbaeva M.B., Chodoldoeva G.J. A.N.Bernshtam's scientific activity in Kyrgyzstan in post-Soviet historiography. Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]. 2021. 3:81–85 [In Russian].
14. Zholdoshov R.J. Tribal ties of the Kyrgyz and Altai peoples according to ethnological data. Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]. 2023. 8(3):327–340 [In Russian]. <https://doi.org/10.22378/he.2023-8-3.327-340>.
15. Kozhabekov M.Ch. A.N. Bernshtam Scientific heritage in the Funds of the Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Innovacii v nauke. [Innovations in Science] Ch. I, Bishkek, 2017; 7(68):19–23 [In Russian].
16. Madaliev N.A. V.V.Bartold and TKLA. Vestnik filiala Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet» v g. Osh Kirgizskoj Respubliki [Bulletin of the branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University" in Osh, Kyrgyz Republic]. 2011; 9:62–65 [In Russian]. EDN: XRZHJJ.
17. Sopubekova N.T. Judicial system of Kyrgyzstan during the period of its being part of the Kokand Khanate and the Russian Empire (19th - early 20th centuries). Bulleten nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]. 2020; 6(3):338–345 [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/43>.
18. Turgunbayeva A.S. N.A.Aristov and his contribution to the development of Kyrgyz history source studies. Bulleten KRSU. Series "Kultura I kulturnye nauki". 2014; 14(3):80–83 [In Russian].
19. Turgunbayeva A.S. N.A. Aristov on the meaning of family names and tamgas as indicators of the ethnic composition of Kyrgyz tribes. Bulleten KRSU. Series "Istoricheskiye nauki". 2018; 18(5):36–40 [In Russian].
20. Esenaliev T.D., Usmanov M.U., Neelova N.N., Sultanaliyev A.Zh., Isakov G.S. Creation of a system of games for the peoples of Central Eurasia based on the nomadic traditions of the peoples of the Altai civilization. Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana: Bishkek. 2022; 6:261–266 [In Russian]. <https://doi.org/10.26104/NNTIK.2022.1.6.054>.

About the authors

Nazgul Zh. ABALOVA. DSc. (Philos.) (PhD). Acting Associate Professor at the Institute of World Languages and International Relations n.a. Sh.Kadyrova of the I.Arabaev Kyrgyz State University/ <https://orcid.org/0000-0002-9607-536X>. Address: 51A, Razzakov str., Bishkek, 720026 Kyrgyz Republic. nazdil72@mail.ru

Evgeny F. TROITSKY. DSc. (Hist.). Professor of the Department of World Politics of Tomsk State University. <https://orcid.org/0000-0001-6489-7193>. Address: 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia. eftroitskiy@yandex.ru

Anastasia M. POGORELSKAYA. CandSc. (Hist.). Associate Professor of the Department of World Politics at Tomsk State University. <https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>. Address: 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia. pogorelskaya@mail.tsu.ru

Kanybek A. KUDAYAROV. CandSc. (Hist.), Chief Specialist of the Center for Russian Studies of the J.Balasagyn National University. <https://orcid.org/0000-0001-8970-8694>. Address: 547, Frunze str., Bishkek, 720033, Kyrgyz Republic. kana8306@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: June 17, 2024. Approved after review: July 12, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты
и процессы
Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes
Political Sociology

В эпоху мирового транзита (формационного перехода) в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли, наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями, противоречия ценностные, которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных противоречий.

Яковлев А.И.

Эволюция систем ценностей в «эпоху больших перемен»: общие вызовы и проблемы

Различают два типа базовых институтов (редистрибутивные и рыночные), существующих в институциональной матрице на условиях доминантности – комплементарности... Доминантные институты определяют сущностные характеристики общественной системы, в частности, роль государства в координации социальных действий.

Барахвостов П.А.

Интеграционные проекты и институциональные матрицы

...Существует острая необходимость разработки комплексной модели, основанной на знаниях, направленной на повышение компетентности преподавателей высшей школы в области искусственного интеллекта как для подготовки специалистов в сфере разработки технологий ИИ и его профессионального использования на продвинутом уровне, так и для обучения пользователей методам применения ИИ в своей области компетенций с учетом направления подготовки.

Жуликов С.Е., Жуликова О.В.

Подготовка специалистов в сфере искусственного интеллекта в университетах России и стран Центральной Азии: позиции в рейтингах и возможности сотрудничества

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

УДК 316.752.4

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-120-131](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-120-131)

Эволюция систем ценностей в «эпоху больших перемен»: общие вызовы и проблемы

Александр Иванович Яковлев[✉]

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Аннотация. В статье рассматривается проблема эволюции системы традиционных ценностей в эпоху коренных изменений общественного строя. Предложено рассмотрение ценностей разного уровня: формационных, принадлежащих определенному общественному строю и меняющихся со сменой строя, а также ценностей цивилизационных, более глубинных, порожденных в определенном религиозно-культурном пространстве и сохраняющихся в системе идеалов и норм поведения многих поколений.

Ценности отражают и выражают определенное состояние всего общества. Со сменой общественного строя путем формационной эволюции на Западе или путем «догоняющей модернизации» в незападных странах происходят перемены в системе ценностей как взаимосвязанном наборе идеалов, идей и норм. Традиционные ценности, как правило, отступают перед ценностями «сегодняшнего дня», порожденными в самом обществе или заимствованными извне. Возникают конфликты идентичности и самоидентичности личности и общества.

В первые десятилетия XXI в. в условиях начавшейся смены мирового порядка происходят выработка и поиски новых смыслов развития. Процессы глобализации (технологическая революция, глобальная миграция, потоки товаров и информации), а также стремление Запада сохранить господствующий порядок, в то время как незападные страны укрепляют свое значение в мировой системе, порождают в духовной жизни конфликты ценностей разного уровня. Однако не всякий цивилизационный вызов становится угрозой для традиционных ценностей. В незападных обществах происходит адаптация своей системы ценностей

к изменившимся условиям при сохранении верности идеалам и нормам своей культурно-религиозной традиции.

Ключевые слова: ценности, система ценностей, цивилизация, формация, традиция, кризис, конфликт ценностей, религия, культура, эпоха модерна

Для цитирования: Яковлев А.И. Эволюция систем ценностей в «эпоху больших перемен»: общие вызовы и проблемы // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 120-131, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-120-131](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-120-131)

Социологические науки

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-120-131](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-120-131)

Sociological Sciences

Evolution of Value Systems in the “Era of Great Changes”: General Challenges and Problems

Alexander I. Yakovlev[✉]

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Abstract. The article examines the evolution of the system of traditional values in the era of fundamental changes in the social system. Values of different levels are considered: formation, belonging to a certain social system and changing with the change of the system, as well as civilizational, deep values, generated in a certain religious and cultural space and preserved in the system of ideals and norms of behavior of many generations.

Values reflect and express a certain state of the whole society. With the change of the social system through formation evolution in the West or through “catch-up modernization” in non-Western countries, changes occur in the system of values as an interconnected set of ideals, ideas and norms. Traditional values, as a rule, retreat before the values of “today”, generated by society itself or borrowed from outside. Conflicts of identity and self-identity of the individual and society arise.

In the first decades of the 21st century, in the context of the beginning of the change of the world order, new meanings of development are being developed and sought. The processes of globalization (technological revolution, global migration, flows of goods and information), as well as the West's desire to maintain the dominant order, while non-Western countries strengthen their importance in the world system, give rise to conflicts of values at different levels. However, not every civilizational challenge becomes a threat to traditional values. In non-Western societies, there is an adaptation of their value system to changed conditions while maintaining fidelity to the ideals and norms of their cultural and religious tradition.

Keywords: values, value system, civilization, formation, tradition, crisis, conflict of values, religion, culture, Modern era

For citation: Yakovlev A.I. Evolution of Value Systems in the “Era of Great Changes”: General Challenges and Problems. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 120-131, [doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-120-131](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-120-131)

Введение

В первые десятилетия XXI в. стало очевидным, что мировая система переживает эпоху перехода в новое состояние, качество. Показатели такого нового качества видны, прежде всего, в сфере материальной и особенно в новой виртуальной сфере. Меньшее внимание привлекает сфера духовной жизни, внутренний мир людей и общества, в котором также с естественной неизбежностью проявляются явления переходности.

Между тем для человека как субъекта и объекта исторического процесса реальностью остается не только материальная жизнь, но и жизнь духовная, укорененная в цивилизационных основах. В ходе перемен в общественной жизни, естественно, возникают противоречия и даже конфликты между разного рода идеалами, идеями и интересами людей. Период мирового транзита высвечивает такого рода конфликты уже не на уровне личностей, а на уровне обществ и групп государств. Рассмотрение такого рода процессов общественного развития возможно в двойной системе координат: цивилизационной и формационной, рассматривающей общество как целокупный общественно-производственный организм.

Материалы и методы

Статья носит теоретический характер и построена на осмыслении эволюции содержания понятия «ценности» с использованием материалов текущей информации по странам Запада и арабского мира. Основными методами исследования являются компаративистский анализ посвященных ценностям концепций отечественных и зарубежных авторов. Эмпирической и информационной базой для исследования послужили опубликованные произведения русской и зарубежной общественно-исторической и философской мысли. Научная новизна исследования заключается в социально-философском анализе эволюции ценности как феномена в эпоху формационного перехода.

Ценности имеют различные измерения: традиционные и современные, восточные и западные, европейские и национальные или элитарные и массовые, народные и космополитические. В социологии не раз предпринимались попытки выстроить иерархию системы ценостей: гедонистические, этикетные, эстетические, нравственные или материалистические и «постматериалистические». В наступающую эпоху приходится задумываться о новых понятиях и новых критериях.

Ценности имеют и временное измерение, системы ценностей изменялись в отдельные исторические эпохи. Так, в Новое время, в период реализации «проекта Просвещения», в эпоху модерна в странах Запада, составлявших авангард мирового развития, происходило необратимое размывание традиционной (христианской) системы ценностей и вытеснение ее ценностями капиталистического модерна.

В период до эпохи модерна система ценностей выстраивалась в пространстве цивилизации на основе религии, но в эпоху модерна ценности возникают и видоизменяются в пространстве определенной культуры: национальной культуры (массовой или элитарной), космополитической массовой культуры потребительского общества или глобальной молодежной культуры Интернета, обретшей почти автономию.

Новым явлением стало влияние устойчивой глобальной и региональной миграции (маятниковой и постоянной) на распространение и сохранение национальных культурных норм, включающих и ценности. Заговорили о наступлении «эпохи кочевников», не привязанных к определенной «почве». В мире практически не осталось замкнутых обществ. Потоки людей, товаров, финансов и информации необратимо ведут к изменениям в системах ценностей отдельных обществ.

Ранее носителями ценностей были религия, семья, школа и книга. Ныне роль этих социально-культурных институтов неудержимо слабеет, если не исчезает. Пришло почти абсолютное господство Интернета. В то же время государство обладает возможностями и инструментами влияния на ценности и ценностные ориентации общества.

В эпоху формационного перехода в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли, наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями, противоречия ценностные, которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных. Но, по существу, все сводится к тому, что люди и общества руководствуются разными идеями и чувствами при принятии решений и в своей деятельности имеют перед собой несходные идеалы.

Результаты исследования

Цивилизация – это стабильная, этнодемографическая и социально-культурная общность, населяющая определенную территорию и обладающая в течение многих веков явно выраженным традиционными чертами и непреходящими во времени основами культуры и религиозной системы, мировосприятия и национальной психологии.

Формация – это особый, ограниченный во временном плане исторически определенный тип общества, обладающий совокупностью особых производительных сил, производственных отношений, политической системы, социальной организации и культуры.

В пространстве определенной цивилизации один формационный строй сменяется другим. Со сменой эпох меняются идеи и интересы людей, которые, однако, как правило, сохраняют верность определенным идеалам, возникающим на основе ценностей, порожденных в определенных цивилизациях.

Ценности – это опорные точки в деятельности и мировосприятии человека, общепринятые нормы и идеалы в самоидентификации человека и общества в кон-

крайнем пространстве и времени. Еще в 1902 г. С.Н.Булгаков в статье «Основные проблемы теории прогресса» указывал, что «человеку необходимо иметь целостное представление о мире... Словом, человек спрашивает и не может не спрашивать не только как, но что, почему и зачем» [1, с. 48]. Проблема смысла жизни определяется и решается определенным набором ценностей, который вырабатывают для себя как отдельная личность, так и общество в определенный исторический период.

Смена христианской системы ценностей на Западе

В современном мире около 500 лет назад обрела господство западная модель. Ее свойства и качества стали постепенно нормативными для незападных стран, вступавших на путь догоняющей модернизации по западной модели развития, альтернативы которой не виделось. Частью западной модели была и система ценностей, возникшая на основе античной культуры, христианства и римской государственности, позднее дополненная ценностями эпохи Реформации и эпохи Просвещения, а в XX в. также – эпохи потребительского общества.

Ценности всегда имеют человеческое измерение и не существуют безотносительно человеческого общества, образуя в пространственном измерении определенную взаимосвязанную систему. Ценности имеют и временное измерение, системы ценностей изменялись в отдельные исторические эпохи.

Так, на протяжении столетий произошло разделение единой христианской европейской цивилизации на западную (атлантическую) и восточную (православную), рубежами чего стали Великая схизма в 1054 г., захват и разграбление Константино-поля крестоносцами во время Четвертого крестового похода в 1204 г. и падение Константинополя под ударами османов в 1453 г., когда христианский Запад не пришел на помощь единоверцам. Постепенно сочетание политических событий и некоторых различий в церковной жизни сложилось в разные целеустремления. Немецкий философ Иоганн Гердер иронично писал в конце XVIII в., что на Востоке христианская идея «сбила с толку ум человеческий, – вместо того, чтобы жить на земле, люди учились ходить по воздуху... сами не ведая того, положили в основу Византийской христианской империи... религию монахов» [4, с. 499]. В свою очередь, на Западе, отмечал С.Рансимен, церковь оказалась хранительницей римских законов, видные ее деятели должны были стать юристами, а папа занял место императора [9, с. 22]. С одной стороны, особенности государственности и политические обстоятельства, а также церковные конфликты, с другой – разность интересов и устремлений в общественной жизни усиливали разделение Востока и Запада.

Логичным стал дальнейший ход трансформации христианской цивилизации на Западе, где малая окончность Европейского континента (Западная и Северная Европа) обрела новое качество. Перемены в жизни людей влекли за собой перемены в их мировоззрении. В Новое время, в период реализации «проекта Просвещения», в эпоху модерна в странах Запада, составлявших авангард мирового развития, происходило необратимое размывание традиционной (христианской) системы ценно-

стей и вытеснение ее ценностями капиталистического модерна. Один из идеологов Французской революции барон П.Гольбах в середине XVIII в. изложил рациональное мировоззрение материалистов своего времени, ожидавших осуществления «царства разума». При этом основой поведения человека атеист П.Гольбах считал его интерес, пользу. Такого рода утилитарное мировосприятие стало неотъемлемым элементом современной модели развития.

Великая Французская революция 1789 г. превратилась в учредительный символ Нового времени. Она (в сочетании с Американской революцией 1786 г.) означала не только разрыв с предыдущей эпохой и ее системой ценностей, но и возникновение целостного концепта политической культуры и политической системы; были созданы институциональные рамки для новой системы ценностей, идей и идеалов, норм морали и поведения на будущее. При этом новому строю понадобилось «редуцировать значение христианства ради выживания самой западной цивилизации, ради ее, так сказать, конкурентоспособности» [8, с. 22].

Конечно, старый порядок не был пассивен перед таким напором, он сопротивлялся. В начале XIX в. на Европейском континенте, оказавшемся в авангарде мирового развития, усиливаются неприятие рационализма и прагматизма, в религиозной жизни нарастают настроения мистицизма и пietизма. В социально-экономической жизни культура обладания (наживы и прибыли) еще уступает культуре общественной пользы, опирающейся на систему христианских ценностей. В живописи и литературе главенствует течение романтизма, в основе которого – воззванные идеалы.

Но, как бы то ни было, в XIX–XX вв. в странах Запада начинается и завершается переход от традиционной вертикальной системы ценностей, ориентированной на высшую абсолютную ценность – Бога, к горизонтальной системе ценностей, в которой нет иерархии, и духовные ценности там уравнены с профанными. Исчезло понятие священного, сакрального. Буржуазная система ценностей покончила с рядом старых идеалов: принцип справедливости был заменен принципом благотворительности, принцип общественной пользы был заменен на принцип блага отдельной личности. Впрочем, традиция не исчезла вовсе, она сжалась в терпимое маргинальное явление в пространстве нового строя модерна.

В XIX в. об этом писали Дж.Миль и А.И.Герцен. Русский философ был европейцем, он поначалу писал: «Европа нам нужна как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надо выдумать». Позднее он открыл, что на Западе «личности начинают стираться, пропадать в массах... все идет к посредственности, лица тянутся в толпе». «Мещанство – идеал, к которому стремится, подымается Европа со всех точек дна, – писал А.И.Герцен в 1862 г. – Это та “курица во щах”, о которой мечтал Генрих IV... Мещанство, последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности, – демократизация аристократии, аристократизация демократии... снизу все тянутся в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться. Соединенные Штаты представляют одно среднее состояние» [5, с. 271, 276, 354].

Смена систем ценностей, будучи отступлением в цивилизационном плане, стала грандиозным рывком в будущее в плане формационном. Запад, используя результаты эпохи Реформации с ее культом рациональности и эпохи Просвещения с ее убежденностью во всемогуществе человека, использовал плоды Промышленной революции и стал лидером мирового развития.

Конфликт ценностей в незападном мире

Незападные общества в попытках преодолеть свое отставание были вынуждены брать за образец западную модель развития, казавшуюся долгое время нормативной и универсальной. Между тем еще в начале XX в. М. Вебер указывал: «Первым противником, с которым пришлось столкнуться «духу» капитализма и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в «этическом» обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван традиционализмом», т.е. верностью привычной системе ценностей. Но, во-первых, наряду с западным существуют и иные типы рациональности (даосистско-конфуцианский, индуистско-буддийский) [2, с. 80]. А во-вторых, стремление к улучшению жизни людей (модернизация) влекло за собой перемену в отношении к привычному набору ценностей. Так, процесс эволюции систем ценностей охватывает все большее число обществ за пределами Запада. Идеалы потребительского общества усваиваются и на Востоке, по мере преодоления там отсталости и бедности.

По оптимистичному заявлению Ф. Фукуямы начала XXI в., Великий разрыв, произошедший на Западе с прежним укладом жизни и всем социальным строем ради возрастания «свободы и равенства – двух вещей, которые люди в современной демократии ценят больше всего» [10, с. 12], случится на Востоке. В незападных обществах «путь вперед обещает, по-видимому, постоянно растущий уровень дезорганизации и социальной атомизации, в то время как путь к отступлению нам отрезан» [10, с. 191].

Р. Инглхарт и К. Вельцель в своем анализе процессов модернизации указывали, что в незападных обществах «изменение ценностей... ведет к важным социально-политическим последствиям, ценности и убеждения эволюционируют в "предсказуемом направлении"» – «способствуя изменению сексуальных норм, гендерных ролей, семейных ценностей, религиозности, мотивации к труду, отношений между человеком и природой, общественной и политической активности людей» по лекалу «гуманистической культуры, делающей акцент на самовыражении», а, в свою очередь, «ценности самовыражения связаны с демократией теснее, чем любой другой фактор» [7, с. 10, 13, 15].

Названные тенденции были усилены на рубеже веков в условиях глобализации технологическим фактором. Современные технологии отличаются от технологий XX в. тем, что в определенной мере могут прямо влиять на мировоззрение и мировосприятие людей, заменяя традиционный менталитет современным, западным. Интернет оказался мощным «уравнителем» культуры в молодежной среде, продолжая процесс, начатый революцией 1968 г. Интернет унифицирует своеобразие на-

циональных культур и взамен насаждает космополитическое «молодежное единобразие» как новую норму. Молодежная культура порождает свои ценности, а также сокращает и упрощает культурное пространство традиций. Пространство Интернета в XXI в. стало не только полем битвы политических идей, но и пространством противостояния культур.

К чему это привело, всем известно. Былые системы ценностей – идеалов, идей и интересов заменены на набор «базовых интересов, нужд и страстей». «Западноземля рационализировал человека, – указывал А. А. Зиновьев. – Он исключил из его «внутреннего мира» все излишнее, всякий психологический хлам, идеиную запутанность, склонность к избыточной рефлексии, чрезмерную опосредованность между идеей и делом. Зато западноземля сделал человека более надежным для построения человеческих объединений огромного масштаба и с высоким уровнем социальной организации» [6, с. 305, 306, 355].

Английский историк Э. Хобсбаум, оценивая кризис, охвативший мировую капиталистическую систему к концу XX в., писал, что «еще более очевидным, чем кризис мировой экономики и мировой политики, явился социальный и нравственный кризис... Это был кризис убеждений и представлений, на которых строилось современное общество после того, как в начале девятнадцатого века модернистаторы выиграли свое знаменитое сражение против ретроградов – кризис рационалистических и гуманистических исходных предпосылок, разделляемых и либеральным капитализмом и коммунизмом... Однако нравственный кризис состоял не только в отрицании исходных посылок современной цивилизации, но также в разрушении исторически сложившихся структур построения человеческих отношений, унаследованных современным обществом от доиндустриального и докапиталистического общества, которые, как мы теперь можем видеть, создали условия для развития первого. Это был кризис не какой-то одной формы организации общества, но кризис всех ее форм» [11, с. 20-21].

Системы ценностей служат нормативами и регуляторами общественной жизни, политики власти и деятельности отдельной личности, служат основанием правовых норм, морали и нравственности общества, предлагают критерии идентификации и самоидентификации личности и общества. Поскольку западная социально-экономическая модель индустриального общества обрела качество нормативной для всех незападных стран, новая система ценностей к концу XX в. обрела признание нормативной, вытесняющей присущую традиционным обществам вертикальную систему ценностей из всех сфер общественной жизни.

Обсуждение результатов

В эпоху мирового транзита (формационного перехода) в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли, наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями, противоречия ценностные,

которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных противоречий, что было в конце XX в. отмечено С.Хантингтоном. Однако, по существу, все сводится к тому, что люди и общества руководствуются разными идеями и идеалами при принятии решений и в своей деятельности, хотя имеют перед собой сходные цели.

И деятельность людей определялась во многом той системой ценностей, которая устанавливалась в определенную эпоху (историческую формацию) и в определенной общности людей, которую можно определить как цивилизацию. Каждой цивилизации присуща определенная религиозная система, однако религия, являясь «стержнем» цивилизации, все же не полностью определяет ее качества и свойства. Религия тесно связана с «корневыми» ценностями цивилизации, и верность религиозным основам в дальнейшем влияет на степень верности общества системе традиционных ценностей.

В другом, материальном, измерении точно так же каждой новой формации были присущи не только особенные материальные параметры и характеристики, но и свой вариант системы ценностей, определяемый новыми условиями экономической и социальной жизни людей. На Западе капиталистическая формация к концу XX в. фактически не только отвергла христианскую систему ценностей, как устаревшую и не отвечающую реалиям современности, но и отказалась от идеалов эпохи Просвещения.

В то же время на рубеже XX–XXI вв. различные уровни системы ценностей меняются в разной степени, в них происходит фрагментация внутри каждого уровня. Низший, социальный уровень ценностей в наибольшей мере подвержен воздействию социально-экономических перемен, они определяют нормы поведения. Средний уровень, включающий ценности социально-политические и эстетические, в целом соответствует нормам господствующего общественного строя (формации), включая в себя и предшествующие нормы, этот уровень определяет идеи и идеалы деятельности человека. Высший, метафизический уровень (цивилизационный, корневой), выражающий духовную жизнь людей и общества в целом, также лишается былой целостности, содержит как фрагменты традиции (религиозной и этической), так и фрагменты возникшего релятивизма, атеизма и язычества. Им руководствуются, определяя смысл жизни, или отбрасывают его, не задаваясь такой непрактической проблемой. Показательна широко распространенная тенденция ухода от реального знания жизни и прошлого в виртуальный мир XXI в., в перспективе ведущая к социальной атомизации, распаду связей и самого человеческого общества.

ВЫВОДЫ

В процессе социально-экономического развития по западной модели современного индустриального общества происходило взаимодействие незападных обществ и Запада, вызвавшее к жизни как конфликты, так и изменения в существующих си-

стемах ценностей [12, с. 108, 220]. В международной жизни это привело к разного рода «диалогам цивилизаций» в попытках создания общей гуманистической платформы для преодоления общих проблем мирового транзита, а также глобальных вызовов современности (экология, терроризм, бедность и голод мирового Юга). Ведь не всякий вызов цивилизации и ее ценностям является угрозой, пока он не покушается на цивилизационную и культурную идентичность человека и общества.

Однако идущая в наши дни смена мирового порядка на новый порождает и проблему смены системы ценностей, определяющих цель и путь развития мира.

Но проблемы возникают и внутри отдельных незападных обществ. Эти изменения в общественной жизни можно обозначить в трех типах:

- отторжение западных (буржуазных, либеральных) ценностей, норм поведения и морали модерна, определяемое обыкновенно как традиционализм или фундаментализм (отторжение);
- принятие западных ценностей (буржуазных и либеральных) за счет умаления собственной ценностной системы, что вполне совпадает с представлением Запада о неизбежности торжества их либеральной культуры (синтез);
- сочетание элементов западных и собственных ценностей (социально-экономических и политических), что в понимании европейцев получило наименование мультикультурализма (симбиоз).

Решение названных проблем не может быть простым и однозначным. Об этом писал в середине XX в. Б.П.Вышеславцев, живший в США. По словам русского философа, «все творчество жизни, творчество истории состоит в непрестанном разрешении конфликта ценностей; мы всегда стоим перед альтернативой противоположных решений» [3, с. 126]. Каждое время имеет свой язык, необходимо его услышать и понять.

Важным, едва ли не принципиальным внутри пространства одной цивилизации видится необходимость диалога между прошлым и настоящим, опирающимся на историчность как на фундаментальное качество цивилизации, нашего человеческого бытия и мышления.

Список источников

1. Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 2 [Works in 2 volumes. Vol. 2]. М.: Наука, 1993. 752 с.
2. Вебер М. Избранное: образ общества [Selected Works: The Image of Society]. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 766 с.
3. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры [The Crisis of Industrial Culture]. М.: Астрель, 2006. 1040 с.
4. Гердер И.Г. Идеи к истории философии человечества [Ideas for the History of the Philosophy of Mankind]. М.: Наука, 1977. 703 с.
5. Герцен А.И. Сочинения в 2 т. Т. 2 [Works in 2 volumes. Vol. 2]. М.: Мысль, 1986. 652 с.
6. Зиновьев А. Запад. Феномен западизма [The West. The Phenomenon of Westernism]. М.: Центрполиграф, 1995. 460 с.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия [Modernization, Cultural Change, and Democracy]. М.: Новое издательство, 2011. 462 с.
8. Кантор М. Стратегия Левиафана [The Strategy of Leviathan]. М.: ACT, 2014. 540 с.
9. Рансимен С. Восточная схизма: Византийская теократия [The Eastern Schism. The Byzantine Theocracy]. М.: Наука, Восточная литература, 1998. 238 с.

10. Фукуяма Ф. Великий разрыв [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]. М.: ACT, 2003. 476 с.
11. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991) [Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991]. М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
12. Яковлев А.И. Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного [Countries of the East in the Era of Globalization: Synthesis of the Traditional and the Modern]. М.: Институт стран Востока, 2015. 392 с.
13. Яковлев А.И. Ценности и ценностные ориентиры на фоне смены эпох [Values and Value Orientations against the Background of the Change of Epochs] // Религия и общество на Востоке. 2022. № 6. С. 21–48. <https://doi.org/10.31696/2542-1530-2022-6-21-48>.

Информация об авторе

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович. Доктор исторических наук. Профессор. Главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>. Адрес: Российская Федерация, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12. aliv_yak@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 26 июня 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bulgakov S.N. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1993:752 [In Russian].
2. Weber M. Selected Works: The Image of Society. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2013:766 [In Russian].
3. Vysheslavtsev B.P. The Crisis of Industrial Culture. Moscow: Astrel, 2006:1040 [In Russian].
4. Herder I.G. Ideas for the History of the Philosophy of Mankind. Moscow: Nauka, 1977:703 [In Russian].
5. Herzen A.I. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1986:652 [In Russian].
6. Zinoviev A. The West. The Phenomenon of Westernism. Moscow: Tsentrpoligraf, 1995:460 [In Russian].
7. Inglehart R., Welzel K. Modernization, Cultural Change, and Democracy. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2011:462 [In Russian].
8. Kantor M. The Strategy of Leviathan. Moscow: AST, 2014:540 [In Russian].
9. Runciman S. The Eastern Schism: Byzantine Theocracy. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1998:238 [In Russian].
10. Fukuyama F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. Moscow: AST, 2003:476 [In Russian].
11. Hobsbawm E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. Moscow, Nezavisimaya Gazeta, 2004:632 [In Russian].

12. Yakovlev A.I. Countries of the East in the Era of Globalization: Synthesis of the Traditional and the Modern. Moscow, Institute of Oriental Countries, 2015:392 [In Russian].
13. Yakovlev A.I. Values and Value Orientations against the Background of the Change of Epochs. Religiya i obshchestvo na Vostoke [Religion and Society in the East]. 2022; 6:21–48 [In Russian]. <https://doi.org/10.31696/2542-1530-2022-6-21-48>.

About the author

Alexander I. YAKOVLEV. DSc. (Hist.). Professor. Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>. Address: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation, aliv_yak@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 6, 2024. Approved after peer review: June 26, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Интеграционные проекты и институциональные матрицы

Павел Александрович Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Белоруссия
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация. В настоящей работе автор, базируясь на институциональном подходе, осуществил попытку дать ответ на вопрос о причинах формирования в регионе того или другого порядка. Показана связь регионального порядка и регионального регулирования с типом институциональных матриц интегрирующихся стран. Установлено, что при интеграции общественных систем с целью смягчения возможных институциональных дисбалансов действуют институты, комплементарные к доминирующему в институциональной матрице: при интеграции X-матричных стран – рыночные, и наоборот. К числу факторов, блокирующих регионализм в интеграционных проектах, включающих страны с институциональными матрицами одинакового типа, относятся: наличие одного ярко выраженного гегемона и его поддержка наднациональных органов регулирования, а также присутствие в регионе федеративных, а не унитарных государств. Установлено, что для стран с различными типами институциональной матрицы возможно сближение (например, сотрудничество в сфере безопасности либо участие в зоне свободной торговли), однако интеграция в данном случае будет ограничиваться лишь отдельными сферами, имеющими исключительное значение для общественных систем, при превалировании процессов регионализации (интеграции «снизу» без создания каких-либо значимых и эффективных наднациональных органов). Факторами, препятствующими развитию как регионализма, так и регионализации в регионе, являются усиливающиеся политические разногласия между странами, поляризация по религиозному признаку, проявления национализма и расизма.

Ключевые слова: институциональный подход, институциональная матрица, общественная система, интеграция, регионализм, регионализация

Для цитирования: Барахвостов П.А. Интеграционные проекты и институциональные матрицы // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 132-141, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-132-141](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-132-141)

Integration Projects and Institutional Matrices

Pavel A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. In this paper, an attempt is made to understand the reasons for the formation of a particular order in a region based on the institutional approach. The connection between regional order and regional regulation with the type of institutional matrices of integrating countries is shown. It is established that when integrating social systems in order to mitigate possible institutional imbalances, institutions complementary to those dominant in the institutional matrix are used: when integrating X-matrix countries – market institutions and vice versa. The factors blocking regionalism in integration projects involving countries with institutional matrices of the same type include: the presence of one clearly expressed hegemon and its support of supranational regulatory bodies, the presence of federal rather than unitary states in the region. It has been established that for countries with different types of institutional matrix, convergence is possible (for example, cooperation in the security sphere, participation in the Free Trade Zone), but integration in this case will be limited to only certain areas that are of exceptional importance for social systems, with the prevalence of regionalization processes (integration “from below” without the creation of any significant and effective supranational bodies). Factors that hinder the development of both regionalism and regionalization are increasing political differences between countries, polarization along religious lines, manifestations of nationalism and racism.

Keywords: institutional approach, institutional matrix, social system, integration, regionalism, regionalization

For citation: Barakhvostov P.A. Integration Projects and Institutional Matrices. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 132-141, [doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-132-141](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-132-141)

Введение

Особенностью развития человеческой цивилизации является сочетание двух трендов: интеграции и дифференциации. В основе последней – вычленение из мирового сообщества отдельных регионов, понимаемых как социальный конструкт, «основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (экономический, исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный)» [5, с. 16]. Образование регионов – разворачивающийся поверх национального процесс [8, р. 68], который может осуществляться на основе регионализма либо регионализации.

Регионализм есть интеграция «сверху», предполагающая создание национальными государствами наднациональных институтов, которые наделяются определенными функциями и которым, соответственно, передается часть суверенитета. Кроме того, выделяют процесс регионализации (интеграции «снизу»), подразумевающий возрастание экономических, политических и социокультурных связей между общественными системами, осуществляемый за счет взаимодействия негосударственных акторов. Реализация определенной комбинации регионализма и регионализации определяет так называемый региональный порядок [21]. Его неотъемлемой частью является региональное регулирование – способ социальной координации для выработки в пределах региона обязательных норм в одной или нескольких проблемных областях. Различают два типа регионального регулирования: иерархическое и неиерархическое. Первый из них предполагает принятие надгосударственными институтами решений для исполнения на уровне национальных государств («сверху – вниз»). Второй подразумевает принятие решений «снизу – вверх» – на основании достижения консенсуса в результате переговоров, и решения зачастую носят рекомендательный характер.

Проблема объяснения типологии региональных порядков (и видов регионального регулирования) достаточно широко исследуется в рамках функционализма [10], социального конструктивизма [12], геополитического подхода [19] и т.д. Однако до настоящего времени не дано удовлетворительного объяснения их особенностей для различных регионов мира. В данной работе осуществлена попытка решения этой проблемы в рамках институционального подхода, дополненного теорией институциональных матриц.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на сопряжении двух идей: представления структурных функционалистов об обществе как о целостном интегрированном образовании (Т.Парсонс), в котором взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы (экономическая, политическая, социокультурная) равнозначны (И.Валлерстайн), и положение институционалистов о том, что регулирование всей системы осуществляется посредством сложной структуры институтов, понимаемых в самом широком смысле – как устойчивые модели взаимодействия в социуме, определенные способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума [2], «правила игры», которые структурируют социальное действие [18]. В данной структуре можно выделить экономические, политические и социокультурные базовые институты, образующие институциональную матрицу (ИМ). Различают два типа базовых институтов (редистрибутивные и рыночные), существующих в ИМ на условиях доминантности – комплементарности. К базовым редистрибутивным институтам относятся, в частности, общественная собственность, отношения редистрибуции, иерархическая вертикаль власти, коммунитарное ми-

ровоззрение (осознание приоритетности прав и интересов «Мы» над «Я») [3]. Базовые рыночные институты: частная собственность, купля-продажа как институт обмена, конкуренция; самоуправление и субсидиарность; индивидуалистская идеология, выражающая доминирование «Я» над «Мы» [3]. Доминантные институты определяют сущностные характеристики общественной системы, в частности, роль государства в координации социальных действий. Комплементарные институты необходимы для обеспечения устойчивости институциональной матрицы, предотвращения возможных институциональных дисбалансов. Институциональная матрица с доминированием редистрибутивных институтов называется матрицей X-типа (незападного), рыночного – Y-типа (западного) [3]. Тип институциональной матрицы оказывается связанным с занимаемым социальной системой географическим пространством [4, 11, 13].

Вышеприведенные положения использованы далее для анализа особенностей региональных порядков (регионального регулирования).

Результаты исследования

Замечено, что региональные порядки в Европе и Азии существенно отличаются [1, 6, 15, 20]: если в первом случае (интеграция стран с институциональными матрицами Y-типа) значительное место занимает регионализм, как это имеет место в случае Европейского союза, во втором (преимущественно интеграция стран X-типа) – регионализация.

Кроме того, регионализация является ключевым механизмом интеграции в регионах, включающих страны с различным типом институциональных матриц. Регионализм блокируется в регионах, являющихся ареной конкурентной борьбы за гегемонию держав с различным типом институциональных матриц, что имеет место, например, для случая Азиатско-Тихоокеанского региона [5]. При этом на первый план выносятся экономические интересы и цели интеграции, а сам интеграционный процесс осуществляется не между национальными государствами, а между их экономиками.

Кроме того, существенно отличается и региональное регулирование в различных регионах мира, в частности на Западе и Востоке. Иерархический тип регулирования, как правило, преобладает в регионах, объединяющих страны с Y-матрицей, неиерархический характерен для регионов стран с X-матрицей либо объединяющих страны с различным типом ИМ. Институты регионального регулирования в последнем случае не являются столь жесткими, как в ЕС. Их основу составляют неформальные средства укрепления доверия, двусторонние, многосторонние встречи лидеров стран, двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле и по вопросам безопасности, консенсус (в отличие от большинства голосов) принятия решений и необязательность их исполнения. Данная особенность получила название «самоблокирующаяся многосторонность» [14, р. 116], «постоянная недоин-

ституционализация» [9, р. 330]. Неиерархический тип регионального регулирования тесно связан с принципом «открытого регионализма», что подразумевает возможность участвовать в различных интеграционных проектах.

Обсуждение результатов

Страны с институциональной матрицей X-типа обладают сильным государством с характерной иерархической системой власти, которые при интеграции не нуждаются в чьем-либо координирующем действии: государство стран-участниц проекта само берет на себя эту функцию. Это приводит к тому, что объединение осуществляется «снизу» (на уровне негосударственных акторов), и главным механизмом интеграции является регионализация, в основе которой – воздействование рыночных (комплементарных) институтов, выполняющих компенсаторную функцию в институциональных матрицах стран-участниц союза. Акцент в интеграционных процессах осуществляется на экономическом взаимодействии, которое реализуется посредством экономических рыночных институтов. Примером такого региона является арабский мир. Несмотря на высокую степень культурной, религиозной однородности, общий язык и даже общую идентичность, сильные наднациональные организации с иерархическим типом регионального регулирования создать здесь не удалось. Существующие региональные организации являются чисто церемониальными, символическими [17, 22]. Феномен spillover (плавный переход от регионализации к регионализму) блокируется институциональными матрицами стран региона.

Существует ряд особенностей интеграции стран, явившихся ранее субъектами одного государства и вследствие этого обладающих историко-культурной близостью участников, сходством их административных и правовых систем, множеством подобных социальных практик. Данная ситуация характерна, например, для евразийского интеграционного проекта. В этом случае тип регионального регулирования существенно зависит от наличия гегемона и уровня его поддержки наднациональных институтов. Тем не менее, как правило, доминирующим механизмом интеграции является регионализация с акцентом на экономическое взаимодействие с консенсусным принципом принятия решений и нестрогой обязательностью их исполнения. Наличие ярко выраженного гегемона (для ЕАЭС – России) блокирует развитие регионализма.

Страны Y-матричного типа, построение властных отношений в которых осуществляется по принципу децентрализации (с развитым самоуправлением и субсидиарностью), при объединении нуждаются в некоей координирующей, направляющей силе, как это имело место, например, в случае ЕС. Это обуславливает превалирование при интеграции механизма регионализма, в основе которого – использование институтов редистрибутивного типа (комплементарных в институциональных матрицах стран-участниц проекта), как и в предыдущем случае,

выполняющих компенсаторную функцию с целью смягчения институциональных дисбалансов.

Отметим, что, как и в случае X-матричных стран, наличие одного ярко выраженного гегемона и отсутствие его поддержки наднациональных органов блокируют развитие регионализма, что можно наблюдать в Северной Америке, где безусловным лидером являются США. Соединенные Штаты, обладающие чрезвычайно высокой плотностью Y-матрицы (редистрибутивные институты здесь слабы), стремятся распространить принципы организации своей общественной системы вовне и не поддерживают идею о необходимости создания сильных наднациональных органов, деятельность которых предполагает бюрократическое вмешательство «сверху – вниз» в экономику и политику. Кроме того, сдерживающим фактором для регионализма является присутствие в регионе федеративных, а не унитарных государств, что усложняет гармонизацию регулирования. Вследствие указанных факторов доминирующим механизмом интеграции в Северной Америке является регионализация, основой которой являются бизнес-сети.

Для стран с различными типами институциональной матрицы возможно сближение (например, сотрудничество в сфере безопасности либо участие в зоне свободной торговли), однако интеграция в данном случае будет ограничиваться лишь отдельными сферами, имеющими исключительное значение для общественных систем, при превалировании процессов регионализации (интеграции «снизу» без создания каких-нибудь значимых и эффективных наднациональных органов). Подобные явления имеют место, например, в Азии, где находятся крупные державы с X-матрицей (Китай), ИМ гибридного типа (Япония, Южная Корея) и наблюдается сильное влияние США (страны с Y-матрицей). Для Азии характерны ограниченная формальная институционализация и контраст между высоким уровнем регионализации и низким уровнем регионализма, относительная слабость наднациональных институтов, необязательность выполнения соглашений, которые принимаются на основе консенсуса [16, с. 229]. На первый план интеграционных процессов выносится экономическая интеграция, основу которой составляют региональные производственные сети, трансплантированные из Японии.

При расширении интеграционных проектов вследствие увеличения количества акторов, усиления неоднородности альянса, усложнения процедуры принятия решений имеет место снижение уровня регионализма, наднациональные структуры становятся более «рыхлыми» и менее эффективными. Подобное явление можно ожидать в случае объединения евразийского интеграционного проекта и проекта «Один пояс – один путь».

Отметим, что сдерживающими факторами для развития как регионализма, так и регионализации в регионе являются усиливающиеся политические разногласия между странами, поляризация по религиозному признаку, проявления национализма и расизма.

ВЫВОДЫ

Таким образом, показано, что при интеграции общественных систем с целью смягчения возможных институциональных дисбалансов задействуются институты, комплементарные к доминирующему в институциональной матрице: при интеграции X-матричных стран – рыночные, и наоборот. К числу факторов, блокирующих регионализм в интеграционных проектах, включающих страны с одним типом институциональных матриц, относятся: наличие одного ярко выраженного гегемона и его поддержки наднациональных органов регулирования, присутствие в регионе федеративных, а не унитарных государств. Установлено, что для стран с различными типами институциональной матрицы возможно сближение (например, сотрудничество в сфере безопасности либо участие в зоне свободной торговли), однако интеграция в данном случае будет ограничиваться лишь отдельными сферами, имеющими исключительное значение для общественных систем, при превалировании процессов регионализации (интеграции «снизу» без создания каких-либо значимых и эффективных наднациональных органов). Факторами, препятствующими развитию как регионализма, так и регионализации в регионе, являются усиливающиеся политические разногласия между странами, поляризация по религиозному признаку, проявления национализма и расизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии [Comparative integration. Practices and models of integration in foreign Europe and Pacific Asia]. М.: Аспект Пресс, 2012.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Sociology. Its subject, method, purpose]. М.: Канон, 1995.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory]. СПб., Нестор-История, 2014.
4. Кирдина С.Г. Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике [The role of institutions and geography in economic development: current controversy in heterodox economics] // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 133–150. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.133–150>.
5. Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века [Global region as an element of the world political system of the 21st century] // Сравнительная политика. 2015. № 2(19). С. 16–21.
6. Либман А.М. «Интеграция снизу» в Центральной Азии [“Integration from below” in Central Asia] // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 1. С. 6–26.
7. Acharya A. Whose Ideas Matter? Agency and Power in Asian Regionalism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2010.tb02069>.
8. Ballinger P., Brunswick M. Beyond the “New” Regional Question? Regions, Territoriality, and the Space of Anthropology in Southeastern Europe // Regions, Regional Identity and Regionalism in Southeastern Europe / ed. K.Roth, U.Brunnbaer. Ethnologia Balkanica. 2007. Vol. 11. P. 59–79.
9. Beeson M. Asymmetrical Regionalism: China, Southeast Asia and Uneven Development // East Asia. 2010. Vol. 27. No. 4. P. 329–343. <https://doi.org/10.1007/s12140-010-9121-0>.
10. Flockhart T. The Liberal International Order and Peaceful Change: Spillover and the Importance of Values, Visions, and Passions // Ethics & International Affairs. 2020. Vol. 34. No. 4. P. 521–533.

11. Gallup J.L., Sachs J., Mellinger A. Geography and Economic Development // International Regional Science Review. 1999. Vol. 22. P. 179–232. <https://doi.org/10.3386/w6849>.
12. Ghica L.A. Beyond Regional Integration? Social Constructivism, Regional Cohesiveness and the Regionalism Puzzle // Studia Politica. Romanian Political Science Review. 2013. Vol. 13. No. 4. P. 733–752.
13. Hausmann R., Pritchett L., Rodrik D. Growth accelerations // Journal of Economic Growth. 2005. Vol. 10. No. 4. P. 303–329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>.
14. Katzenstein P., Okawara N. Japan and Asian-Pacific Security // Rethinking Security in East Asia: Identity, Power, and Efficiency / J.J.Suh, P.Katzenstein, and A.Carlson (eds.). Stanford, CA: Stanford University Press, 2004. P. 97–130. <https://doi.org/10.1162/016228801753399754>.
15. Katzenstein P.J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005. <https://doi.org/10.7591/9781501700385>.
16. MacIntyre A., Ravenhill J. The Future of Asian regional institutions // Integrating Regions: Asia in Comparative Context / M.Kahler and A.MacIntyre (eds.). Stanford, CA: Stanford University Press, 2013. P. 245–266.
17. Murden S.W. The Secondary Institutions of the Middle Eastern Regional Interstate Society // International Society and the Middle East: English School Theory at the Regional Level / B.Buzan and A.Gonzalez-Pelaez (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 117–139.
18. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>.
19. Orford A. Regional Orders, Geopolitics, and the Future of International Law // Current Legal Problems. 2021. Vol. 74. No. 1. P. 149–194.
20. Pomfret R. Different Paths to Economic Integration in Europe and Asia // ADBI Working Paper 1063. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2019. Available: <https://www.adb.org/publications/different-paths-economic-integration-europe-and-asia>.
21. Solingen E. Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.
22. Tripp C. Regional Organizations in the Arab Middle East // Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order / Fawcett and A.Hurrell (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 283–308.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: Белоруссия, 220070, г. Минск, Партизанский проспект, 26. barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 27 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baikov A.A. Comparative integration. Practices and models of integration in foreign Europe and Pacific Asia. Moscow: Aspect Press, 2012 [In Russian].
2. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. Moscow, Kanon, 1995 [In Russian].
3. Kirdina S.G. Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory. Saint-Petersburg: Nestor-Istoria, 2014 [In Russian].
4. Kirdina S.G. The role of institutions and geography in economic development: current controversy in heterodox economics. *Spatial Economics*, 2016; 3:133–150 [In Russian]. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.133–150>.
5. Lagutina M.L. Global region as an element of the world political system of the 21st century. *Comparative politics*. 2015; 2(19):16–21 [In Russian].
6. Libman A. M. "Integration from below" in Central Asia. *Journal of Eurasian Economic Integration*, 2009; 1:006–026 [In Russian].
7. Acharya A. Whose Ideas Matter? Agency and Power in Asian Regionalism. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2009 [In English]. <https://doi.org/10.1002/j.1538-165X.2010.tb02069>.
8. Ballinger P., Brunswick M. Beyond the "New" Regional Question? Regions, Territoriality, and the Space of Anthropology in Southeastern Europe. *Regions, Regional Identity and Regionalism in Southeastern Europe*. U. Brunnbaer *Ethnologia Balkanica*. 2007; 11:59–79 [In English].
9. Beeson M. Asymmetrical Regionalism: China, Southeast Asia and Uneven Development. *East Asia*, 2010; 27(4):329–343 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s12140-010-9121-0>.
10. Flockhart T. The Liberal International Order and Peaceful Change: Spillover and the Importance of Values, Visions, and Passions. *Ethics & International Affairs*. 2020; 34(4):521–533 [In English].
11. Gallup J.L., Sachs J., Mellinger A. Geography and Economic Development. *International Regional Science Review*. 1999; 22:179–232 [In English]. <https://doi.org/10.3386/w6849>.
12. Ghica L.A. Beyond Regional Integration? Social Constructivism, Regional Cohesiveness and the Regionalism Puzzle. *Studia Politica. Romanian Political Science Review*. 2013; 13(4): 733–752 [In English].
13. Hausmann R., Pritchett L., Rodrik D. Growth accelerations. *Journal of Economic Growth*. 2005; 10(4):303–329 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>.
14. Katzenstein P., Okawara N. Japan and Asian-Pacific Security. *Rethinking Security in East Asia: Identity, Power, and Efficiency*. J.J.Suh, P.Katzenstein, and A.Carlson (eds.). Stanford, CA: Stanford University Press, 2004:97–130 [In English]. <https://doi.org/10.1162/016228801753399754>.
15. Katzenstein P.J. A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005 [In English]. <https://doi.org/10.7591/9781501700385>.
16. MacIntyre A., Ravenhill J. The Future of Asian regional institutions. *Integrating Regions: Asia in Comparative Context*, M Kahler and A.MacIntyre (eds.). Stanford, CA: Stanford University Press, 2013:245–266 [In English].
17. Murden S.W. The Secondary Institutions of the Middle Eastern Regional Interstate Society. *International Society and the Middle East: English School Theory at the Regional Level*, B. Buzan and A. Gonzalez-Pelaez (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009:117–139 [In English].
18. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, Cambridge University Press, 1990 [In English]. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>.
19. Orford A. Regional Orders, Geopolitics, and the Future of International Law. *Current Legal Problems*, 2021; 74 (1):149–194 [In English].
20. Pomfret R. Different Paths to Economic Integration in Europe and Asia. *ADBI Working Paper 1063*. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2019 [In English]. Available: <https://www.adb.org/publications/different-paths-economic-integration-europe-and-asia>.
21. Solingen E. Regional Order at Century's Dawn: Global and Domestic Influences and Grand Strategy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998 [In English].
22. Tripp C. Regional Organizations in the Arab Middle East. *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Fawcett and A.Hurrell (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995:283–308 [In English].

About the author

Pavel A. BARAKHVESTOV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 25, 2024. Approved after peer review: July 27, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

УДК 316.752.4

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-142-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-142-159)

Социологические науки

Подготовка специалистов в сфере искусственного интеллекта в университетах России и стран Центральной Азии: позиции в рейтингах и возможности сотрудничества

Сергей Евгеньевич Жуликов^{1a}, Ольга Валентиновна Жуликова^{2b}

^{1,2} Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина, Тамбов, Россия

^a ssergiuss@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>

^b oltamb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>

Аннотация. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в экономике, увеличение его доли в реальном секторе и ускорение цифровой трансформации требует большого количества специалистов в этой области. Со стороны государства рассматриваются возможности и перспективы новых технологий, регулируются проблемы применения, безопасности, сотрудничества и т.п. Однако все эти вопросы имеют значение при наличии специалистов, которые смогут разрабатывать, внедрять, адаптировать, совершенствовать технологии искусственного интеллекта. И не меньше нужны специалисты, которые могут научить пользоваться ИИ, работать в средах ИИ, применять ИИ в профессиональной сфере и повседневной жизни. Несмотря на то, что Россия не является мировым лидером в данной сфере (согласно данным рейтингов), но, имея

хорошую технологическую исследовательскую базу в виде исторически сложившегося физико-математического фундаментального образования и сильных программистских школ, может стать надежным партнером и платформой для создания и развития собственных центров подготовки специалистов в сфере ИИ в странах Центральной Азии на базе вузов, с которыми у России налажены тесные связи.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, искусственный интеллект, высшее образование, рейтинг, сотрудничество

Для цитирования: Жуликов С.Е., Жуликова О.В. Подготовка специалистов в сфере искусственного интеллекта в университетах России и стран Центральной Азии: позиции в рейтингах и возможности сотрудничества // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 142-159, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-142-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-142-159)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-142-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-142-159)

Sociological Sciences

Training Specialists in the Field of Artificial Intelligence at Russia and Central Asian Countries Universities: Ranking Positions and Cooperation Opportunities

Sergey E. Zhulikov^{1a}, Olga V. Zhulikova^{2b}

^{1,2} Tambov State University named after G.R.Derzhavin, Tambov, Russia

^a ssergiuss@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>

^b oltamb@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>

Abstract. The introduction of artificial intelligence in the economy, increasing its share in the real sector of the economy and accelerating digital transformation require a large number of specialists in this field. States consider the possibilities and prospects of new technologies, regulate issues of their application, security, cooperation, etc. However, all this is important if there are specialists who can develop, implement, adapt, and improve artificial intelligence technologies. No less needed are specialists who will teach how to use AI, work in AI environments, apply AI in the professional sphere and everyday life. Although Russia is not a world leader in this field (according to ratings), but having a good technological research base due to the historically high level of fundamental physics and mathematics education and strong programming schools, it can become a reliable partner and platform for the creation and development of its own centers for training specialists in the field of AI in the countries of Central Asia based on universities with which Russia has established close ties.

Keywords: Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, artificial intelligence, higher education, rating, cooperation

For citation: Zhulikov S.E., Zhulikova O.V. Training Specialists in the Field of Artificial Intelligence at Russia and Central Asian Countries Universities: Ranking Positions and Cooperation Opportunities. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 142-159. doi. org/10.53658/RW2024-4-3(13)-142-159

Введение

С развитием технологий и компьютеров в сегодняшнюю эпоху область искусственного интеллекта стала более востребованной во всем мире. Наличие образования в области искусственного интеллекта открывает множество возможностей для трудоустройства и карьеры.

Российская Федерация имеет ряд преимуществ, связанных с российской системой образования, которые позволяют говорить о высоком потенциале подготовки специалистов в области искусственного интеллекта (ИИ). К таким преимуществам можно отнести исторически сильные физико-математические и программистские школы, фундаментальное базовое образование в средней школе, существование уникальной системы поиска и отбора одаренных детей через математические школы, кружки, олимпиады [2]. В исследовании Global Skills Index 2020, проведенном Coursera, Россия заняла 1-е место в мире (среди 60 стран) по уровню технологических компетенций, первое же по уровню навыков в сфере Data Science¹. Особая роль в этих процессах принадлежит российским университетам, которые ведут образовательную деятельность по подготовке высококвалифицированных кадров в области технологий ИИ.

В большинстве стран мира разработаны и утверждены правительственные и межправительственные стратегии и инициативы, направленные на развитие искусственного интеллекта.

Материалы и методы

Область искусственного интеллекта за последние несколько десятилетий выросла в геометрической прогрессии, что сделало ее одной из самых захватывающих и влиятельных областей изучения сегодня. Вместе с тем в России крайне малое количество научных работ и, в частности, защищенных диссертационных исследований по проблемам профессиональной подготовки кадров непосредственно в области ИИ. Примером могут служить работы К.В.Розова [5], М.Х.Бадмаевой [1]. В работе Ю.В.Фролова, Т.М.Босенко [9] анализируются статистические данные о подготовке специалистов, обладающих необходимыми компетенциями для работы в условиях цифровизации экономики, и предлагаются индексы, описывающие процессы кадрового обеспечения цифровой трансформации экономики в России. Основные вызовы цифровой экономики в сфере подготовки кадров, связанные с определением ключевых компетенций цифровой экономики, пре-

¹ Россия заняла первые места в Global Skills Index 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/19/834908-rossiya-global-skills>.

одолением разрыва между системой образования и рынком труда, рассматриваются в исследовании А.А.Гибадуллина и А.В.Карагодина [3]. Мониторинг подготовки кадров для цифровой экономики также ведется в ежегодных статистических сборниках НИУ ВШЭ, посвященных основным аспектам развития цифровой экономики в России [4]. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ в 2024 г. представил серию регулярных информационно-аналитических материалов на основе специализированных обследований по изучению трендов, направлений и факторов развития и распространения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в России и мире. Опубликованы результаты сплошного обследования 1100 вузов и их филиалов, проведенного ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в 2023 г. в рамках мероприятия «Мониторинг создания и результатов применения технологий искусственного интеллекта в целях оценки уровня внедрения указанных технологий в отраслях экономики и социальной сферы»² федерального проекта «Искусственный интеллект» при поддержке Минэкономразвития России.

Среди материалов использованы нормативные акты России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. А также результаты рейтингов EduRank.org и Альянса в сфере искусственного интеллекта.

Методологическую основу исследования составляет структурно-функциональный подход, согласно которому система состоит из структурных и функциональных компонентов, каждый структурный элемент вносит вклад в достижение цели, т.е. имеет функциональное назначение (нормативно-правовая база; востребованность со стороны экономики; наличие образовательных программ и экспертов; статистические данные и данные рейтингов вузов и т.п.). Методы исследования: анализ нормативных документов и публикаций, рейтингов университетов, посвященных подготовке специалистов ИИ.

Результаты исследования

Дискуссия о необходимости всемирного регулирования искусственного интеллекта набирает обороты, учитывая, что за последний год ИИ стал ключевым инструментом для миллионов людей. С ростом числа организаций, применяющих ИИ в различных областях, включая медицину, политику и судебные решения, актуальным становится вопрос о том, как интегрировать ИИ в законодательство.

Государственно-правовое регулирование в области ИИ

В 2019 г. Президент РФ Владимир Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.³ Федеральный проект «Ис-

² Искусственный интеллект // Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/938098220.pdf>.

³ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации // Гарант.ру: Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/>.

кусственный интеллект» стал основным инструментом реализации Национальной стратегии развития ИИ⁴. Федеральным проектом предусмотрен пакет мер, направленный на поддержку компаний-разработчиков ИИ-решений и поддержку апробации таких решений на российских предприятиях, повышение кадрового обеспечения, развитие системы науки и образования, формирование инфраструктуры для благоприятного развития отечественного искусственного интеллекта. Большое внимание в рамках данного проекта уделяется образованию – развитию специализированных направлений бакалавриата и магистратуры, качественной подготовке большого количества специалистов данной сферы⁵.

Государственно-правовое регулирование в области ИИ в странах Центральной Азии на уровне национальных стратегий уже определило приоритеты развития. Ряд законодательных инициатив правительства стран Центральной Азии были посвящены развитию инфраструктуры ИКТ, инновациям и цифровизации секторов экономики⁶.

В 2017 г. Правительство Республики Казахстан приняло Постановление № 827 от 12 декабря 2017 г. «Об утверждении Государственной программы “Цифровой Казахстан”». В ряде положений этого Постановления указаны приоритеты развития искусственного интеллекта до 2030 г. В настоящее время в ряде стратегических документов, таких как Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 г. и Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 гг., определены некоторые задачи и мероприятия по направлению искусственного интеллекта⁷. По данным Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, в той или иной степени 24 вуза и научных центра занимаются какими-либо исследованиями или разработками в сфере искусственного интеллекта. Зарождаются сообщества специалистов машинного обучения и искусственного интеллекта. ИТ-школы и вузы включают в обучающие программы модули по искусственному интеллекту. Четыре вуза обладают подходящим оборудованием для обработки большого количества данных и обучения алгоритмам глубокого изучения: Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Казахский национальный университет имени аль-Фарabi, Казахский национальный исследовательский технический университет имени К.И.Сатпаева, Назарбаев университет. При этом три вуза заявляют о неполной загрузке вычислительных мощностей, а один вуз – о недостатке. Два университета видят необходимость в модернизации оборудования.

4 Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (приложение № 3 к протоколу Президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17). URL: https://ac.gov.ru/uploads/_Projects/AI_otbor/Passport.pdf.

5 Борьба за ИИ-кадры: сложности поиска специалистов в России // ICT. Moscow. 2021. 26 ноября. URL: <https://ict.moscow/news/ai-talents/>.

6 Artificial Intelligence in Central Asia: Applications and Regulation // The Times of Central Asia. 23.02.2024. URL: <https://timesca.com/artificial-intelligence-in-central-asia-applications-and-regulation/>.

7 Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/documents/details/606493?lang=ru>.

14 декабря 2018 г. Решением Совета Безопасности Кыргызской Республики № 2 была утверждена Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023». Основной целью Концепции является формирование открытого цифрового общества, переход к цифровому управлению, обеспечение цифровых условий для граждан при взаимодействии с государственными органами и органами местного самоуправления, обеспечение прозрачности, снижение бюрократии и коррупции в государственных органах⁸. Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики был анонсирован в конце 2022 г. и представлен (обнародован) для публичного обсуждения на Портале по созданию и обсуждению цифровых законопроектов 26 июня 2023 г.⁹

Постановлением Правительства Республики Таджикистан была утверждена Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан от 30 декабря 2019 г. № 642. Основными целями Концепции являются создание стабильной и безопасной ИКТ-инфраструктуры для высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, а также использование преимущественно национального программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями, говорится в Постановлении Правительства Таджикистана¹⁰. В Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан до 2040 г.¹¹ отмечено, что в ходе реализации первого и второго этапов указанной стратегии будут разработаны правовые, институциональные и инфраструктурные основы, а также подготовлены необходимые специалисты.

Республика Узбекистан также активно проводит исследования в области искусственного интеллекта, включая разработку и принятие законодательных актов, стратегий развития и поддержку научных проектов и академических образовательных инициатив. Указом Президента Республики Узбекистан от 05.10.2020 была принята «Стратегия Digital Uzbekistan – 2030», где среди прочих пунктов предполагается принятие целевых программ научных исследований и инновационных проектов по направлениям развития страны «Цифровая экономика» [10, 11]. Обновленная Конституция 2023 г. заложила новые основы, подчеркивающие значимость развития Интернета, признавая его неотъемлемой частью жизни каждого человека. Государственная программа «Стратегия Digital Uzbekistan – 2030» предполагает широкий набор мер для укрепления гарантий реализации прав граждан на свободный доступ к

8 Decision of the Security Council of the Kyrgyz Republic No. 2 of December 14, 2018, the concept of digital transformation “Digital Kyrgyzstan 2019–2023”. A centralized database of Legal Information of the Kyrgyz Republic. Retrieved 2021 May 24, from <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/ru/ru/216896>.

9 Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/>.

10 Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-6079 dated 05.10.2020 “On approval of the Digital Uzbekistan – 2030 strategy and measures for its effective implementation”. National Database of Legislation, 06.10.2020, No. 06/20/6079/1349.

11 Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=26592.

информации, включая соблюдение законодательства, повышение культуры использования информации и защиту от деструктивной информации¹².

В апреле 2024 г. в рамках заседания Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи СНГ по науке и образованию состоялось обсуждение проекта модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта»¹³. Предлагаемые изменения в модельный кодекс направлены на развитие образовательной среды и традиционных образовательных методов, внедрение в обучение новых эффективных форм интерактивности и мультимедийности. Принятие данного документа должно способствовать нормативно-правовому регулированию системы развития и поддержки молодых талантов для государств СНГ. Гармонизация законодательства должна обеспечить наличие общих правил в этой области и создать условия для выявления, поддержки и развития молодых талантов независимо от их места жительства, социального статуса или финансовых возможностей семьи. Рекомендации помогут создать единое правовое регулирование взаимодействия с молодыми талантами в странах Содружества и будут способствовать формированию системы поддержки талантливых ребят на разных уровнях: региональном, государственном и межгосударственном.

Университеты и подготовка высококвалифицированных кадров в области ИИ

Университеты по всему миру предлагают программы, которые фокусируются на этой передовой области. Подготовку высококвалифицированных кадров в области ИИ вузы реализуют в рамках двух треков:

Образовательные программы, которые разработаны или актуализированы в соответствии с моделью компетенций в сфере ИИ. Студенты, проходящие обучение по этому треку, осваивают навыки разработки методов и инструментов для технологий ИИ, обучаются их профессиональному использованию на продвинутом уровне.

Программы иных профилей, содержащих модуль «Системы искусственного интеллекта». Студенты таких программ учатся применять ИИ в своей области компетенций с учетом направления подготовки (специальности) и будущей сферы деятельности. Согласно Национальной стратегии развития ИИ, соответствующие модули предполагается включить во все образовательные программы высшего образования России.

Однако не все университеты эффективно реализуют программы подготовки специалистов по ИИ. Чтобы определить лучшие университеты в этой области, разрабатываются различные системы рейтинга для оценки качества таких программ. Рейтинги в области искусственного интеллекта оценивают университеты на основе ряда

12 Как искусственный интеллект трансформирует законодательство в Узбекистане. URL: <https://anhor.uz/it-science/artificial-intelligence-legislation-uzbekistan-uzbek-expert/>.

13 Закон, регулирующий использование искусственного интеллекта, появится в СНГ. URL: <https://snob.kg/rakurs/pro-nashe-zhitie/item/7242-zakon-reguliruyushchij-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-poyavitsya-v-sng>.

факторов, включая уровень преподавательского состава, качество результатов исследований (публикаций) и количество успешных проектов ИИ. Такие рейтинги служат ценным ресурсом для будущих студентов, исследователей и профессионалов отрасли, которые заинтересованы в получении образования или сотрудничестве в этой области. Ознакомившись с этими рейтингами, люди могут принимать обоснованные решения о том, какие университеты предлагают самые сильные программы в области искусственного интеллекта и находятся на переднем крае исследований в этой сфере.

В области искусственного интеллекта существует множество университетов, которые предлагают исключительные программы для студентов, чтобы развивать свои навыки и знания. Эти университеты известны своим опытом и вкладом в эту область, а их программы высоко ценятся профессионалами отрасли и исследователями. Рейтинг EduRank.org – это независимый рейтинг 14 131 университета из 183 стран, основанный на метриках. Используют крупнейшую в мире базу данных научных работ, содержащую 98 302 198 научных публикаций и 2 149 512 106 цитирований, для ранжирования университетов по 246 темам исследований. В рейтинге список лучших университетов мира, ранжированных на основе их результатов исследований в области искусственного интеллекта (обработано 252 млн цитирований, полученных 13,4 млн научных работ, составленный по 5 743 университетам)¹⁴. Одним из университетов, который постоянно занимает лидирующие позиции по своей программе в области ИИ, является Стэнфордский университет. Стэнфорд предлагает комплексную учебную программу, включающую курсы, охватывающие такие темы, как машинное обучение, обработка естественного языка и компьютерное зрение. Преподаватели университета являются известными экспертами в этой области и внесли значительный вклад в развитие технологий искусственного интеллекта. Еще один университет с высоким рейтингом в этой новаторской области исследований – Массачусетский технологический институт, который предлагает широкий спектр программ по ИИ, включая как бакалавриат, так и магистратуру. Данные исследования в университете высоко ценятся, а его преподаватели публикуют влиятельные статьи и руководят новаторскими проектами. Калифорнийский университет в Беркли также известен своими выдающимися достижениями в области исследований новых компьютерных технологий. Программа Беркли сосредоточена на междисциплинарном подходе, объединяющем информатику, статистику и когнитивную науку. Лаборатории университета предоставляют студентам практические возможности для исследований и шанс поработать с ведущими экспертами в области ИИ. Другие заметные университеты в рейтинге искусственного интеллекта включают Университет Карнеги-Меллона, Оксфордский университет и Университет Торонто. Эти университеты предлагают сильные программы и имеют опыт подготовки успешных специалистов в данной области. На 9-м месте располагается Университет Цинхуа КНР, который занимает первое место в Азии по исследованиям в сфере искусственного интеллекта.

14 Best Universities for Computer Science in the World. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/>.

На 21-м месте – Наньянский технологический университет Сингапура, который занимает второе место в Азии согласно данному рейтингу.

Российские университеты в этом рейтинге отнесены к европейскому региону:

1. Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, согласно данному исследованию, является лидером в России, занимает 115-е место в Европе и 322-е – в мире.

2. Санкт-Петербургский государственный университет (242-е место в Европе и 618-е – в мире).

3. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (275-е место в Европе и 719-е – в мире).

4. Университет ИТМО (374-е место в Европе и 1008-е – в мире).

5. Томский государственный университет (400-е место в Европе и 1086-е – в мире).

Всего в данном рейтинге представлено 100 российских университетов (самое место занимает Мурманский государственный технический университет, при этом занимая 1094-е место в Европе, 4459-е – в мире)¹⁵.

Отдельный раздел рейтинга – лучшие университеты по направлению «Искусственный интеллект» в Азии¹⁶, где представлены образовательные учреждения 41 страны (рисунок 1). Список лучших университетов Азии ранжирован на основе их результатов исследований в области ИИ (55,8 млн цитирований, 5,14 млн научных работ, 2 466 университетов Азии).

В рейтинге «Лучшие университеты по компьютерным наукам в Азии» в первой двадцатке 13 университетов Китая: Университет Цинхуа, Харбинский технологический институт, Шанхайский университет Цзяо Тун, Университет Гонконга, Чжэцзянский университет, Бэйханский университет, Хуачжунский университет науки и технологии, Пекинский университет, Сианьский университет Цзяотун, Гонконгский политехнический университет, Юго-Восточный университет, Китайский университет электронных наук и технологий, Китайский университет Гонконга; два вуза Сингапура – Наньянский технологический университет, Национальный университет Сингапура; Япония – Токийский университет; два образовательных учреждения Израиля – Тель-Авивский университет, Технион – Израильский технологический институт; два учебных заведения Южной Кореи – Сеульский национальный университет, Корейский ведущий научно-технический институт.

Рассмотрим, какие вузы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана вошли в рейтинг «Лучшие университеты по направлению “Искусственный интеллект”» EduRank.org и какие позиции они занимают среди университетов Азии и всего мира.

В рейтинге «Лучшие университеты по направлению “Искусственный интеллект”» Азии представлено 10 лучших университетов Казахстана¹⁷:

15 100 Best universities for Computer Science in Russia. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/ru/>.

16 Best Universities for Computer Science in Asia. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/as/>.

17 10 Best universities for Artificial Intelligence (AI) in Kazakhstan. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/ai/kz/>.

1. Назарбаев Университет (568-й в Азии, 1529-й в мире).
2. Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева (1034-й в Азии, 2415-й в мире).

3. Казахский национальный университет имени аль-Фараби (1163-й в Азии, 2660-й в мире).

4. Сатбаевский университет (1775-й в Азии, 4063-й в мире).

5. Университет КИМЭП (1858-й в Азии, 4246-й в мире).

6. Казахстанско-Британский технический университет (1916-й в Азии, 4368-й в мире).

7. Алматинский университет энергетики и связи (2062-й в Азии, 4751-й в мире).

8. Международный казахско-турецкий университет (2209-й в Азии, 5181-й в мире).

9. Северо-Казахстанский государственный университет (2377-й в Азии, 5574-й в мире).

10. Карагандинский государственный университет (2442-й в Азии, 5698-й в мире).

В Таджикистане рейтингом отмечены два лучших университета по специальности «Компьютерные науки»¹⁸:

1. Таджикский национальный университет (2670-й в Азии, 6417-й в мире).

2. Таджикский государственный медицинский университет (2768-й в Азии, 6668-й в мире).

В Кыргызстане в рамках рейтинга выделены 7 лучших университетов по специальности «Компьютерные науки»¹⁹:

1. Университет Центральной Азии (2413-й в Азии, 5765-й в мире).

2. Ошский государственный университет (2507-й в Азии, 6005-й в мире).

3. Кыргызская государственная медицинская академия (2530-я в Азии, 6061-я в мире).

4. Кыргызский национальный университет (2542-й в Азии, 6103-й в мире).

5. Кыргызский государственный технический университет (2638-й в Азии, 6341-й в мире).

6. Американский университет в Центральной Азии (2688-й в Азии, 6484-й в мире).

7. Международный университет Ала-Тоо (2759-й в Азии, 6657-й в мире).

В Узбекистане 11 лучших университетов по направлению «Искусственный интеллект» выявлено аналитиками рейтинга²⁰:

1. Ташкентский университет информационных технологий (1162-й в Азии, 2659-й в мире).

18 2 Best universities for Computer Science in Tajikistan. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/tj/>.

19 7 Best universities for Computer Science in Kyrgyzstan. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/kg/>.

20 11 Best universities for Artificial Intelligence (AI) in Uzbekistan. 29.02.2024 // EduRank.org. URL: <https://edurank.org/cs/ai/uz/>.

2. Национальный университет Узбекистана (1384-й в Азии, 3115-й в мире).
3. Ташкентский государственный технический университет (1497-й в Азии, 3386-й в мире).
4. Самаркандинский государственный университет (1815-й в Азии, 4156-й в мире).
5. Ургенчский государственный университет (2115-й в Азии, 4890-й в мире).
6. Ташкентский государственный экономический университет (2131-й в Азии, 4950-й в мире).
7. Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта (2147-й в Азии, 4986-й в мире).
8. Международный Вестминстерский университет в Ташкенте (2320-й в Азии, 5427-й в мире).
9. Наманганский государственный университет (2370-й в Азии, 5552-й в мире).
10. Андижанский государственный университет (2387-й в Азии, 5592-й в мире).
11. Ташкентский государственный аграрный университет (2450-й в Азии, 5711-й в мире).

В России в 2023 г. Альянсом в сфере искусственного интеллекта совместно с Минобрнауки России разработан рейтинг российских вузов по качеству подготовки специалистов ИИ. Ассоциация «Альянс в сфере искусственного интеллекта» объединяет технологические компании для развития искусственного интеллекта в России и обеспечения лидерства страны на глобальном рынке. Среди участников ассоциации – Сбер, «Газпром нефть», «Яндекс», VK, РФПИ, «СИБУР», ОХК «Уралхим», ГК «Русагро», «Северсталь», ГК «Самолет» и др. Рейтинг вузов по качеству подготовки специалистов в сфере искусственного интеллекта – новый инструмент в экосистеме поддержки образования, которую создает Альянс. Цель проекта: повысить качество подготовки новых кадров, вовлечь отраслевой бизнес в кадровую повестку ИИ и дать объективную информацию о вузах абитуриентам и работодателям. Первая версия рейтинга рассматривает только вузы, имеющие программы бакалавриата в сфере ИИ.

По словам Д.Чернышенко, заместителя председателя Правительства России, куратора нацпрограммы «Цифровая экономика», «среди 180 вузов из 64 регионов страны, оказавшихся в рейтинге, 10 имеют оценки А+, А (хорошее качество) В+, В (приемлемое качество). Абсолютные лидеры – это ВШЭ, МФТИ и ИТМО. Таким образом, ТОП-10 российских университетов уже могут конкурировать за звание лучших, а значит, готовят высококвалифицированных специалистов и успешно развивают науку в области искусственного интеллекта»²¹.

В число 10 российских университетов-лидеров по качеству подготовки специалистов в сфере ИИ по данным рейтинга Альянса вошли²²:

Уровень «А+»:

- Национальный исследовательский университет ИТМО (Санкт-Петербург);

²¹ В России появился рейтинг вузов по качеству подготовки специалистов в области искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://a-ai.ru/?page_id=2254.

²² Рейтинг вузов // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://rating.a-ai.ru/#rating>.

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
 - Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (Москва).
- Уровень «А»:
- Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Москва);
 - Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург).
- Уровень «В+»:
- Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (Свердловская область);
 - Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана (Национальный исследовательский университет) (Москва);
- Уровень «В»:
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва);
 - Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург);
 - Университет Иннополис (Республика Татарстан).

В основе методологии рейтинга лежит математическая модель, основанная на фактических данных и одобренная широким кругом экспертов компаний-членов Альянса и академического сообщества. Экспертами были определены всего 4 группы критерии: востребованность выпускников в найме; актуальность процесса обучения в сфере ИИ; образовательная среда; активность по развитию школьного образования²³. Для построения модели использовались как открытые, так и специально собранные данные о качестве образования в высших учебных заведениях, результаты опросов, данные о заработной плате выпускников, полученные от Министерства науки и высшего образования РФ.

В рейтинге представлен 71 вуз Центрального федерального округа, 39 из которых – в Москве. Из Приволжского федерального округа в рейтинг попали 29 вузов, 24 университета – из Северо-Западного федерального округа, 22 – из Сибирского федерального округа.

В рамках международной промышленной выставки «Иннопром. Центральная Азия» первый заместитель председателя правления Сбербанка А.Ведяхин пригласил Узбекистан принять участие в рейтинге вузов по ИИ. «Это не просто соревнование. Это возможность посмотреть на себя со стороны и стать еще лучше, чтобы выпускать классных специалистов, которые будут востребованы как в Узбекистане, так и за его пределами», – сказал он²⁴.

По оценкам Сбера, к 2030 г. не менее 100 университетов смогут ежегодно выпускать тысячи качественных специалистов по ИИ, которые смогут удовлетворить растущую кадровую потребность в этой сфере.

²³ Методология рейтинга // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://rating.a-ai.ru/methodology>.

²⁴ В Узбекистане могут запустить рейтинг вузов по качеству подготовки в сфере ИИ // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/22/22846316.shtml>.

В России ведется большая работа по созданию системы образования в сфере искусственного интеллекта: курсы повышения квалификации педагогических работников в области ИИ, проводимые МФТИ, МПГУ, Университетом Иннополис, цифровым Университетом 2035 и другими российскими образовательными организациями; разрабатываемые учебные материалы по ИИ, представленные ведущими технологическими компаниями «Яндекс», Сбер, VK и др.; международный образовательный проект в сфере информационных технологий «Урок цифры».

Образовательная акция «Урок цифры» по теме «Искусственный интеллект в образовании» в 2021 г. объединила русскоязычных школьников из 127 стран. Беларусь, Германия, Казахстан, Кыргызстан, Нидерланды, Румыния, США, Турция, Узбекистан, Украина и Швеция стали странами-лидерами по числу обратившихся к материалам урока, по сравнению с 2020 г. международная география урока значительно расширилась (ранее участие в ней принимали 86 стран)²⁵. Это стало возможным благодаря активной поддержке Россотрудничества и вовлечению в обучающий процесс русских школ за рубежом. Организовать занятие или самостоятельно пройти урок по теме «Искусственный интеллект в образовании» можно и после окончания акции – все материалы останутся в открытом доступе. Через сеть наших Русских домов школьники во всем мире знакомятся со специалистами крупнейших российских ИТ-компаний, получают знания о кибербезопасности, искусственном интеллекте, повышают тем самым цифровую грамотность. В образовательной акции приняли активное участие школьники постсоветского пространства: Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и др.

Технологии искусственного интеллекта применяются в различных отраслях, включая здравоохранение, финансы, транспорт, производство, развлечения и многое другое, для автоматизации процессов, улучшения эффективности, улучшения процесса принятия решений и создания новых продуктов и услуг.

Однако разработка и внедрение ИИ также поднимают этические, социальные и экономические вопросы, опасения, включая перемещение рабочих мест, алгоритмическую предвзятость, проблемы конфиденциальности и потенциальную возможность неправильного использования или непреднамеренные последствия. Поскольку ИИ продолжает развиваться, важно учитывать эти последствия и разрабатывать соответствующие политики и структуры, гарантирующие, что ИИ принесет пользу обществу в целом.

Цели обучения искусственному интеллекту обычно зависят от конкретного контекста, уровня знаний и предполагаемых результатов. Вот некоторые общие цели обучения для изучения ИИ: понимание концепций и принципов ИИ; изучение алгоритмов и моделей ИИ; освоение языков и инструментов программирования; сбор данных и предварительная обработка; оценка и проверка модели; этическая и от-

²⁵ «Урок цифры» по искусственному интеллекту объединил русскоязычных детей в 127 странах. URL: <https://ug.ru/urok-czifry-po-iskusstvennomu-intellektu-obedinil-russkoyazychnykh-detej-v-127-stranah/>.

ветственная разработка ИИ; решение проблем и разработка приложений; навыки сотрудничества и общения; непрерывное обучение и адаптация; критическое мышление и навыки решения проблем. Эти цели обучения обеспечивают фундаментальную основу для приобретения знаний, навыков и компетенций в области искусственного интеллекта, позволяющих людям вносить свой вклад в развитие и применение технологий искусственного интеллекта в различных областях и отраслях [6].

В России есть программы привлечения иностранных абитуриентов как в рамках Россотрудничества, так и на уровне отдельных университетов. В ведущих университетах (НИУ ВШЭ, МФТИ, Сколтех) созданы образовательные программы мирового уровня, готовящие специалистов по наукам о данных и профессиональному интеллекту²⁶. Возможно также привлечение специалистов из России под реализацию конкретных проектов в сфере информационных технологий.

Межвузовский центр искусственного интеллекта открыли в Межвузовском кампусе Евразийского научно-образовательного центра мирового уровня в Уфе. Старт работе центра дали в режиме реального времени с площадки Международной промышленной выставки «Иннопром-2024», которая проходит в Екатеринбурге, сообщается на сайте правительства Башкирии²⁷.

Там же, в Уфе, стартовал Евразийский центр цифровых технологий (ЕЦЦТ) Уфимского университета науки и технологий (УУНиТ), специализирующийся на разработке, апробации и продвижении ИТ-продуктов, а также обучении специалистов. Одним из основных направлений работы заявлены подготовка, стажировка и трудоустройство специалистов гуманитарных и технических направлений²⁸.

Вместе с тем страны Центральной Азии ориентированы и на других партнеров по развитию высшего образования в сфере искусственного интеллекта. StrategEast в партнерстве с Google запустили масштабный межстрановой проект “Build with AI for Sustainable Growth”, рассчитанный на несколько месяцев и объединяющий разработчиков со всего региона Центральной Азии и Кавказа для поиска решения проблем устойчивого развития при помощи технологий ИИ. Лучшие команды разработчиков из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Армении и Грузии представляют свои проекты на финальном хакатоне в Астане осенью 2024 г. Для компании Google поддержка программы – часть целенаправленной работы по обучению использования инструментов ИИ специалистами ИТ-индустрии²⁹.

В июне 2024 г. в Ташкенте (Узбекистан) состоялся форум для проведения регионального стратегического диалога высокого уровня в Центральной Азии, посвященный теме «Содействие трансформации высшего образования на основе генера-

²⁶ О рисках и возможностях внедрения искусственного интеллекта в Центральной Азии. URL: <https://e-cis.info/news/566/105167/>.

²⁷ На «Иннопром» открыли межвузовский центр искусственного интеллекта Евразийского НОЦ // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/569/119571/>.

²⁸ В Уфе начал работу Евразийский центр цифровых технологий УУНиТ // Новости в России и мире – ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21328923>.

²⁹ Запускается масштабная программа Build with AI for Sustainable Growth для стран Центральной Азии и Кавказа. URL: <https://the-tech.kz/zapuskaetsya-masshtabnaya-programma-build-with-ai-for-sustainable-growth-dlya-stran-czentralnoj-azii-i-kavkaza/>.

тивного искусственного интеллекта». В ходе обсуждений участники рассмотрели разнообразные стратегии и инициативы, связанные с применением генеративного искусственного интеллекта в высшем образовании – мероприятие предоставило возможность для открытого диалога между представителями различных заинтересованных сторон в данной области. Организаторами форума выступили Ташкентский университет информационных технологий (ТУИТ), Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (ИИТО ЮНЕСКО), Региональное бюро ЮНЕСКО в Алматы и Международный центр инноваций в высшем образовании под эгидой ЮНЕСКО (МЦИВО ЮНЕСКО)³⁰. Форум стал площадкой для конструктивного обмена мнениями, обобщения перспективного опыта и формирования рекомендаций заинтересованным сторонам в сфере высшего образования в регионе и за его пределами. Прозвучавшие на мероприятии выступления и состоявшиеся дискуссии призваны способствовать разработке политики и планов действий по управлению высшим образованием на основе генеративного искусственного интеллекта и профессиональному развитию преподавательского состава на самых разных уровнях – от региона до отдельных учебных заведений и специалистов.

Тем не менее перспективы сотрудничества центральноазиатских и российских вузов представляются более актуальными в силу ряда причин, к которым относятся и исторически сложившиеся соседские взаимосвязи, подкрепленные множеством двусторонних договоров и межправительственных соглашений, в том числе и межрегиональных, и совместное обеспечение противодействия внешним угрозам безопасности, экстремистским группам, наркобизнесу, и сотрудничество в экономической сфере с целью борьбы с безработицей, снижением уровня производства и товарооборота.

Стоить отметить и заметные отличия в подходах к подготовке специалистов, приезжающих учиться из других регионов и стран, в европейско-американских и российских вузах: первые зачастую ориентированы на то, что люди, получившие образование в их странах, привлекаются здесь же к работе, тогда как российские учебные заведения готовят специалистов, которые, получив образование, возвращаются в родные места и принимают участие в развитии собственных регионов, способствуя повышению уровня развития соответствующих отраслей.

ВЫВОДЫ

Безусловно, для решения проблем ИИ в высшем образовании необходимы многогранный подход и совместные усилия заинтересованных сторон, увеличение инвестиций в цифровую инфраструктуру, наращивание потенциала, разработку политики и содействие формированию культуры инноваций и принятия по всей

³⁰ ИИТО ЮНЕСКО стал соорганизатором стратегической сессии по использованию ИИ в высшем образовании в Центральной Азии. URL: <https://iite.unesco.org/ru/news/iito-yunesko-stal-soorganizatorom-strategicheskoy-sessii-po-ispolzovaniyu-ii-v-vysshem-obrazovanii-v-tsentralnoj-azii/>.

Центральной Азии. Совместные действия позволят параллельно поднимать общий уровень развития отрасли, а не создавать отдельные высокоразвитые центры и малоразвитую периферию.

К проблемам, с которыми сталкивается современное высшее образование, можно отнести отсутствие персонализированного образования для студентов, нехватку ресурсов для учителей и неадекватную разработку курсов в области ИИ. В связи с этим существует острая необходимость разработки комплексной модели, основанной на знаниях, направленной на повышение компетентности преподавателей высшей школы в области искусственного интеллекта как для подготовки специалистов в сфере разработки технологий ИИ и его профессионального использования на продвинутом уровне, так и для обучения пользователей методам применения ИИ в своей области компетенций с учетом направления подготовки.

Политический диалог представляет собой благодатную почву для генерации новых идей, укрепления сотрудничества и изучения будущих направлений высшего образования. Сотрудничество университетов России и стран Центральной Азии направлено на повышение цифровой компетентности и грамотности в области искусственного интеллекта среди работников высшего образования, формирование равномерного образовательного ландшафта, повышение качества подготовки специалистов сферы ИИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бадмаева М.Х. Социально-философские проблемы и принципы применения систем искусственного интеллекта [Social and philosophical problems and principles of application of artificial intelligence systems]: дис. ... канд. философ. наук: 5.7.7 – Социальная и политическая философия. Улан-Удэ, 2023. 237 с.
2. Гайнанов Д.А., Климентьев А.Ю. Приоритеты кадрового обеспечения цифровой экономики [Priorities of personnel provision for the digital economy] // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 12. С. 1963-1976. <https://doi.org/10.18334/ce.12.12.39679>.
3. Гибадуллин А.А., Карагодин А.В. Вызовы цифровой экономики в сфере подготовки кадров [Challenges of the digital economy in the field of personnel training] // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2019. № 2(22). С. 33-42. URL: https://www.ssru.ru/upload/media/library/60c/Aktualnye-problemy-ekonomiki-i-menедzhmenta-02_-22_2019.pdf.
4. Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник [Digital economy indicators: 2020: statistical digest] / Г.И.Абдрахманова, К.О.Вишневский, Л.М.Гохберг и др.; Нац. ис-след. уч-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с. ISBN 978-5-7598-2194-6.
5. Розов К.В. Методика подготовки будущих учителей информатики к применению технологий искусственного интеллекта [Methodology for training future computer science teachers to use artificial intelligence technologies]: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (информатика, информатика и вычислительная техника, уровень высшего образования). Новосибирск, 2024. 226 с.
6. Рябко Т.В., Гуртов В.А., Степань И.С. Анализ показателей подготовки кадров для сферы искусственного интеллекта по результатам мониторинга вузов [Analysis of training indicators for the field of artificial intelligence based on the results of universities monitoring] // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 7. С. 9-24. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-202231-7-9-24>.
7. Савельев А.М., Журенков Д.А. Национальные стратегии развития систем искусственного интеллекта: опыт стран-лидеров и ситуация в России [National Strategies for the Development of Artificial Intelligence Systems: Experience of Leading Countries and the Situation in Russia] // Научный вестник ОПК России. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-strategii-razvitiya-sistem-iskusstvennogo-intellekta-optyt-stran-liderov-i-situatsiya-v-rossii>.

8. Тедеев А.А. Правовой режим технологий искусственного интеллекта (модель Кыргызской Республики) [Legal Regime of Artificial Intelligence Technologies (Model of the Kyrgyz Republic)] // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. 2023. № 4. С. 118-131. <https://doi.org/10.55959/MSU2413-631X-26-14-4-10>.
9. Фролов Ю.В., Босенко Т.М. Исследования статистических данных подготовки кадров для цифровой экономики в Российской Федерации [Statistical data Research on training for the digital economy in the Russian Federation] // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 11. С. 29-41. <https://doi.org/10.31992/08693617-2021-30-11-29-41>.
10. Khoroshilov A.A., Musabaev R.R., Kozlovskaya Y.D. et al. Automatic Detection and Classification of Information Events in Media Texts. Autom. Doc. Math. Linguist. 2020; 54. P. 202-214. <https://doi.org/10.3103/S0005105520040032>.
11. Matkovskaya Y.S. et al. The forecast Of Oil Production in Uzbekistan Based on The Artificial Intelligence System. Science of Krasnoyarsk // Nauka Krasnoyarsk'ya. 2008; 7(2, Part 2). P. 54-60.

Информация об авторах

- ЖУЛИКОВ Сергей Евгеньевич. Кандидат физико-математических наук. Доцент. Доцент кафедры математического моделирования и информационных технологий Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>. Адрес: 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. ssergiuss@yandex.ru
- ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна. Кандидат социологических наук. Доцент. Доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>. Адрес: 392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. oltamb@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 29 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Badmaeva M.Kh. Social and philosophical problems and principles of application of artificial intelligence systems: Theses ... CandSc (Philosoph.): 5.7.7 - Social and political philosophy. Ulan-Ude, 2023:237 [In Russian].
2. Gainanov D.A., Klimentyeva A.Yu. Priorities of personnel provision for the digital economy. Kreativnaya ekonomika [Creative economy]. 2018; Vol. 12(12):1963-1976 [In Russian]. <https://doi.org/10.18334/ce.12.12.39679>.
3. Gibadullin A.A., Karagodin A.V. Challenges of the digital economy in the field of personnel training. Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta [Actual problems of economics and management]. 2019; 2(22):33-42 [In Russian]. Available from: https://www.sstu.ru/upload/medialibrary/60c/Aktualnye-problemy-ekonomiki-i-menedzhmenta-02_22_2019.pdf.

4. Digital economy indicators: 2020: statistical digest / G.I.Abdurakhmanova, K.O.Vishnevsky, L.M.Gokhberg et al; Nat. research. University "Higher School of Economics". Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2020:360. ISBN 978-5-7598-2194-6. [In Russian].
5. Rozov K.V. Methodology for training future computer science teachers to use artificial intelligence technologies: Theses ... CandSc (Pedagogical): 5.8.2. Theory and methods of training and education (computer science, computer science and computer engineering, higher education level). Novosibirsk, 2024:226 [In Russian].
6. Ryabko T.V., Gurtov V.A., Stepus I.S. Analysis of training indicators for the field of artificial intelligence based on the results of universities monitoring. Vysshee obrazovanie v Rossii. [Higher education in Russia]. 2022; 31(7):9-24 [In Russian]. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-202231-7-9-24>.
7. Saveliev A.M., Zhurenkov D.A. National Strategies for the Development of Artificial Intelligence Systems: Experience of Leading Countries and the Situation in Russia. Nauchnyj vestnik OPK Rossii [Scientific Bulletin of the Defense-industrial complex of Russia]. 2019; 3 [In Russian]. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-strategii-razvitiya-sistem-iskusstvennogo-intellekta-opyt-stran-liderov-i-situatsiya-v-rossii>.
8. Tedeev A.A. Legal Regime of Artificial Intelligence Technologies (Model of the Kyrgyz Republic). Vestnik Moskovskogo universiteta. [Bulletin of Moscow University]. Series 26. State Audit. 2023; 4:118-131 [In Russian]. <https://doi.org/10.55959/MSU2413-631X-26-14-4-10>.
9. Frolov Yu.V., Bosenko T.M. Statistical data Research on training for the digital economy in the Russian Federation. Vysshee obrazovanie v Rossii. [Higher education in Russia]. 2021; Vol. 30. 11:29-41 [In Russian]. <https://doi.org/10.31992/08693617-2021-30-11-29-41>.
10. Khoroshilov A.A., Musabaev R.R., Kozlovskaya Y.D. et al. Automatic Detection and Classification of Information Events in Media Texts. Autom. Doc. Math. Linguist. 2020; 54:202-214 [In English]. <https://doi.org/10.3103/S0005105520040032>.
11. Matkovskaya, Y.S. et al. The forecast Of Oil Production in Uzbekistan Based on The Artificial Intelligence System. Science of Krasnoyarsk / Nauka Krasnoyarsk'ya. 2008; 7(2, Part 2):54-60 [In English].

About the authors

- Sergey E ZHULIKOV. CandSc. (Physical and Mathematical). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling and Information Technologies at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. <https://orcid.org/0009-0001-7284-0952>. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. ssergiuss@yandex.ru
- Olga V. ZHULIKOVA. CandSc. (Sociol.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Library and Information Resources at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. <https://orcid.org/0000-0002-7424-7247>. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. oltamb@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: June 25, 2024. Approved after peer review: July 16, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

На начальных этапах конфликта Правительство Республики Армения не вело активную политику на сирийском направлении, но со временем оно начало предпринимать конкретные шаги.

Петросян А.Г.

Армяно-сирийские отношения: исторический опыт и современное состояние

Подводя итог рассмотрению двух планов, отметим, что план «Всхуд», если смотреть объективно, в своей основе был для Польши очень рискованным. И в первую очередь потому, что до последних дней, предшествовавших началу войны, более половины соединений польской армии продолжали дислоцироваться в восточных районах страны и были нацелены против СССР.

Гришин Я.Я., Летяев В.А.

Против кого на самом деле мобилизовывалась польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.?

Попытки акцентировать внимание на культурном и историческом наследии указывали на важность этого аспекта для формирования национальной идентичности, однако без конкретных и последовательных действий эти усилия оставались декларативными.

Батырбаев Б.С.

Политика памяти в Кыргызстане: формирование национальной идентичности в контексте образования Кара-Кыргызской автономной области

Армяно-сирийские отношения: исторический опыт и современное состояние

Аида Гагиковна Петросян[✉]

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия
aidapetrosyan05@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4407-8554>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности армяно-сирийских отношений, их история и возможные перспективы развития. В первой части дается краткий обзор истории армяно-сирийских связей. При этом в центре внимания автора находится период после провозглашения независимости Республики Армения (РА) в 1991 г. и начала установления дипломатических отношений с Сирийской Арабской Республикой (САР). В этой части статьи выделяются факторы, способствовавшие развитию армяно-сирийских контактов. Отмечается, что ключевым из них является присутствие в Сирии армянской общины, которая всегда служила своего рода звеном, обеспечивавшим поддержание дружественных связей между двумя республиками. Вторая часть статьи посвящена особенностям армяно-сирийских отношений в условиях конфликта в САР и роли Республики Армения в деле оказания помощи сирийскому народу в целом и армянской общине Сирии в частности. В заключение отмечается, что положительный опыт истории отношений между Арменией и Сирией, отсутствие явных противоречий в их взаимоотношениях, а также высокая оценка со стороны сирийского руководства роли РА в вопросе оказания гуманитарной помощи САР могут служить основой для углубления двусторонних связей между странами.

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №. FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Ключевые слова: армяно-сирийские отношения, Республика Армения, Сирийская Арабская Республика, армянская община Сирии, сирийский конфликт

Для цитирования: Петросян А.Г. Армяно-сирийские отношения: исторический опыт и современное состояние // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 162-172, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-162-172](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-162-172)

Syrian-Armenian Relations: Historical Background and Current State

Aida G. Petrosian[✉]

State Academic University for Humanities, Moscow, Russia
aidapetrosyan05@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-4407-8554>

Abstract. This article looks into some main aspects of Syrian-Armenian relations. The first section gives an overview of the history of the Syrian-Armenian relations focusing primarily on the period after 1991 when the independence of the Republic of Armenia was declared and official relations with the Syrian Arab Republic were established. In addition, the factors that have contributed to developing bilateral ties are studied. It is noted that the most important of those factors is the presence of Armenian community in Syria which has always served as a link helping maintain friendly relations between the two republics. The second part of the article deals with the Syrian-Armenian relations during the conflict in Syria as well as it studies the role of the Republic of Armenia in sending assistance to the people of the Syrian Arab Republic and in particular – to the Armenian community there. It is concluded that positive experience and background of bilateral ties between Armenia and Syria, absence of evident contradictions in their relations and high appreciation of Armenia's role in providing humanitarian assistance to the Syrian Arab Republic expressed by the Syrian government can serve as a basis for furthering and facilitating relations between the two states and peoples.

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 "Historical and cultural traditions and values in the context of global history").

Keywords: Syrian-Armenian relations, Republic of Armenia, Syrian Arab Republic, Armenian community of Syria, Syrian conflict

For citation: Petrosian A.G. Syrian-Armenian Relations: Historical Background and Current State. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 162-172, [doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-162-172](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-162-172)

Введение

Отношения между Арменией и Сирией имеют длительную историю, если учитывать многовековые связи народов двух стран. Особое (в какой-то степени символическое) значение в истории этих отношений имеет период формирования современной армянской общины Сирии, когда вследствие геноцида 1915 г. на ее территории нашли убежище множество десятков тысяч армян. В дальнейшем именно община стала тем фактором, который во многом служил основой для развития армяно-сирийских отношений.

С момента установления дипломатических отношений между Республикой Армения и Сирийской Арабской Республикой с обеих сторон всегда подчеркивался дружественный характер связей между двумя народами, а также отмечалась необходимость развития различных направлений двустороннего сотрудничества. При этом, однако, как Сирия для Армении, так и Армения для Сирии никогда не являлись ключевым политическим или экономическим партнером.

Тем не менее в условиях сирийского конфликта Армения стала предпринимать весьма активные действия по оказанию помощи САР, что получило высокую оценку со стороны сирийского государства и стало поводом для появления прогнозов относительно возможного укрепления армяно-сирийских связей.

В задачи настоящей статьи входит определение особенностей отношений между Арменией и Сирией и выделение факторов, которые могли бы способствовать их дальнейшему развитию и углублению.

Материалы и методы исследования

Источниковую базу исследования составляют материалы интервью, проведенных автором в ходе полевых исследований в Ереване (март 2019 г., июль 2022 г.), Дамаске и Алеппо (февраль 2022 г.).

В связи с практическим отсутствием русскоязычных работ по большинству из аспектов проблемы, рассматриваемой в рамках настоящей статьи, автор статьи обращается к работам армянских исследователей на армянском, арабском и английском языках (в целом также весьма малочисленным).

Результаты исследования

Из истории армяно-сирийских отношений

Армяно-сирийские отношения в настоящей статье не рассматриваются как исключительно межгосударственные, так как в их основе лежит богатая и очень дли-

тельная история отношений между двумя народами. Многие исследователи считают, что именно исторический опыт связей между Арменией и Сирией является одним из наиболее значимых факторов, определяющих характер взаимоотношений между двумя государствами уже на современном этапе [1; 7].

При этом отдельное внимание всегда уделяется роли сирийского народа в деле спасения армян¹, оказавшихся в Сирии после геноцида 1915 г. [6]. Формирование армянской общины в этой стране в последующие годы имело ключевое значение с точки зрения возможности установления и поддержания армяно-сирийских контактов.

В советский период истории Армении шло постепенное выстраивание связей между Советской Арменией и армянскими общинами в разных странах мира, в том числе и в Сирии.

Примерно с середины 40-х гг. XX в. руководством Армянской ССР начали предприниматься шаги по созданию институциональных основ для установления контактов с соотечественниками из диаспоры². Так, в 1944 г. было образовано Армянское общество культурных связей с зарубежными странами, а в 1962 г. в его рамках был открыт отдел по связям с армянскими общинами. Позднее, в 1964 г., был создан Комитет по культурным связям с армянами диаспоры, одной из основных задач которого являлось установление и развитие контактов с общинами армянской диаспоры [3, с. 92-104].

На этом пути, конечно, были определенные сложности. Одна из них – противоречия между тремя основными армянскими партиями диаспоры относительно возможности выстраивания связей с Советской Арменией. Если социал-демократическая партия «Гнчак» и либерально-демократическая партия «Рамкавар-Азатакан» занимали относительно гибкую позицию в этом вопросе, то Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» была практически непреклонна по идеологическим соображениям.

Следовательно, как в Армянском обществе культурных связей с зарубежными странами, так и в Комитете по культурным связям с армянами диаспоры речь шла исключительно об установлении контактов с «прогрессивными силами» в диаспоре (в их число входили коммунистические партии и армянские национальные партии «Рамкавар-Азатакан» и «Гнчак») [3, с. 93-94].

Усилиями Комитета по культурным связям с армянами диаспоры организовывались двусторонние визиты, встречи с представителями армянских общинных структур в разных странах, оказывалась финансовая помощь общинам, обеспечивалась доставка армянской литературы в общины и распространение в них советских журналов и газет, осуществлялась переподготовка преподавателей из общинных образовательных организаций в Армянской ССР [3, с. 108-117].

Армянская община Сирии была среди тех общин диаспоры, которые поддерживали связи с Советской Арменией, а многие армянские общинные структуры в Си-

¹ Согласно некоторым данным, их численность составляла около 225 тыс. человек [9, с. 167].

² До этого по политическим и идеологическим соображениям контакты не поддерживались.

рии активно участвовали в мероприятиях и программах, проводившихся Комитетом по культурным связям. В то же время сирийские армяне, которые успешно интегрировались в социально-экономическую и политическую жизнь Сирии, пользовались весьма благожелательным отношением к ним со стороны сирийского руководства. Вероятно, это обстоятельство способствовало тому, что во время визита в СССР в 1979 г. президент Сирии Хафез Асад посетил и Армянскую ССР [1, с. 91].

Таким образом, армянская община Сирии стала своего рода связующим звеном, способствовавшим созданию основ для установления дипотношений между Республикой Армения и Сирийской Арабской Республикой.

Установление дипломатических отношений

Начало для выстраивания официальных двусторонних связей между Республикой Армения и Сирийской Арабской Республикой было положено соглашением «Об установлении отношений между РА и САР» в марте 1992 г. В том же году было открыто Посольство Республики Армения в Дамаске³, а через пять лет, в 1997 г., в Ереване начало работу Посольство Сирийской Арабской Республики⁴.

При этом дипломатическое представительство Армении в Сирии не ограничивается посольством в столице САР: наряду с ним также действуют армянское генеральное консульство в Алеппо (с 1993 г.) и почетное консульство в Дейр-эз-Зоре (с 2010 г.). Открытие генконсульства Армении в Алеппо было обусловлено присутствием в нем значительного по численности армянского населения (по данным на начало 2000-х гг., она составляла около 50 тыс. человек [4, с. 518]). Что касается Дейр-эз-Зора, то этот город имеет важное историческое и символическое значение для армян Сирии, так как непосредственно связан с событиями геноцида 1915 г.

Начало функционирования армянских диппредставительств в Сирии оказалось возможным во многом благодаря усилиям местной армянской общины. В частности, представители общины оказывали материальную помощь при открытии посольства в Дамаске и всячески содействовали созданию контактов сотрудников дипмиссии с местными властями и обществом⁵.

Установление дипотношений между РА и САР сопровождалось многочисленными двусторонними визитами на высоком уровне, а также подготовкой широкой договорно-правовой базы. Так, сторонами были подписаны соглашения о сотрудничестве в различных сферах (наиболее важные из них – «Об экономическом сотрудничестве между РА и САР» (1992), «Об экономическом и техническом сотрудничестве между Министерством промышленности РА и Министерством промышленности САР» (1992), «О военно-техническом сотрудничестве между Правительством РА и

³ До 2007 г. возглавлялось временным поверенным в делах, после повышения статуса армянского диппредставительства в 2007 г. – Чрезвычайным и Полномочным Послом.

⁴ До 2017 г. возглавлялось временным поверенным в делах, после – уровень диппредставительства был повышен.

⁵ Петросян А.Г. Архив интервью автора (Ереван, 2019; Дамаск, Алеппо, 2022).

Правительством САР» (2001))⁶, а также меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве как между отраслевыми министерствами двух стран, так и другими структурами.

Вместе с тем в законодательных органах двух республик были сформированы межпарламентские комитеты дружбы: в Национальном собрании Армении – парламентская группа дружбы «Армения-Сирия», в Народном совете Сирии – Комитет сирийско-армянской дружбы. Их деятельность позволяет включать в двустороннюю повестку широкий круг вопросов, касающихся развития отношений между государствами.

Кроме того, с 2009 г. функционирует Сирийско-армянский деловой совет, призванный содействовать развитию торгово-экономических связей между странами.

Тем не менее, несмотря на существование достаточно широкой основы для двустороннего сотрудничества, подкрепленной как историческими связями между двумя народами, так и установленными с 1992 г. официальными контактами, все же на протяжении 1990-х, а затем и 2000-х гг. оно не характеризовалось очень высоким уровнем.

Относительно низкий уровень торгово-экономического сотрудничества двух стран (несмотря на имеющийся потенциал) исследователи объясняют следующими причинами: логистическими препятствиями (в первую очередь блокадой Республики Армения со стороны Турции и отсутствием прямых сухопутных маршрутов между Арменией и Сирией); финансово-экономическими трудностями в САР и РА, ограничивающими взаимные инвестиции; бюрократическими сложностями; неконкурентоспособностью цен на товары; отсутствием взаимной заинтересованности [2, с. 125, 129; 5, с. 31, 35].

В политической сфере отношения между Сирией и Арменией, хоть и развивались относительно активно на официальном уровне, но в начале 2000-х гг. стали характеризоваться некоторым «охлаждением». Согласно некоторым экспертам, это было связано с сирийско-турецким сближением и, как следствие, нежеланием сирийского руководства ставить эти отношения под угрозу [2, с. 127-129]. Все же, однако, это не означало полного прекращения официальных армяно-сирийских контактов; речь шла в целом только о снижении их интенсивности и уровня.

Двусторонние отношения в период сирийского конфликта

В условиях конфликта в Сирии армяно-сирийские отношения вступили в новый этап развития.

С началом вооруженных действий в САР Республика Армения не могла оставаться в стороне от событий, происходивших в этой стране. Внимание Армении к ним было обусловлено следующими обстоятельствами: наличием в Сирии армян-

⁶ Двусторонние отношения (Сирия). Министерство иностранных дел Республики Армения. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/sy>.

ской общиной, вынужденной миграцией в Армению большого числа сирийских армян, географической близостью Армении к региону Ближнего Востока и, в частности, к Сирии.

В годы конфликта в САР власти Армении продолжали поддерживать официальные контакты с сирийским правительством. Не прекращали функционирование в условиях войны армянские дипломатические представительства в Сирии. Примечательно, что генеральное консульство Республики Армения в Алеппо было единственным диппредставительством в этом городе, которое не закрывалось на протяжении всего конфликта, несмотря на тяжелое положение в Алеппо и серьезные угрозы безопасности в годы активных вооруженных действий⁷.

Армянские дипмиссии наряду с основными функциями (одной из ключевых на тот момент стала выдача паспортов сирийским армянам, решившим получить гражданство РА) выполняли и функцию координирования действий между различными общинными структурами внутри армянской общины Сирии, между армянскими общинами в разных сирийских городах, а также между армянской общиной Сирии и армянскими общинами в других государствах⁸.

Благодаря деятельности посольства и генерального консульства РА в САР и их прямым связям с местными армянскими организациями и объединениями обеспечивалась оперативная передача актуальной информации о необходимой помощи государственным структурам в Республике Армения, а также происходило ее распределение после получения⁹.

На начальных этапах конфликта Правительство Республики Армения не вело активную политику на сирийском направлении, но со временем оно начало предпринимать конкретные шаги.

Так, начиная с октября 2016 г. в Сирию из Армении при технической и логистической помощи России стали направляться грузы с гуманитарной помощью для сирийского народа¹⁰.

Армянскими властями также было принято решение об отправке в начале 2019 г. гуманитарной миссии в Алеппо¹¹. Ее основная деятельность заключается в проведении работ по разминированию и оказании медицинской помощи местному населению. Кроме того, участники миссии организуют специальные семинары с целью информирования людей относительно вопросов безопасности и оказания помощи в период послевоенной адаптации. Также они осуществляют доставку и распределение гуманитарных грузов и проводят мероприятия по оказанию социальной помощи населению.

7 Интервью с послом: Тигран Геворкян. URL: <https://news.am/rus/news/285710.html>.

8 Петросян А.Г. Архив интервью автора (Ереван, 2019; Дамаск, Алеппо, 2022).

9 Там же.

10 Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Armenia, URL: <https://www.mfa.am/en/interviews-articles-and-comments/2016/09/30/stat-syria/6537>.

11 Миссия действует на основе соглашения с РФ и осуществляется при технической помощи российской стороны. Гуманитарная миссия Армении в Сирии. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/gumanitarnaya-missiya-armenii-v-sirii/>.

Наряду с миссией в Алеппо армянское гуманитарное присутствие есть и в пригороде Дамаска – Дарайе. Здесь армянские специалисты в рамках структуры Службы ООН по вопросам разминирования (ЮНМАС) с декабря 2021 г. занимаются разминированием сельскохозяйственных земель и гражданских объектов. Присутствие армянских специалистов в составе этой миссии положительным образом воспринимается сирийскими властями, которые, со своей стороны, настояли на том, чтобы работами по разминированию занимались именно эксперты из Армении¹².

Конечно, решающее значение в вопросе отправки гуманитарной помощи и гуманитарных миссий в САР для Республики Армения имело присутствие армянской общины. Но тем не менее, как уже отмечалось, действия РА на сирийском направлении были продиктованы не только этим фактором.

Целью деятельности армянской миссии в Алеппо является оказание помощи всему сирийскому народу, а не исключительно армянской общине Сирии, что не раз подчеркивалось армянской стороной. Об этом говорилось и при отправке гуманитарных грузов, которые направлялись с отметкой «Братскому сирийскому народу с теплыми пожеланиями мира из Армении»¹³. Такая позиция РА, безусловно, была положительно воспринята сирийской стороной и способствовала в некотором плане армяно-сирийскому сближению.

На этом фоне произошло событие, которое также внесло большой вклад в дело укрепления армяно-сирийских отношений. Речь идет о единогласном принятии в феврале 2020 г. Народным советом САР резолюции, признающей и осуждающей геноцид армян в Османской империи¹⁴.

По мнению некоторых исследователей, на это решение повлиял политический контекст, а именно – очередное обострение турецко-сирийских отношений на фоне ситуации в Идлибе¹⁵. Но все же принятие сирийским парламентом резолюции, осуждающей геноцид армян, нельзя рассматривать исключительно в политической плоскости, особенно, если учитывать то обстоятельство, что серьезное ухудшение отношений между Сирией и Турцией произошло гораздо раньше этих событий. Кроме того, появление резолюции стало возможным благодаря активной работе Комитета сирийско-армянской дружбы и деятельности армянских структур в Сирии, направленной на формировании общественного мнения относительно проблемы признания геноцида¹⁶.

12 Петросян А.Г. Архив интервью автора (Ереван, 2019; Дамаск, Алеппо, 2022).

13 Гуманитарная помощь из Армении прибыла на авиабазу Хмеймим в Сирии. URL: <https://newsarmenia.am/news/armenia/gumanitarnaya-pomoshch-iz-armenii-pribyla-na-aviabazu-khmeymim-v-sirii/>.

14 Syria People's Assembly Resolution. URL: https://www.armenian-genocide.org/Affirmation.790/current_category.7/affirmation_detail.html.

15 Признание Сирией Геноцида армян стало ответом на действия Турции в Идлибе. URL: <https://am.sputniknews.ru/20200213/Priznanie-Siriey-Genotsida-armyan-stalo-otvetom-na-deystviya-Turtsii-v-Idlibe-22043425.html>.

16 Siriayi Khorhrdarani Hauyots tseghaspanutyan chanachman banadzev paymanavorvats e voch miayn artaqin, ayl naev nerqin gortsonov. A. Pashayan. URL: <https://www.tert.am/am/news/2020/02/17/pashayan/3212941> Петросян А.Г. Архив интервью автора (Ереван, 2019; Дамаск, Алеппо, 2022).

И, наконец, еще одним фактором, способным содействовать развитию армяно-сирийского сотрудничества, могло бы стать более активное участие армянской стороны в деле восстановления Сирии, например, посредством инвестиций армянских предпринимателей в отдельные отрасли экономики САР (в первую очередь сферы энергетики и недвижимости). Эти вопросы обсуждались в том числе и на встречах представителей армянского бизнеса с сирийским руководством¹⁷. Но все же пока значительного продвижения в этом направлении наблюдать не приходится в силу некоторых объективных причин, связанных с экономической и политической ситуацией в обоих государствах.

Но примечательно при этом то, что президент САР во время встречи с делегацией из РА в конце 2018 г. заявил, что позиция Армении в ходе конфликта и оказанная ею поддержка позволяют причислить ее к государствам, участие которых в деле постконфликтного восстановления Сирии будет наиболее предпочтительным¹⁸.

На это указывали и армянские исследователи, согласно которым гуманитарное присутствие Армении в Сирии создало возможности и преимущества для РА в период постконфликтного восстановления САР (в области здравоохранения, строительства и проч.) [8, с. 130].

ВЫВОДЫ

Армяно-сирийские отношения всегда характеризовались наличием традиционно дружественных связей между двумя странами и народами; контакты между ними уходят в глубь веков.

При этом в разные периоды истории эти отношения имели разную «наполненность». В советский период истории Армении речь шла лишь о культурных связях Армянской ССР и преимущественно с армянской общиной Сирии (хотя это, в свою очередь, создавало основу для развития армяно-сирийских отношений). После установления дипотношений между РА и САР для них был характерен высокий уровень официальных контактов и стремление наладить крепкое двусторонне сотрудничество в различных областях. В течение 2000-х гг. интенсивность этих контактов немного снизилась на фоне турецко-сирийского сближения, однако это не имело серьезных негативных последствий для отношений между Арменией и Сирией.

Новый импульс им был дан в период сирийского конфликта, когда в результате действий РА по оказанию гуманитарной помощи САР были созданы предпосылки для углубления политического сотрудничества и развития экономических отношений между двумя странами.

¹⁷ Assad voghjunel e Hayastani Janqer Hetpaterazmakan Siriayi Verakangman Gortsum. URL: https://www.azatutyun.am/a/29663016.html?fbclid=IwAR285_C0gf9R5a_i1iJ2EY2l3I9FheYixRcDx5R3CSzYKVZOSEFDUbLLFII.

¹⁸ Там же.

В целом с учетом позитивного настроя и сигналов, поступавших с обеих сторон, представляется, что армяно-сирийские отношения, несмотря на некоторые ограничители, сегодня имеют достаточно широкие перспективы развития. Основой этого развития будет служить традиционно положительное восприятие друг друга, фактор присутствия армянской общины в Сирии и, возможно, участие Армении в процессах восстановления САР.

Список литературы

1. Поладян А.П. Аль-алякат аль-арманийя: шарака тарихийя [Armenian-Syrian Relations: Historical Cooperation]. Дамаск: Дар Аш-Шарк, 2017. 166 с. [In Arabic]
2. Ghahriyan M., Vardanyan G. Armenia and Syria – What Shapes the Relations? Bulletin of the Institute of Oriental Studies. 2021. № 1 (XXXIV). P. 120–142.
3. Hayreniq – Spyurq Haraberutyunner. 1918 Takanits Minchev Mer Orer [Armenia – Diaspora Relations: From 1918 till current days]. Ed. by E. Minasyan. Yerevan: YSU Publishing House, 2017. 244 p. [In Armenian]
4. Hay Spyurq [Armenian Diaspora]. Ed. by H. Ayvazyan. Yerevan: Armenian Encyclopedia Publishing House. 2003. 732 p. [In Armenian]
5. Hovhannisan A. Hay-siriakan arevratntesakan haraberutyunner (1991–2011) [Armenian-Syrian Trade and Economic Relations (1991–2011)]. Bulletin of Yerevan university. International Relations, Political Science. 2014. P. 30–41. [In Armenian]
6. Hovhannisan N. Merdzavor Arevelqi ev Siriayi Haykakan Hamaynner u Nrants Herankarner [Armenian Communities of the Middle East and Syria and Their Prospects]. Crisis in Syria: Challenges for Christian Communities. World Council of Churches Conference. 2014. 12 p. [In Armenian]
7. Israelian A. Hay-Siriakan Divanaghitakan ev Qaghqaqakan Haraberutyunneri Patmutyunits (Dektember 1992–Mart 2011) [From the History of Armenian-Syrian Diplomatic and Political Relations]. Armenians of Syria. Ed. by A. Dakessian. Beirut: Haigazian University Press, 2018. P. 393–394. [In Armenian]
8. Grigoryan S. Siriakan Hakamartutyun 2011–2020 [The Syrian Conflict in 2011–2020]. Yerevan: YSU Press, 2020. 216 p. [In Armenian]
9. Topuzyan H. Siriayi ev Libanani Haykakan Gagtojakhneri Patmutyun [History of the Armenian colonies of Syria and Lebanon (1841–1946)]. Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR, 1986. 369 p. [In Armenian]

Информация об авторе

ПЕТРОСЯН Аида Гагиковна. Преподаватель Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. <https://orcid.org/0009-0007-4407-8554>.
Адрес: 119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., д. 26. aidapetrosyan05@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 4 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Poladian A. Armenian-Syrian Relations: Historical Cooperation. Damascus: Dar Al Sharq, 2017:166 [In Arabic].
2. Ghahriyan M., Vardanyan G. Armenia and Syria – What Shapes the Relations? Bulletin of the Institute of Oriental Studies. 2021; 1(XXXIV):120–142 [In English].
3. Armenia – Diaspora Relations: From 1918 till current days. Ed. by E. Minasyan. Yerevan: YSU Publishing House, 2017:244 [In Armenian].
4. Armenian Diaspora. Ed. by H. Ayvazyan. Yerevan: Armenian Encyclopedia Publishing House. 2003:732 [In Armenian].
5. Hovhannisan A. Armenian-Syrian Trade and Economic Relations (1991–2011). Bulletin of Yerevan university. International Relations, Political Science. 2014:30–4. [In Armenian].
6. Hovhannisan N. Armenian Communities of the Middle East and Syria and Their Prospects. Crisis in Syria: Challenges for Christian Communities. World Council of Churches Conference. 2014:12 [In Armenian].
7. Israeliyan A. From the History of Armenian-Syrian Diplomatic and Political Relations. Armenians of Syria. Ed. by A. Dakessian. Beirut: Haigazian University Press, 2018:393–39. [In Armenian].
8. Grigoryan S. The Syrian Conflict in 2011–2020. Yerevan: YSU Press, 2020:216 [In Armenian].
9. Topuzyan H. History of the Armenian colonies of Syria and Lebanon (1841–1946). Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR, 1986:369 [In Armenian].

About the author

Aida G. PETROSIAN. Lecturer at State Academic University for Humanities. <https://orcid.org/0009-0007-4407-8554>. Address: 26 Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russia. aidapetrosyan05@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 15, 2024. Approved after peer review: July 4, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 327.7

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-173-187](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-173-187)

Исторические науки

Против кого на самом деле мобилизовывалась польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.?

Яков Яковлевич Гришин^{1a}✉, Валерий Алексеевич Летяев^{2b}✉

¹ Казанский федеральный университет, Казань, Россия

² Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

^a grishin.42@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>

^b valerii@letiaev.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7540-3099>

Аннотация. Статья приурочена к 85-летию со дня начала Второй мировой войны, проблематика которой остается актуальной, особенно в силу современного противоборства Запада с Россией. В политическом, общественном и научном дискурсе вину за поражение Польши зачастую возлагают на СССР. Авторы обращают внимание на ряд фактов, связанных с подготовкой Польши к будущей войне, на планы Восток («Всхуд») и Запад («Захуд»), мобилизационные планы польской армии перед войной 1939 г. Основываясь на материалах документов, мемуаров, научных исследований, авторы ставят целью ответить на вопрос: против кого на самом деле была мобилизована польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.?

Ключевые слова: международные отношения, Польша, Пилсудский, Рыдз-Смиглы, Бек, «Захуд», «Всхуд», мобилизационные планы, осадники

Для цитирования: Гришин Я.Я., Летяев В.А. Против кого на самом деле мобилизовывалась польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.? // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 173–187, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-173-187](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-173-187)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-173-187](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-173-187)

Historical Sciences

Against Whom Was the Polish Army Actually Mobilized on the Eve of the “September Catastrophe” of 1939?

Iakov Ia. Grishin^{1a✉}, Valerii A. Letiaev^{2b✉}¹Kazan Federal University, Kazan, Russia²Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia^agrishin.42@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>^bvalerii@letiaev.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7540-3099>

Abstract. The article is dedicated to the 85th anniversary of the outbreak of World War II. This issue remains relevant, especially due to the current confrontation between the West and Russia. In political, public and scientific discourse, the USSR is often blamed for Poland's defeat. The authors draw attention to a number of facts related to Poland's preparation for the future war, the plans East ("Wskhud") and West ("Zahud"), the mobilization plans of the Polish army before the war of 1939. Using documents, memoirs and scientific research, the authors aim to answer the question: against whom was the Polish army actually mobilized on the eve of the "September catastrophe" of 1939?

Keywords: international relations, Poland, Pilsudski, Rydz-Śmigły, Beck, "Zahud", "Wskhud", mobilization plans, settlers

For citation: Grishin Ia.Ia., Letiaev V.A. Grishin Ia.Ia., Letiaev V.A. Against Whom Was the Polish Army Actually Mobilized on the Eve of the “September Catastrophe” of 1939? Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 173-187, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-173-187

Введение

В 2024 г. исполняется 85 лет со дня начала Второй мировой войны. Об этом событии написано огромное количество научных трудов, в том числе и в Польше. В ее современной литературе мы читаем о том, что вина за начало германской агрессии и за поражение Польши зачастую возлагается на Советский Союз, в силу подписания им Договора с Германией 23 августа 1939 г. Такая трактовка абсолютно не выдерживает критики, не корректна и не объективна. Она не учитывает множество фактов, в том числе политику «умиротворения» Германии, которую проводили Франция и Великобритания, идеологом которой был Невилл Чемберлен. Эта политика была направлена на «поддержание мира в Европе» путем мелких уступок нацистской Германии. Гитлер использовал эту политику, пытаясь предотвратить создание франко-польского военного союза, направленного против его страны. Такая политика не остановила Гитлера, и 28 апреля 1939 г. он объявил о расторжении договора 1934 г. с Польшей о ненападении. И уже после

этого, в августе 1939 г., начались переговоры Германии с Советским Союзом о заключении Договора о ненападении.

Причины начала Второй мировой войны, поражение в ней Польши лежат в иной плоскости, в том числе их можно поискать и в самой Речи Посполитой. Гитлер, очевидно, предложил бы иной план, прежде чем развязать войну против государства развитого, сильного – как в экономическом, так и в военном плане, имеющего надежных союзников, в том числе и в лице Советского Союза.

Уже в то время многие в Европе понимали, что в предстоящей схватке с Германией Польша неизбежно потерпит поражение по причине ее отсталости во всех отношениях, неподготовленности в военном плане. И для того, чтобы в этом убедиться, достаточно рассмотреть только проблему мобилизации польских вооруженных сил накануне войны.

В литературе эта проблематика получила рассмотрение во многих работах на русском и других языках, прежде всего польском. Для цели нашего исследования были привлечены работы следующих авторов, в которых рассматривалась сходная с целью статьи проблематика. На русском языке – работы советских, российских и иностранных ученых: Х.Болдуин [1], Л.Гарт [2], А.Дыбковская [3], Т.Ендрушчак [4], З.Залуский [5], Л.М.Ламов [6], М.И.Мельтиюхов [7], Ю.Мухин [8], Д.М.Проектор [12], Э.Радецкий [14], К.Типпельскирх [15], Дж.Ф.С.Фуллер [16], У.Ширер [17]. Работы польских ученых на польском языке: Е.Дурасчыński [18], Т.Юрга [19], Т.Мачалски [20], F.Реплоński [21], W.Робог-Малиновски [22], А.Прагловски [24], М.Станiewicz [26], немецкого историка Н.Снайдер [27], материалы научной конференции, проходившей по инициативе Министерства национальной обороны Польши в 1959 г. («Sesja naukowa poświecona wojnie wyzwoleńczej narodu polskiego 1939–1945» [25]), и конференции в Польской академии наук в 1966 г. «Wojna wyzwoleńcza narodu polskiego w latach 1939–1945. Więzlowe problemy» [28]. В той или иной степени вышеупомянутые авторы рассматривали вопросы, связанные с мобилизационными мероприятиями в Польше. Проведенное исследование опиралось на уже сделанные в науке другими исследователями выводы, а также позволило получить научные результаты в соответствии с заявленной целью.

Авторами статьи была идентифицирована научная проблема, заключающаяся в том, что у многих исследователей проблема «скрытой мобилизации» вообще не рассматривалась. В литературе не делался акцент на том, что Польша готовилась к войне не с Германией, а с СССР. Кроме того, выявлено, что в научной литературе имеются большие разнотечения в отношении численности мобилизованных частей польской армии. Это имеет большое значение для оценки причин поражения Польши, поскольку польское командование не успело своевременно перебросить соединения с востока на запад.

Целью статьи является определение значения мобилизации польских вооруженных сил накануне Второй мировой войны и ее роли в поражении страны в войне с Германией, ответ на вопрос о том, против кого на самом деле была мобилизована польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г.

Статья авторов является первой из двух последовательно публикуемых в двух номерах данного журнала работ, посвященных польской мобилизации 1939 г. Соответственно, более подробный анализ литературы представлен в первой статье, а во второй перечислены основные авторы, выводы которых были использованы в ней.

Материалы и методы исследования

Материалами для предлагаемой статьи стали: документы (прежде всего, это издание «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы», опубликованное в 2-х томах в Москве в 1990 г.¹, а также тексты документов, представленные в опубликованных работах других авторов, прежде всего польских, а также данные немецкого военного журнала «Die Gebirgsgruppe», которые приводил Х.Болдуин [1]); документы также и в издании «Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej»²; источники личного происхождения: военный дневник Ф.Гальдера³, воспоминания советского дипломата И.М.Майского⁴, мемуары У.Черчилля⁵, мемуары министра иностранных дел Польши Юзефа Бека (в записи его секретаря, представленные в работе E.Duraczyński [18]), воспоминания Z.Zaremby (Wojna i konspiracja)⁶, запись Т.Арцишевского – первого заместителя министра иностранных дел Польши, о беседе с советским полпредом Н.И.Шароновым в Варшаве 1 сентября 1939 г. (опубликованы в издании «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы», в Москве в 1990 г.)⁷; материалы СМИ Польши (молодежная газета «Бунт Младых», газета «Курьер Виленский», материалы которых представлены из работы Л.М.Ламова [6]); Директивы Браухича о плане нападения 3 июля 1939 г.⁸, опубликованные в Военно-историческом журнале в 1969 г., данные о мобилизационном плане Польши, представленные в издании «Wojna wyzwolenie narodu polskiego w latach 1939–1945» [28]; научная литература, представленная работами советских, российских и зарубежных авторов.

Применение общенациональных методов анализа и синтеза позволило исследовать эти базовые документы, источники личного происхождения, материалы СМИ для достижения цели исследования. Систематизация и сравнительный метод применялись для понимания системности и эффективности деятельности по проведению мобилизации, выявления различий в численности мобилизованных частей польской армии и их верификации, сопоставлявшихся в разных научных и документальных источниках, а также источниках личного происхождения. Историко-генетический метод использовался для понимания генезиса и характерных черт процесса мобилизации.

1 Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы: В 2-х томах. М., 1990.

2 Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej. Tom 1. Cz. 1. London, 1951.

3 Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. М., 1968.

4 Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1987.

5 Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1997.

6 Zaremby Z. Wojna i konspiracja. London, 1957.

7 Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. В 2-х томах. М., 1990.

8 Директивы Браухича о плане нападения 3 июля 1939 // Военно-исторический журнал. 1969. № 8.

зации на разных ее этапах, включая ее «скрытую» часть, выявления обусловленности исследуемого процесса политическими, идеологическими, экономическими факторами влияния. Применялся также метод SWOT-анализа для оценки внутренних и внешних факторов, которые оказывали влияние на принятие решений в Польше в этот период. Это позволило рассмотреть сильные и слабые стороны политики страны, возможности и угрозы, существовавшие для Польши в 1930-е гг.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования выявлен целый ряд научных проблем, связанных с исследованием мобилизации Польской армии накануне и в начале Второй мировой войны.

Армия любого государства имеет свои стратегические цели, задачи, направления и в этом плане Войско польское не являлось исключением. У Польши было два основных направления: Восток («Всхуд») и Запад («Захуд»). При этом, как отмечал польский писатель Збигнев Залуский, Восток был главным направлением:

Польша – как буржуазно-помещичье государство на всем протяжении своего существования была обращена фронтом на Восток. Из опасения за свое господство над захваченными на Востоке землями правительство буржуазной Польши сосредоточивало свое внимание, свои усилия, свои силы на восточной границе [5, с. 45].

Действительно, в течение всего межвоенного двадцатилетия правящие круги Польши разжигали ненависть к Советскому Союзу. Установка, что он ее главный внешний противник, становится кредо деятельности лиц, ответственных за оборону польского государства, становится одной из основных систем боевой подготовки и воспитания армии. Это находило выражение в соответствующих актах тогдашних государственных властей, а также в содержании соответствующих приказов и пунктов военных уставов, о чем будет подробнее рассмотрено ниже.

«Санационные» средства массовой пропаганды систематически публикуют статьи, касающиеся вопросов подготовки к войне против СССР. Одна из первых появляется еще за 10 лет до начала гитлеровской агрессии против Польши.

Обращает на себя внимание тот факт, что авторы многочисленных антисоветских публикаций изображают Советский Союз слабым, переживающим кризис государством. Это свидетельствовало о недооценке СССР, что вело к широко распространенным хвастливым заявлениям типа: «С Советами мы всегда справимся». Один из них авторов – полковник А.Малышко, который уверенно утверждал, что поляки всегда справятся с восточным врагом, «имея таких замечательных солдат, как наши ребята». Правда, он далее оговаривался, что его можно победить, «если только будем хранить согласие в своем собственном доме» [26, с. 208]. Следовательно, не все было благополучно в польском государстве. Как пишет М.Станевич,

напрасным делом было бы искать в «Пшегленде пехоты» или в других военных журналах статьи о борьбе против немецкой пехоты. Такие вопросы не интересовали ни санационных практиков, ни санационных теоретиков. Зато в Германии были изданы произведения Пилсудского, специально подготовленные польским генштабом и снабженные предисловием... Геринга (предисловие к немецкому изданию книги Пилсудского «Год 1920» было написано фельдмаршалом фон Бломбергом) [26, с. 208].

В антисоветском духе воспитывалась молодежь, которая подхватывала лозунги взрослых. Так, молодежная газета «Бунт Младых» опубликовала призыв «Мы должны уничтожить Россию и за ее счет приобрести земли». Такие призывы поддерживает газета «Курьер Виленский». В ней, в частности, писалось, что молодежь делает правильно, стремясь осуществить планы маршала Пилсудского о разгроме Советской республики [21]. Такие планы строили польские правящие круги. Так воспитывали они молодежь в духе войны с СССР.

И эта политика не ограничивалась антисоветской пропагандой. В Польше долгие годы, еще при жизни Пилсудского, усиленно разрабатывался план войны с восточным соседом как с главным противником, под кодовым названием «Всхуд». Его подготовку завершают (после многолетней подготовки) накануне гитлеровского наступления (март 1939 г.). Парадокс: со страной, которая абсолютно не угрожала полякам, они собирались воевать.

Факт того, что СССР не представлял угрозы полякам, подтверждал сам польский министр иностранных дел Юзеф Бек еще в 1937 г. Он не опасался, как записал его секретарь, «чтобы война пришла со стороны России». В сентябре того же года, давая выход своим убеждениям о слабости СССР, он говорил, что договора 1932 г. о неагgression нам достаточно [18, с. 96].

В соответствии с этим планом разрабатывались оперативные задания, велись картографические работы, в антисоветском духе готовился личный состав польской армии, активно работала на советском направлении польская разведка [21], проводились маневры и учения. Даже в условиях очевидной угрозы Германии политика польского руководства оставалась неизменной. В соответствии с планом «Всхуд» значительная часть финансовых и материальных средств предназначалась на подготовку войны против СССР. На границе с нашей страной возводились новые стратегические железнодорожные ветки, шоссейные и грунтовые дороги, мосты, хлебопекарни, склады и т.д. Кроме того, как отмечал Л.М.Ламов,

увеличивается сеть аэродромов. Правительство стремится к тому, чтобы иметь один аэродром на каждые 40 километров границы. Из 390 аэродромов, сооруженных в Польше, 242 аэродрома находятся на польско-советской границе [6, с. 132].

Строительство на восточном направлении прервали лишь в апреле 1939 г., что подтверждается самими польскими исследователями [28, с. 99], т.е. за 4 месяца до гитлеровской агрессии.

Подготовка к войне с СССР служил и Закон об охране пограничных районов, принятый 9 июня 1936 г. Ссылаясь на этот закон, местные старосты, как пишет Л.М.Ламов, по своему усмотрению массами выселяли из обозначенной зоны крестьян – белорусов и украинцев. Такими жесткими методами «санация» стремилась обеспечить себе «спокойствие в тылу» [6, с. 132]. Этому же служила и система военного поселенчества, которая стала внедряться вскоре же после захвата и оккупации в 1920 г. украинских и белорусских земель. Его суть заключалась в том, что в Западной Украине и Западной Белоруссии бесплатно выделялись крупные наделы (20–25 га) лучшей и удобной для обработки земли военным колонистам, которых стали называть «осадниками». Им в 1939 г. принадлежало свыше 360 тыс. га действительно лучшей земли [6, с. 62]. Они подбирались из среды бывших польских легионеров, офицеров и унтер-офицеров запаса, большинство из которых в 1920 г. воевало против Советской России, а также жандармов, полицейских, чиновников и других «благонадежных польских элементов» [14 с. 81; 10 с. 37]. Осадники создавали многочисленные хутора, получали средства для организации крепкого кулацкого хозяйства [11, с. 20]. Польское правительство опиралось на осадников в проведении политики как колонизации Западной Украины и Западной Белоруссии, так и полонизации. Из их среды подбирались волостные старшины. Хозяйства осадников служили своеобразными опорными пунктами для польских военных в подготовке войны с СССР, а их владельцы являлись своеобразными политическими агентами, доносившими обо всех «неблагонадежных элементах». Ими не гнушалась и польская разведка [11, с. 26; 10, с. 37]. Кстати, украинское и белорусское крестьянство ненавидело осадников и называло их псами [9, с. 26]. Очевидно, «санационное руководство» тешило себя безумной идеей «похода против большевиков». А польскую армию ориентировали на борьбу против Советского Союза, с чем согласны российские и польские исследователи [13, с. 38; 28, с. 132].

Для точности оценок отметим, что еще при Пилсудском возникали попытки разработки планов и в отношении Германии. Но они так и остались разработками и не превратились в план «Захуд». К нему вернулись за пять с небольшим месяцев до польской катастрофы. «Санационное руководство» к укреплению западных границ проявляло удивительную беспечность, повернувшись к ней спиной и одновременно заявляя, что Польша «находится в безопасности», что подтверждают результаты исследования польских авторов, например М.Станевича [26, с. 208]. Западное направление было совершенно заброшено вплоть до начала 1939 г. То есть, по большому счету, плана обороны от агрессии Германии не существовало. Также и З.Залуский отмечал: «Наше правительство бездействовало, когда необходимо было подготовить западную границу к обороне» [5, с. 45].

На план «Захуд» жизнь заставила поляков обратить внимание за 11 дней до ликвидации Чехословакии Гитлером, то есть 15 марта 1939 г. К этому времени рейх был уже иным, чем в момент прихода нацистов к власти. Исходя из того, что германский военный потенциал в 1939 г. превосходил польский в два раза, Речь Посполитая уже не смогла бы без помощи союзников вести войну с Германией. Однако они полагали,

что слишком быстрой военной помощи западных стран не следует ждать и расчет на себя, чтобы продержаться. Следовательно, план был оборонительным.

Сражение главных сил предполагалось вести на западной территории страны в три этапа. На первом этапе предполагалось задержать движение немецких войск к главной линии обороны. Вести борьбу до вступления в нее Англии и Франции – 40 французских дивизий по договоренности начнут после 15 дней мобилизации, а бомбардировки английской авиации планировалось осуществить в первые дни войны. На втором этапе предполагался отход польских армий на главные позиции (110–240 км), чтобы затянуть борьбу до момента оттягивания французами из Польши германских войск. На третьем этапе поляки, как пишет Л.Гарт, рассчитывали на успех контрударов⁹, на которые, по их мнению, была способна польская армия – несмотря на нехватку средств механизации [2, с. 51].

Вместе с тем не были отработаны оборонительные действия внутри страны в случае необходимости оставления главной позиции. Существовало лишь общее видение, которое не довели до сознания исполнителей, то есть командармов. Намерение верховного главнокомандующего не представляло продуманного и отработанного целостного плана. До начала войны сумели подготовить общие принципы плана и задачи оперативных соединений на первой фазе войны, а также план перевозок, связи и т.д. Ни одна из частей плана не была перед войной «проиграна» ни высшим командованием, ни их штабами, ни армией.

План «Захуд» в ходе отработки подвергся определенным изменениям. В итоге, как констатировал польский исследователь Т.Махальский, по плану эшелон польского фронта обороны создавали такие армии, как «Модлин», «Поможе», «Познань», «Лодзь», «Прусы», «Карпаты», «Краков», плюс оперативная группа «Нарев», резерв верховного командования – «Вышкув», резерв «Кутно» [20, с. 143-144].

Вслед за исполнительными указаниями, касающимися исходных группировок войск, были предприняты и мобилизационные меры. Вообще, мобилизационная система, действовавшая в Польше накануне войны, во многом отставала от мобилизационных систем других капиталистических стран. В основе мобилизационных планов Польши, как писали К.Типпельскирх и другие авторы, лежала военно-теоретическая концепция, согласно которой считалось, что будущая война начнется так же или почти так же, как и Первая мировая война, то есть пройдя «классические» стадии мобилизации, сосредоточения, развертывания вооруженных сил и, наконец, собственно начала военных действий [11, с. 134; 15, с. 24].

Как отмечал Дж.Ф.С.Фуллер, поляки продолжали мыслить категориями неторопливых военных действий [16, с. 72]. Однако германское командование, по мнению К.Типпельскирха, не сбиралось понимать войну в такой устаревшей форме [15, с. 24].

Польский план мобилизации предусматривал приведение вооруженных сил в состояние боевой готовности как на всей территории страны, так и на территории одного или нескольких корпусных округов. Мобилизационный план отягощали клас-

совые и национальные нюансы: предусматривалось обязательное пропорциональное перемещение в составе отдельных подразделений классовых и национальных элементов. Это должно было обеспечить большую боевую способность армии в столкновении с конкретным противником.

Определяя причины поражения Польши в сентябре 1939 г., исследователи В.Побуг-Малиновски и Т.Ендрушчак указывали на одну из главных из них – слишком поздно начата всеобщая мобилизация. Объявленная 30 августа, она проводится 31 августа. Причем виновниками в данном случае выступают англичане и французы, которые оказали нажим на поляков, чтобы не «гневить» раньше времени Гитлера (ведя с ним переговоры) и не провоцировать его [22, с. 36; 4, с. 231]. Отрицать факт задержки всеобщей мобилизации нет необходимости. Он имел место. Однако в данном случае не принимается во внимание то, что польское военное командование еще за пять месяцев до начала войны использовало второй вариант, на что обращали внимание М.И.Мельтиюхов [7, с. 337-338], К.Типпельскирх [15, с. 16] и В.Побуг-Малиновски [22, с. 36], то есть засекреченную, «тихую», скрытую, постепенную или частичную мобилизацию.

Их всего было проведено четыре. 23 марта 1939 г. командующие оперативными соединениями получают указания в отношении обороны вверенной им территории. Наряду с исполнительными директивами строго оперативного характера проводится первая скрытая мобилизация, причем за 36 дней до денонсации Гитлером пакта о ненападении (1934 г.) и за пять с небольшим месяцев до начала войны. Отмобилизовывалось тогда несколько дивизий и одна кавалерийская бригада (КБ). Созданы штабные подразделения нескольких армий, осуществлялось первое передвижение польских войск к западной границе. Вторая частичная мобилизация проходила 13–18 августа, когда войска были сосредоточены ближе к Гданьску. Третья скрытая мобилизация осуществлялась 23 августа и коснулась всех армий, а также резервов верховного командования, авиации, ПВО, железнодорожных войск, штабов армий. Спустя три дня началась четвертая секретная мобилизация: войска двигались в район сосредоточения, шла их перегруппировка. 30 августа вышел приказ о занятии армиями и оперативными группами первого эшелона исходных позиций. Как видим, польское командование проводило мобилизацию полным ходом. М.И.Мельтиюхов писал, что мобилизация в Польше проводилась в тайне и от своих союзников, которые опасались, что эти действия Варшавы могут подтолкнуть Германию к войне [7, с. 338].

Но для Германии это не было секретом. В Берлине за этим внимательно следили. Есть дневниковые записи начальника штаба сухопутных сил Германии Ф.Гальдера. Он писал 15 марта 1939 г.:

Последние данные о Польше. Мобилизация в Польше будет закончена 27 августа. Следовательно, мы отстанем от поляков с окончанием мобилизации. Чтобы закончить мобилизацию к тому же сроку, мы должны начать ее 21 августа, тогда 27 августа наши дивизии 3-й и 4-й линии также будут готовы¹⁰.

Ф.Гальдер вел свои записи не для пропагандистских целей. Он нес ответственность за подготовку войны с Польшей и в случае срыва мобилизации мог поплатиться не только своей карьерой.

Благодаря скрытой мобилизации в Польше создается определенное число соединений военного времени, формируются предусмотренные планом резервные части (полки, отдельные батальоны и артиллерийские дивизионы, и их до поры причислили к кадровым соединениям). Было предусмотрено, как писал К.Типпельскирх, объединение резервных частей в 10 дивизий [15, с. 16]. По Д.М.Проектору, к утру 1 сентября мобилизационный план выполняется на 60% [13, с. 42].

Но об этой стороне вопроса во многих исследованиях вообще нет упоминаний.

Можно без труда представить ситуацию в Польше, если бы не была проведена предварительная подготовка. Немцам, очевидно, хватило бы нескольких дней, максимум недели, чтобы полностью оккупировать страну.

Анализируя проблемы мобилизации польской армии, следует помнить, что на ее задержку повлияла не только позиция Лондона и Парижа, но также экономическая слабость страны. Немалую роль сыграли опасения перед чрезмерными расходами, связанными с содержанием в течение длительного времени мобилизационной армии. В результате второй день мобилизации совпал с началом германской агрессии [28, с. 138].

Как показала реальность, мобилизационные вопросы решались в стране не лучшим образом, в том числе и с размещением мобилизационных баз, складов. Не все было благополучно и со строительством фортификационных сооружений. Только часть намеченных работ была выполнена из-за опоздания с кредитами. Выделенные миллионы оказались бесполезными. Отметим, что силы первого эшелона разворачиваются вдоль всей главной линии обороны протяженностью 1 500 км. Ширина полосы обороны пехотной дивизии колебалась от 12 до 70 км. В среднем на одну дивизию приходилось до 41 км фронта обороны. В результате на главном направлении удара германских танковых группировок находилась одна 7-я пехотная дивизия с задачей обороны полосы шириной 35 км. На направлениях, где были сосредоточены главные усилия обороны (в рамках отдельных оперативных направлений), было развернуто около 50% пехоты и артиллерии и 70% танков.

Из сопоставления этих цифр легко сделать вывод, что разработанная главным командованием концепция польской оборонительной группировки была более чем рискованной. Ввиду ограниченности имеющихся сил, в сопоставлении с растянутым фронтом, такая группировка вела не к их сосредоточению, а к распылению [19, с. 288-289].

В соответствии с выводом К.Типпельскирха,

такое распыление армии, которая хотела все прикрыть и нигде не была сильной, не могло привести к успеху в войне против превосходящего, целеустремленно наступающего противника. Если, вообще, стоит говорить о какой-то стратегической ценности этого плана, его следует объяснить только совершенно явной недооценкой сил и возможностей противника [15, с. 24].

В отличие от польского, немецкое командование на «каждом из отдельных оперативных направлений для нанесения главного удара сосредоточило от 80 до 90% пехоты и артиллерии и 100% танков. В целом же оно сосредоточило для наступательных действий на основных направлениях около 80% пехоты, свыше 80% артиллерии и 100% танков. Немцы сумели создать серьезный перевес сил и средств. Польское же расположение сил являлось роковым. Т.С.Юрга вообще пишет, что они были распылены [19, с. 288-289]. Имелась также низкая оперативность. А между внутренними флангами – разрывы до нескольких десятков километров. На практике все это означало отказ от активных оборонительных действий в пользу пассивной обороны [19, с. 288-289], что подтверждает и Д.М.Проектор [13, с. 42]. Осуществление поляками своего рокового плана «дало немцам возможность достичь на отдельных оперативных направлениях такого соотношения сил, которое не позволило предпринять какую-либо попытку противодействий с польской стороны» [13, с. 42]. Следует подчеркнуть, что существенное влияние на развертывание польских сил вдоль фронта длиной около 1 500 км, а также на формирование основной позиции обороны вдоль границ с Германией оказали, наряду с военными и экономическими соображениями, также и политические, показывавшие между другими создание видимой обороны ни много ни мало каждой пяди земли.

Приведем мнение французского военного специалиста Л.Файри, многолетнего директора наук высшей военной школы в Варшаве (1921–1928 гг.), по вопросу обороны западных территорий Польши:

Без учета того, что хочет предпринять польское командование в оборонительной войне с Германией, очевидными являются два момента и в отношении их не может быть сомнений и колебаний. Полякам нельзя оставлять никаких сил в Поморском коридоре, ибо они будут прижаты к Висле и отрезаны, нельзя выдвигать силы к оперативному мертвому познанскому выступу, так как противник их окружит, отрежет от основных сил и разобьет поодиночке [24, с. 79].

Вопреки мнению Л.Файри, примерно третья часть всех польских сил

была сосредоточена в пределах именно Польского коридора (или поблизости от него), где войска подвергались риску двойного охвата – со стороны Восточной Пруссии и с Запада. Слабость сил первого эшелона, а также их ошибочное развертывание не компенсировали ни резервы оперативных соединений (все армии и оперативные группы были сосредоточены в один кулак), ни резервы Эдварда Рыдз-Смиглы. Об этом свидетельствовал не только численный состав резервов, но также их малая подвижность и ударная сила. Это были исключительно пехотные дивизии и кавалерийские бригады. Отсутствие же противотанковых средств становилось одной из наибольших слабостей системы польской обороны. Неблагоприятной была также система командования, принятая в польском плане. Его слабость усиливалась старые средства связи и их количество. Основой центральной системы связи в Польше становились проводные

средства, столбовые воздушные линии. Их главные узлы находились в больших населенных пунктах, именно они в первую очередь были мишенью для германской бомбардировочной авиации. Следовательно, можно считать, что уже в период борьбы за основную линию обороны руководить вооруженными силами будет трудно. А после ее оставления и в период отступления руководство может быть полностью парализовано [28, с. 138].

Подводя итог рассмотрению двух планов, отметим, что план «Всхуд», если смотреть объективно, в своей основе был для Польши очень рискованным. И в первую очередь потому, что до последних дней, предшествовавших началу войны, более половины соединений польской армии продолжали дислоцироваться в восточных районах страны и были нацелены против СССР.

Так, по данным российских исследователей, восточнее польской столицы, недалеко от границ СССР, поляки имели 17 кадровых, 5 резервных пехотных дивизий, 7 кавалерийских бригад и 1 танко-моторизованную бригаду, то есть 30 соединений. Чуть западнее Варшавы и в ее районе располагалось 13 кадровых, 4 резервных пехотных дивизии, 4 кавалерийских бригады и 1 танковая моторизованная – 22 соединения [13, с. 38; 11, с. 148]. Д.М.Проектор обратил внимание на то обстоятельство, что в соответствии с мобилизационным планом воинские соединения, расположенные на востоке, следовало одновременно перебрасывать по нескольким железным дорогам на запад через всю страну на расстояние 500–800 км. Для этого требовалось в общей сложности до 700 эшелонов [13, с. 39].

Расплата последовала незамедлительно, поскольку польское командование не успело своевременно перебросить соединения с востока на запад. Обратим внимание на то обстоятельство, что имеются большие разнотечения в отношении численности мобилизованных частей польской армии.

ВЫВОДЫ

Мобилизация польских вооруженных сил накануне Второй мировой войны проводилась в четыре этапа. Присутствовала и «скрытая мобилизация», фактическая сторона которой многими исследователями не рассматривалась. В научной литературе, прежде всего польской, не делался акцент на том, что Польша готовилась к войне с СССР, а не с Германией. А это имеет большое значение в оценке причин поражения Польши, поскольку польское командование не успело своевременно перебросить соединения с востока на запад, что существенным образом повлияло на поражение страны в войне с Германией, помимо ее неподготовленности в экономическом, социально-политическом, идеологическом планах. План «Всхуд» для Польши оказался крайне рискованным. До начала войны с Германией более половины состава польской армии было нацелено на СССР и находилось на восточной границе.

Исходя из этого, можно заключить, что на самом деле польская армия накануне «сентябрьской катастрофы» 1939 г. была мобилизована против СССР, что и стало роковой ошибкой правительства Польши, приведшей к катастрофическому для нее результату, ставшему и началом Второй мировой войны.

Список литературы

1. Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные [Battles won and lost]. М., 1997.
2. Гарт Л. Вторая мировая война [The Second World War]. М., 2002.
3. Дыбковская А. История Польши с древнейших времен до наших дней [History of Poland from ancient times to the present day] / А.Дыбковская, М.Жарын, Я.Жарын; под ред. А.Сухени-Грабовской, Э.Ц.Круля. Варшава: Научное издательство ПВН, 1995. 380 с.
4. Ендрушчак Т. Польша перед лицом немецкой угрозы [Poland facing the German threat] // История военного дела в Польше: избранные вопросы: диссертации, очерки. Варшава: Изд-во Министерства национальной обороны Польской Народной Республики, 1970. 594 с.
5. Залуский З. Пропуск в историю [Pass to history]. М., 1967.
6. Ламов Л.М. Польша и ее армия [Poland and its army]. М., 1937.
7. Мельтихов М.И. Советско-польские войны [Soviet-Polish wars]. М., 2004.
8. Мухин Ю. Крестовый поход на восток. Жертвы второй мировой войны [Crusade to the East. Victims of World War II]. М., 2004.
9. На освобожденной земле [On the liberated land] // Спутник агитатора. 1939. № 19.
10. На освобожденной земле [On the liberated land] // Спутник агитатора. 1939. № 18.
11. Начальный период войны [The initial period of the war]. М., 1974.
12. Проектор Д.М. Германо-польская война [German-Polish War] // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 15-27.
13. Проектор Д.М. Война в Европе. 1939–1941 [War in Europe. 1939–1941]. М., 1963.
14. Радецкий Э. Западная Украина и Западная Белоруссия [Western Ukraine and Western Belarus] // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 11.
15. Типпельскирх К. История второй мировой войны [History of the Second World War]. Т. 1. СПб., 1996.
16. Фуллер Дж.Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 [Second World War 1939–1945]. М., 1956.
17. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха [The Rise and Fall of the Third Reich]. М., 2003.
18. Duraczyński E. Polska w przedwrośnieowej Ewropie [Poland in Pre-September Europe] // Nowe drogi. 1989. № 8.
19. Jurga T. Obrona Polski. 1939 [Defence of Poland. 1939]. Warszawa, 1990.
20. Machalski T. Pod prąd. Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 roku [With the flow. Lights and Shadows of the September Campaign of 1939]. London, 1964.
21. Peplowski F. Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939 [Polish Intelligence in the USSR 1921–1939]. Warszawa, 1996.
22. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski [The Contemporary Political History of Poland]. Т. II. London, 1967.
23. Polskie sily zbrojne w drugiej wojnie światowej [Polish Armed Forces in the Second World War]. Tom 1. Cz. 1. London, 1951.
24. Pragłowski A. Kampania wrześniowa [The September Campaign] // Kultura. Paryż. 1959. № 9.
25. Sesja naukowa poświecona wojnie wyzwolenie narodu polskiego 1939–1945 [Scientific session devoted to the liberation war of the Polish nation 1939–1945]. Warszawa. Wydawnictwo ministerstwa obrony Narodowej, 1959.
26. Staniewicz M. Klęska wrześniowa Klęska wrzesińska na tle stosunków międzynarodowych 1938–1939 [The September Klęska in the context of international relations 1938–1939]. Warszawa, 1952.
27. Sznajder H. Gedanken zur operativen Lage Polens «Militärwissen szattliche Rundszan» [The experiences of the operative Polish people «Militärwissen szattliche Rundszan»]. 1942. Z. 3.
28. Wojna wyzwoleniowa narodu polskiego w latach 1939–1945. Problemy wyzwoleniowe [The liberation war of the Polish nation in the years 1939–1945. Więzlowe problemy]. Red. Nauk. E. Wiśniewski. Warszawa, 1966.

Информация об авторах

ГРИШИН Яков Яковлевич. Доктор исторических наук. Профессор. Профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>. Адрес: 420111, Российская Федерация, Казань, ул. Пушкина, 1/55, grishin.42@mail.ru

ЛЕТИЯЕВ Валерий Алексеевич. Доктор юридических наук. Кандидат исторических наук. Профессор. Профессор Дипломатической академии МИД России, <https://orcid.org/0000-0001-7540-3099>. Адрес: 119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1, valerii@letiaev.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 июля 2024 г. Одобрена после рецензирования: 20 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Baldwin H. Battles won and lost. Moscow, 1997 [In Russian].
2. Garth L. The Second World War. Moscow, 2002 [In Russian].
3. Dybkovskaya A. History of Poland from ancient times to the present day / A.Dybkovskaya, M.Zharyn, Ya.Zharyn; edited by A.Sucheni-Grabowska, E.Ts.Krul. Warsaw: Scientific Publishing House PVN, 1995:380 [In Russian].
4. Jędruszczak T. Poland facing the German threat. History of military affairs in Poland: selected issues: dissertations, essays. Warsaw: Publishing House of the Ministry of National Defense of the Polish People's Republic, 1970:594 [In Russian].
5. Załuski Z. Pass to history. Moscow, 1967 [In Russian].
6. Lamov L. M. Poland and its army. Moscow, 1937 [In Russian].
7. Meltyukhov M.I. Soviet-Polish wars. Moscow, 2004 [In Russian].
8. Mukhin Yu. Crusade to the East. Victims of World War II. Moscow, 2004 [In Russian].
9. On the liberated land. Sputnik agitatora [Agitator's companion]. Moscow, 1939; 19 [In Russian].
10. On the liberated land. Sputnik agitatora [Agitator's companion]. Moscow, 1939; 18 [In Russian].
11. The initial period of the war. Moscow, 1974 [In Russian].
12. Proektor D.M. German-Polish War. Voenno-istoricheskiy zhurnal [Military History Journal]. 1959; 9:15-27 [In Russian].
13. Proektor D.M. War in Europe. 1939-1941. Moscow, 1963 [In Russian].
14. Radetsky E. Western Ukraine and Western Belarus. Mirovoe hozyajstvo i mirovaya politika. [World Economy and World Politics]. 1939; 11 [In Russian].
15. Tippelskirch K. History of the Second World War. Vol. 1. St. Petersburg, 1996 [In Russian].
16. Fuller J.F.S. Second World War. 1939-1945. Moscow, 1956 [In Russian].
17. Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. Moscow, 2003 [In Russian].
18. Duraczyński E. Poland in Pre-September Europe. Nowe drogi [Nowadays]. 1989; 8 [In Polish].
19. Jurga T. Defense of Poland. 1939. Warszawa, 1990 [In Polish].
20. Machalski T. Pod prąd. Światła i cienie kampanii wrześniowej 1939 roku. London, 1964 [In Polish].
21. Peplński F. Polish Intelligence in the USSR 1921-1939. Warszawa, 1996 [In Polish].
22. Pobóg-Malinowski W. The Contemporary Political History of Poland. T. II. London, 1967 [In Polish].
23. Polish Armed Forces in the Second World War. Tom 1. V. 1. London, 1951 [In Polish].
24. Pragłowski A. The September Campaign. Kultura. Paris. 1959; 9 [In Polish].
25. Scientific session devoted to the liberation war of the Polish nation 1939-1945. Warsaw. Wydawnictwo ministerstwa obrony Narodowej, 1959 [In Polish].
26. Staniewicz M. The September Klenska in the context of international relations 1938-1939. Warszawa, 1952 [In Polish].
27. Sznajder H. The experiences of the operative Polish people "Militärwissen szatliche Rundszan". 1942; 3 [In Polish].
28. The liberation war of the Polish nation in the years 1939-1945. Problems of liberation. Ed.E.Wiśniewski. Warsaw. 1966 [In Polish].

About the authors

Iakov Ia. GRISHIN. DSc.(Hist.). Professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University. <http://orcid.org/0000-0002-9453-6070>. Address: 1/55, Pushkin str., Kazan, 420111, Russian Federation. grishin.42@mail.ru

Valerii A. LETIAEV. DSc.(Law), CandSc.(Hist.). Professor. Professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, <https://orcid.org/0000-0001-7540-3099>. Address: 53/2, building 1, Ostozhenka Av., Moscow, 119034, Russian Federation. valerii@letiaev.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: July 12, 2024. Approved after peer review: July 20, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Политика памяти в Кыргызстане: формирование национальной идентичности в контексте образования Кара-Кыргызской автономной области

Бактыбек Сулайманович Батырбаев✉

Кыргызский Национальный университет имени Жусупа Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан
bakytbatyrbaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1534-1337>

Аннотация. В статье исследуется роль правовых норм и институтов в формировании национальной идентичности через анализ влияния политики памяти на законодательство, культурное наследие и историческую память. Важным аспектом формирования идентичности является новое восприятие исторических фактов с точки зрения их юридической оценки и трактовки. Государства постсоветского пространства используют правовые инструменты для направления процессов самоидентификации, задавая им определенный вектор развития. Особое внимание уделяется степени воздействия новой Конституции Кыргызской Республики и принятых концепций развития на формирование общегражданской идентичности, а также историко-правовым анализам, связанным с 100-летием образования Кара-Кыргызской автономной области. Исследование представляет новый взгляд на роль правовых аспектов в сохранении и передаче исторической памяти, а также их вклад в формирование национальной идентичности в Кыргызстане.

Ключевые слова: Кыргызстан, политика памяти, национальная идентичность, Конституция, культурное наследие, историческая память, Кара-Кыргызская автономная область, правовые аспекты

Для цитирования: Батырбаев Б.С. Политика памяти в Кыргызстане: формирование национальной идентичности в контексте образования Кара-Кыргызской автономной области // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 188-199, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-188-199](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-188-199)

The Politics of Memory in Kyrgyzstan: The Formation of National Identity in the Context of the Formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region

Baktybek S. Batyrbayev✉

Kyrgyz National University named after Zhusup Balasaga, Bishkek, Kyrgyzstan
bakytbatyrbaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1534-1337>

Abstract. The article examines the role of legal norms and institutions in the formation of national identity, the influence of memory policy on legislation, cultural heritage and historical memory. Important in the formation of identity in our time is the new perception of historical facts from the point of view of their legal assessment and interpretation. The states of the post-Soviet space use legal instruments to influence the formation of self-identification, setting a specific vector of development. Particular attention is paid to the analysis of the impact of the new Constitution of the Kyrgyz Republic and the approved development concepts on the formation of civil identity, as well as the historical and legal analysis associated with the 100th anniversary of the formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region. The study presents a new look at the role of law in the preservation and transmission of historical memory, the formation of national identity in Kyrgyzstan.

Keywords: Kyrgyzstan, politics of memory, national identity, Constitution, cultural heritage, historical memory, Kara-Kyrgyz Autonomous Region, legal aspects

For citation: Batyrbayev B.S. The Politics of Memory in Kyrgyzstan: The formation of national identity in the context of the formation of the Kara-Kyrgyz Autonomous Region. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 188-199, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-188-199

Введение

В 2024 г. отмечается 100-летие формирования Кара-Кыргызской автономной области, что придает особую важность изучению правовых аспектов политики памяти в Кыргызстане и их влияния на формирование национальной идентичности. Правовые аспекты включают анализ законодательства, регулирующего памятные мероприятия, охрану культурного наследия и исторических памятников, а также механизмы правового обеспечения сохранения и передачи исторической памяти будущим поколениям. Изучение этих аспектов позволяет глубже понять роль правовых норм и институтов в формировании национальной идентичности через прослеживание и сохранение исторического наследия автономной области.

В XXI в. человечество сталкивается с проблемами самоидентификации на различных уровнях, включая международный и личностный, вызванными изменениями в климате, демографии, экономике, политике, культуре и информационной сфере. Важным аспектом этих процессов является новое восприятие исторических фактов с точки зрения их юридической оценки и трактовки. Государства постсоветского пространства используют правовые инструменты для направления процессов самоидентификации, задавая им определенный вектор развития.

Конституционное закрепление отношения к историческому прошлому является важным аспектом, по которому можно судить об общих и специфических подходах государств, ранее входивших в состав СССР, к советскому периоду истории. Модели исследования исторического прошлого в постсоветских государствах варьируются: одни страны восстанавливают досоветские конституции или ссылаются на них, как Латвия, Эстония и Литва; другие признают важность советского периода без негативных оценок, включая обязательства по сохранению национального наследия, как Туркменистан, Молдова и Казахстан. Также существует подход, который обращается к далекому прошлому, эпосам и героям, подчеркивая многовековую историю, как в Узбекистане, Кыргызстане, Азербайджане, Украине, Таджикистане и Армении. Примеры включают Конституцию Туркменистана (1992), закрепляющую верность предкам и ответственность за наследие, и Конституцию Казахстана (1995), подчеркивающую единство народа и обязанность сохранять наследие. В Конституции Кыргызской Республики (2021) закреплена верность традициям предков и обязанность развивать культуру и сохранять наследие. Конституции Российской Федерации и Республики Беларусь включают элементы советского периода, закрепляя преемственность с СССР и обязательства по сохранению наследия и исторической правды¹. Эти конституционные положения отражают базовые установки, существующие на современном этапе, и демонстрируют важность официальной политики памяти и мемориальных законов для формирования национальной идентичности в постсоветских государствах.

¹ Дорская А.А. Сохранение общего исторического прошлого и процессы самоидентификации государств и народов постсоветского пространства // Образование и право. 2023. № 10. С. 17-19.

Материалы и методы исследования

Исследование правовых аспектов политики памяти и их влияние на формирование национальной идентичности в Кыргызстане является чрезвычайно актуальным и значимым. Понимание того, как правовые нормы и институты способствуют сохранению и передаче исторической памяти, позволяет глубже осознать механизмы формирования национальной идентичности. В условиях продолжающихся глобальных изменений такие исследования помогают не только сохранить культурное и историческое наследие, но и обеспечить стабильное и сплоченное развитие общества.

Теоретическое значение работы определяется многоуровневым характером феноменов политики памяти и национальной идентичности, а также многопланностью их функционирования, что потребовало применения междисциплинарных подходов, синтезирующих достижения права, политологии, истории и социологии. Исследование в целом базируется на таких гносеологических принципах, как логико-рефлексивный подход в сочетании с проблемно-контекстуальным, принципах историзма, диалектического соотношения общего, особенного и единичного, целостности и взаимодополняемости.

Среди наиболее значимых зарубежных авторов, занимающихся исследованием формирования национально-государственной идентичности постсоветских республик, можно выделить Р.Хермана, Т.Хопфа, Д.Чекела [19-21].

Проблемами развития центральноазиатских стран в России занимаются ученые из Института востоковедения РАН, Института международных отношений и мировой экономики РАН [9, 11, 13-15, 18] и других образовательных и исследовательских учреждений [8, 10, 16-17].

В контексте правового механизма исторической памяти в Кыргызстане особое внимание уделяется анализу самосознания кыргызстанцев и способов восприятия прошлого различными поколениями, родившимися и выросшими в условиях изменяющегося общества [1, 3-5]. Идентичность в данном контексте рассматривается как исторический феномен, подверженный изменениям в своем характере и природе, а также в процессах формирования и проявления, связанных с жизненной судьбой народа, индивида и страны.

Результаты исследования

В 1991 г. Кыргызстан наряду с другими постсоветскими странами приступает к проекту создания национального государства. Перед новым государством стояли задачи узаконить новые институты, статусы и отношения власти, внедрить новые убеждения и ценности. Первый президент КР А.А.Акаев предложил на государственном уровне две ключевые идеи: «Кыргызстан – наш общий дом» и «Кыргызстан –

страна прав человека»². Однако из-за размытости программ политической элиты и недостаточной готовности страны эти попытки внедрения идеологических установок потерпели неудачу.

В период исполнения К.Бакиевым полномочий президента в рамках общегосударственного проекта «Культура» была разработана программа «Наследие кыргызов и будущее». Основной целью данной программы являлось формирование гражданской политической нации и открытие новых перспектив для изучения культурного наследия и определения национальной идентичности³. Однако вследствие смены власти реализация данной программы не была осуществлена.

После апрельских событий 2010 г. в Кыргызстане новая политическая элита попыталась возродить пропаганду нравственных ценностей эпоса «Манас», сделав его краеугольным камнем исторической памяти. Правительство Кыргызской Республики постановлением от 9 декабря 2014 г. одобрило проект закона о гражданско-патриотическом воспитании и направило его на рассмотрение в Жогорку Кенеш. В данном проекте гражданско-патриотическое воспитание определяется как целенаправленный процесс формирования личности, включающий в себя любовь к Родине, уважение к государственной власти и культурному наследию, а также ответственность за свой выбор и развитие способностей (ст. 3). Целью гражданско-патриотического воспитания является сплочение общества и достижение государственных целей; также формулируются задачи, такие как формирование национального самосознания, патриотизма, уважения к законности, правовой культуры, консолидация общества и воспитание здорового образа жизни (ст. 4)⁴.

Однако данный проект закона так и не был принят, и Президентом Кыргызской Республики был подписан Указ «О Днях истории и памяти предков»⁵. Этот Указ подчеркивал значимость истории кыргызского народа, включая создание Великого Кыргызского каганата и борьбу за государственность, а также отмечал влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие региона. Попытки акцентировать внимание на культурном и историческом наследии указывали на важность этого аспекта для формирования национальной идентичности, однако без конкретных и последовательных действий эти усилия оставались декларативными.

Анализ показал, что проблемы, с которыми Кыргызстан столкнулся после обретения независимости, были в значительной степени обусловлены недостаточной подготовленностью к новому статусу и отсутствием четких и последовательных программ. Для эффективного формирования национальной идентичности требовалась не только разработка концептуальных программ, но и их реализация через скоордини-

2 Койчуев Т. О национальной идее // Reforma. 2002. Т. 3. № 15. С. 59-60.

3 Наследие кыргызов и современность. Наследие кыргызов и будущее: Национальный проект «Культура». Бишкек: Илим, 2009. С. 3-4.

4 О проекте Закона Кыргызской Республики «О гражданско-патриотическом воспитании в Кыргызской Республике». Постановление Правительства Кыргызской Республики от 9 декабря 2014 г. № 698. URL: <https://novopokrovka3.mektebim.kg/wp-content/uploads/sites/240/2023/03/polozhenie-o-grazhdansko-patrioticheskem-vospitanii.pdf>.

5 Об установлении Дней истории и памяти предков: Указ Президента Кыргызской Республики от 26 октября 2017 г. УП № 231. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/69431/edition/858547/ru>.

нированные действия всех ветвей власти и активное участие гражданского общества. Без таких усилий страна продолжала сталкиваться с проблемами стабильности и национального единства, что, в свою очередь, препятствовало ее устойчивому развитию и прогрессу.

На сегодняшний день политico-правовые процессы, направленные на создание и укрепление национальной идентичности в Кыргызстане, нуждаются в более четкой концептуализации и практической реализации. Это требует скоординированных усилий всех ветвей власти и активного участия гражданского общества. Без этого дальнейшие попытки останутся бесплодными, и страна не сможет достичь стабильности и национального единства.

Усиление актуальности формирования и развития объединяющей общегражданской идентичности в Кыргызстане произошло после протестного движения в октябре 2020 г., последовавшего за спорными выборами, которое завершилось политическим кризисом и сменой власти. В преамбуле к новой Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. в качестве базового положения закреплена верность традициям предков, а также заветам Манаса Великодушного – богатыря, который объединил кыргызский народ в борьбе с внешними и внутренними врагами, совершая воинские подвиги, призывал жить в единстве, мире, согласии и в гармонии с природой. В соответствии с положениями статьи 21 Конституции Кыргызской Республики государство обязуется развивать культуру народа Кыргызстана, сохраняя обычаи и традиции, которые не ущемляют права и свободы человека. Священной традицией народа признается почитание старших и уважение к младшим. Конституция гарантирует охрану исторического, материального и духовного наследия народа Кыргызстана⁶.

В рамках осуществления принципов, закрепленных в Конституции, развитие гражданской идентичности в Кыргызской Республике обеспечивается путем создания равных возможностей для участия всех граждан в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Государство берет на себя обязательство гарантировать равные условия для всех граждан, независимо от их этнической или социальной принадлежности, чтобы они могли активно вносить свой вклад в формирование и развитие общества. Особое внимание уделяется сохранению многообразия культур и традиций, а также укреплению толерантности в обществе. Это необходимо для того, чтобы каждый человек, независимо от своего происхождения или культурных особенностей, мог чувствовать себя уважаемым и принятым. Толерантность и уважение к многообразию требуют готовности к активному взаимодействию, сотрудничеству и совместной деятельности между различными социальными группами и этническими сообществами. Такой подход способствует формированию единого общества, где каждый гражданин вносит свой вклад в общее благополучие и процветание, ощущая себя неотъемлемой частью государственного сообщества.

6 Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. (принята референдумом (всеноардным голосованием) 11 апреля 2021 г.). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru>.

В 2020 г. Указом Президента Кыргызстана была утверждена Концепция развития гражданской идентичности «Кыргыз жараны» на период с 2021 по 2026 г.⁷. Данная Концепция направлена на формирование общегражданской идентичности в стране, объединяющей всех граждан, независимо от их этнической, религиозной или социальной принадлежности. Она базируется на принципах равенства, уважения к многообразию, добровольности и взаимодействия с целью создания благоприятной среды для укрепления национального единства и повышения толерантности в обществе. В рамках данной Концепции предусмотрены различные стратегические направления, включая формирование осознанного восприятия идентичности, укрепление государственного языка, создание равных возможностей в управлении и повышение доверия к политическим институтам.

Принятая 24 июля 2021 г. Концепция о духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности Кыргызской Республики выделяет гражданскую идентичность как ключевой аспект личностного формирования, определяемый как индивидуальное осознание принадлежности к гражданской общности государства. Цель Концепции заключается в создании всесторонне развитой личности, глубоко проникнутой духовными и культурными ценностями своего народа, а также придерживающейся родного языка как ключевой составляющей культурного наследия. Среди главных задач концепции выделяются: поддержание государственной целостности, обеспечение информационной безопасности, сохранение национального достояния и духовно-нравственных ценностей, а также стимулирование здорового образа жизни и развитие патриотизма. Концепция также направлена на укрепление бережного отношения к государственному и родному языку, а также на соблюдение норм общественного поведения, включая патриотизм и честный труд⁸.

На современном этапе особую важность приобретают мероприятия, включающие историко-правовые анализы, посвященные 100-летию образования Кара-Кыргызской автономной области, для формирования национальной идентичности в ходе реализации основных норм Конституции 2021 г., концепции «Кыргыз жараны» и «Концепции о духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности». В свете Указа Президента Кыргызской Республики С.Жапарова от 24 октября 2023 г., посвященного празднованию 100-летия этого события⁹, на первый план выходит признание мудрости и героизма предков, которые с тщательностью оберегали и сохраняли территорию Кыргызстана на протяжении веков. С формированием Кара-Кыргызской автономной области в 1924 г. связано становление национального государства кыргызского народа. Исторический контекст образования автономии,

⁷ Концепция развития гражданской идентичности – Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021–2026 гг. (в редакции Указа Президента КР от 15 мая 2023 г. УП № 124). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430346/edition/1253187/ru>.

⁸ Об утверждении Концепции о духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности: Указ Президента КР от 24 июля 2021 г. УП № 313. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430539/edition/1084953/ru>.

⁹ О праздновании 100-летия образования Кара-Кыргызской автономной области: Указ Президента КР от 24-го октября 2023 г. URL: <http://kkao.archive.kg/ru>.

начиная с работ деятелей советских структур 1920-х гг. и требований о самостоятельности, выраженных кыргызскими делегатами XII съезда Советов Туркестанской АССР, подчеркивает важность сохранения культурного и национального наследия. Постановление ЦИК Туркестанской АССР о размежевании в 1924 г. предоставило кыргызам право создать Кара-Кыргызскую автономную область в составе РСФСР. Это образование объединило кыргызскую землю и народ в единое целое, создав предпосылки для развития и сохранения национальной идентичности. Формирование национального государства кыргызского народа было долгим и сложным процессом, сопровождавшимся острой политической борьбой. Становление автономии кыргызов в составе Туркестанской АССР началось в 1921 г., а в 1924 г. делегаты XII съезда Советов Туркестанской АССР выразили требование о признании кара-киргизского народа самостоятельной нацией. В результате принятия постановления о национально-территориальном размежевании в сентябре 1924 г. и последующего узаконивания этого решения кара-киргизский народ получил возможность объединиться в Кара-Киргизскую автономную область в составе РСФСР¹⁰. Это событие предоставило благоприятные условия для развития национальной экономики и культуры, а также для организации государственных учреждений, образования и судов, работающих на родном языке. В советский период кыргызская государственность прошла несколько этапов развития. С созданием автономной области и автономной республики были определены территории и границы, учреждены институты и атрибуты государственности. Образование ККАО в 1924 г., КАО в 1925 г., а затем Киргизской ССР в статусе союзной республики в составе СССР стало определяющим фактором, открывшим дорогу к обретению в 1991 г. независимости Кыргызской Республики. Был утвержден план торжеств, который включает ежегодное проведение мероприятий на национальном и местном уровнях, посвященных историческим событиям, памяти предков и историческим личностям.

ВЫВОДЫ

Усиление формирования общегражданской идентичности в Кыргызстане, проявленное в новой Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г., отражает стремление государства подтвердить свою приверженность сохранению культурного наследия и традиций. Принятые концепции развития, такие как «Кыргыз жараны» и «Концепция о духовно-нравственном развитии и физическом воспитании личности», выделяют важность обеспечения равных возможностей и поддержки толерантности для достижения единства национальной идентичности.

В современном контексте особую значимость приобретают мероприятия, включающие историко-правовые анализы, направленные на отмечание 100-летия образования Кара-Кыргызской автономной области, что имеет большое значение для

¹⁰ Выписка из Постановления ВЦИК от 14-го октября 1924 г. об образовании Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР. URL: <http://kkao.archive.kg/ru>.

формирования национальной идентичности. Образование автономной области в 1924 г. и последующее превращение ее в Киргизскую Советскую Социалистическую Республику в составе Советского Союза стало важным этапом на пути к получению Киргызской Республикой независимости в 1991 г. Разработанный план мероприятий, включающий ежегодное проведение мероприятий 7 и 8 ноября 2024 г. на национальном и региональном уровнях, посвященных историческим событиям, является частью этой стратегии сохранения и укрепления национальной идентичности.

Список литературы

1. Абытов Б.К. Русские востоковеды о кыргызах и Кыргызстане [Russian Orientalists about Kyrgyz and Kyrgyzstan] // Вопросы востоковедения. 2022. № 1. С. 8-15. https://doi.org/10.52754/16948653_2020_1_1.
2. Дорская А.А. Сохранение общего исторического прошлого и процессы самоидентификации государств и народов постсоветского пространства [Preservation of a common historical past and processes of self-identification of states and peoples of the post-Soviet space] // Образование и право. 2023. № 10. С. 16-21.
3. Калиев А.С., Кутлугжон И. Формирование гражданской идентичности в Киргызской Республике [Formation of civil identity in the Kyrgyz Republic] // *Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnalı*. 2023. № 17. С. 176-181.
4. Камчыбекова С.М., Абдуллаева Ж.Д. Гражданская идентичность населения Кыргызстана в этническом аспекте [Kyrgyzstan Population Civil Identity in the Ethnic Aspect] // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 7. С. 270-276. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/68/35>.
5. Кангельдиев А.Н. Формирование общеэтнической идентичности кыргызов [Formation of a common ethnic identity of the Kyrgyz people] // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 11. С. 41-45.
6. Койчев Т. О национальной идеи [About the national idea] // Reforma. 2002. Т. 3. № 15. С. 59-60.
7. Кошбакова Б.М. Патриотизм как одна из форм самоидентификации личности в Кыргызстане [Patriotism as one of the forms of self-identification of the individual in Kyrgyzstan] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4-2. С. 11-16.
8. Курныкин О.Ю. Феномен «множественной идентичности» в современном киргизском обществе [The Phenomenon of "Multiple Identity" in Modern Kyrgyz Society] // Известия АлтГУ. 2021. № 6(122). С. 73-78.
9. Малышев Д.В. Послевыборная Киргизия – мирная передача власти? [Post-election Kyrgyzstan – a peaceful transfer of power?] // Свободная мысль. 2018. № 4(1670). С. 147-156.
10. Молодов О.Б. Формирование идентичности населения современного Кыргызстана [Formation of identity of the population of modern Kyrgyzstan] // The Newman in Foreign policy. 2017. № 38(82). С. 72-74.
11. Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография: сб. ст. [Muslim Near and Middle East: Modern Processes, History and Historiography: A Collection of Articles] / Отв. ред. В.Я.Белокреницкий, Н.М.Мамедова, Н.Ю.Ульченко; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2021. 528 с.
12. Наследие кыргызов и современность. Наследие кыргызов и будущее: Национальный проект «Культура» [The heritage of the Kyrgyz and modernity. Kyrgyz heritage and future: National project "Culture"]. Бишкек: Илим, 2009. 108 с.
13. Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура): (коллективная монография) [Attitudes towards Russia in Central Asia (history, politics, culture): (collective monograph)] / отв. ред. Н.П.Космарская; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2021. 202 с.
14. Притчин С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа [In the mirror of transitology: features of the processes of change of power in the countries of Central Asia and the South Caucasus] // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 7-42. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>.
15. Семенова Н.К. Транспортные горизонты Евразии. Экономические и geopolитические «ловушки» и возможности [Transport horizons of Eurasia. Economic and geopolitical "traps" and opportunities] / Отв. ред. С.Г.Лузянин. М.: ИВ РАН, 2023. 292 с.
16. Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти: сборник

научных статей [Formation of regional identity and the politics of historical memory: a collection of scientific articles]. Дневник Алтайской школы политических исследований № 37. Современная Россия и мир: альтернативы развития / под ред. Ю.Г.Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 309 с.

17. Хан Н.Р., Атамбаев Б. Проблемы религиозной идентичности кыргызов: феноменологический и социологический анализ прозелитизма [Problems of religious identity of the Kyrgyz: Phenomenological and sociological analysis of proselytism] // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 145-158. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-1-1>.
18. Центральная Евразия: евразийское пространство (наследие прошлого, вызовы настоящего, пример иного) [Central Eurasia: the Eurasian space (legacy of the past, challenges of the present, an example of something different)]. Вып. 5: сб. ст. / гл. ред. А.Ю.Скаков; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2022. 208 с.
19. Checkel J. Ideas, Institutions, and the Gorbachev Foreign Policy Revolution // World Politics. 1993. Vol. 45(2).
20. Herman R. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War / P.Katzenstein (ed.). The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics. N.Y., 1996.
21. Hopf T. Managing Soviet Disintegration: A Demand for Behavioral Regimes // International Security. 1992. Vol. 17(1). P. 44-75.

Информация об авторе

БАТЫРБАЕВ Бактыбек Сулайманович. Кандидат юридических наук. Доцент кафедры Уголовного процесса и судебной экспертизы Юридического института Кыргызского Национального университета имени Жусупа Баласагына. <https://orcid.org/0000-0003-1534-1337>. Адрес: Кыргызстан, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д. 547. bakytbatyrbaev@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 29 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abytov B.K. Russian Orientalists about Kyrgyz and Kyrgyzstan. Voprosy vostokovedeniya. [Issues of Oriental Studies]. 2022; 1:8-15 [In Russian]. https://doi.org/10.52754/16948653_2020_1_1.
2. Dorskaya A.A. Preservation of a common historical past and processes of self-identification of states and people of the post-Soviet space. Obrazovanie i pravo. [Education and Law]. 2023; 10:16-21 [In Russian].
3. Kaliev A.S. Kutlugjon I. Formation of civil identity in the Kyrgyz Republic. *Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnalı* [Talqin and research scientific-artistic journal]. 2023; 17:176-181 [In Russian].

4. Kamchybekova S., Abdullaeva Zh. Kyrgyzstan Population Civil Identity in the Ethnic Aspect. *Byulleten' nauki i praktiki*. [Bulletin of Science and Practice]. 2021; 7(7):270-276 [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/68/35>.
5. Kangeldiev A.N. Kyrgyzstan Population Civil Identity in the Ethnic Aspect. *Vestnik KRSU*. [Vestnik KRSU]. 2014; 11(14):41-45 [In Russian].
6. Koichuev T. About the national idea. *Reforma*. 2002. Vol. 3(15):59-60 [In Russian].
7. Koshbakova B.M. Patriotism as one of the forms of self-identification of the individual in Kyrgyzstan. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyj i estestvennyh nauk*. [International Journal of Humanitarian and Natural Sciences]. 2022; 4-2:11-16 [In Russian].
8. Kurnykin O.Yu. The Phenomenon of "Multiple Identity" in Modern Kyrgyz Society. *Izvestiya AltGU* [Izvestia of Altai State University]. 2021; 6(122):73-78 [In Russian].
9. Malyshev D.V. Post-election Kyrgyzstan – a peaceful transfer of power? *Svobodnaya mysl'* [Svobodnaya mysl']. 2018; 4(1670):147-156 [In Russian].
10. Molodov O.B. Formation of identity of the population of modern Kyrgyzstan. *The Newman in Foreign policy*. 2017; 38(82):72-74 [In Russian].
11. Muslim Near and Middle East: Modern Processes, History and Historiography: A Collection of Articles / Ed. V.Ya.Belokrenitsky, N.M.Mamedova, N.Yu.Ulchenko; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021:528 [In Russian].
12. The heritage of the Kyrgyz and modernity. Kyrgyz heritage and future: National project "Culture". Bishkek: Ilim, 2009:108 [In Russian].
13. Attitudes towards Russia in Central Asia (history, politics, culture): (collective monograph) / Ed. N.P.Kosmarskaya; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021:202 [In Russian].
14. Pritchin S.A. In the mirror of transitology: features of the processes of change of power in the countries of Central Asia and the South Caucasus. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. [Bulletin of Moscow University]. Series 25: International Relations and World Politics. 2021; 4(13):7-42 [In Russian]. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>.
15. Semenova N.K. Transport horizons of Eurasia. Economic and geopolitical "traps" and opportunities / Ed. S.G.Luzyanin. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023:292 [In Russian].
16. Formation of regional identity and the politics of historical memory: a collection of scientific articles. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij. № 37*. [Diary of the Altai School of Political Studies. №. 37]. Modern Russia and the World: Development Alternatives / ed. by Yu.G. Chernyshov. Barnaul: Alt. Univ., 2021:309 [In Russian].
17. Khan N.R., Atambaev B. Problems of religious identity of the Kyrgyz: Phenomenological and sociological analysis of proselytism. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. [Research Result. Sociology and management]. 2023; 9(2):145-158 [In Russian]. <https://doi.org/10.18413/24089338-2023-9-2-1-1>.
18. Central Eurasia: The Eurasian space (legacy of the past, challenges of the present, an example of something different). Issue 5: Sat. Art. / Ch. ed. A.Yu.Skakov; Institute of Oriental Studies RAS. M.: IV RAS, 2022:208 [In Russian].
19. Checkel J. Ideas, Institutions, and the Gorbachev Foreign Policy Revolution. *World Politics*, 1993; 45(2) [In English].
20. Herman R. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War / P.Katzenstein (ed.). *The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics*. N.Y., 1996 [In English].
21. Hopf T. Managing Soviet Disintegration: A Demand for Behavioral Regimes. *International Security*, 1992, 17(1):44-75 [In English].

About the author

Baktybek S. BATYRBAYEV. CandSc. (Law). Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Institute of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn. <https://orcid.org/0000-0003-1534-1337>. Address: 547, Frunze str., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan. bakytbatyrbaev@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 17, 2024 Approved after peer review: July 29, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political Institutions, Processes and Technologies

Символическая политика, отраженная в нормативно-правовых актах, является односторонней деятельностью государства, напрямую связанной с задачами идеологии – объединять, мобилизовывать граждан для движения в сторону, определенную политическим истеблишментом; она может соответствовать или не соответствовать общественно-политическим ожиданиям, традициям, массовому политическому сознанию.

Табак В.Н.

К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989–2023)

В 144 странах мира в голосовании приняло участие более 380 тыс. человек, подавляющее большинство из которых (72,3%) проголосовали за Президента РФ В.В.Путина. На этом вопросе о том, что удалось сделать несистемной оппозиции, можно считать закрытым – «ничего».

Бочаров Ю.Б.

Выборы Президента России в зарубежных странах в 2024 г. и фиаско несистемной оппозиции

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
научный диалог

Выборы Президента России в зарубежных странах в 2024 г. и фиаско несистемной оппозиции

Юрий Борисович Бочаров[✉]

директор Института исследования информационных войн, Израиль
yurabig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0345-0173>

Аннотация. Статья содержит авторский взгляд израильского ученого на результаты выборов Президента России 2024 г. за рубежом. Рассматриваются вопросы организации голосования граждан Российской Федерации, проживающих за пределами ее территории. Представлен анализ возможных и предпринятых действий несистемной оппозиции по дискредитации и срыву голосования на выборах главы российского государства на участках, расположенных за пределами территории России. В ходе исследования рассматривались итоги выборов с разных точек зрения: как в региональном аспекте, так и по конкретным странам и отдельным участковым избирательным комиссиям (УИК). Делается вывод об отсутствии реальных возможностей у несистемной оппозиции (прежде всего, оппозиции, находящейся в странах ЕС) активно влиять на электоральное поведение россиян, проживающих на момент выборов за пределами Российской Федерации.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы Президента РФ, голосование, электоральное поведение, несистемная оппозиция

Для цитирования: Бочаров Ю.Б. Выборы Президента России в зарубежных странах в 2024 г. и фиаско несистемной оппозиции // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 202-221, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-202-221](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-202-221)

The Results of the President of Russia Elections in Foreign Countries in 2024 and the Fiasco of the Non-Systemic Opposition

Yuri B. Bocharov[✉]

Director of the Information Warfare Research Institute, Israel
yurabig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0345-0173>

Abstract. In the article, a personal view of an Israeli student on the results of the presidential election in Russia in 2024. The issues of organization of voting of citizens of the Russian Federation living outside its territory are considered. Analyzed the possible and taken actions of the unsystematic opposition to discredit and fail to vote in the elections of the head of the Russian state in precincts located outside the borders of the territory of Russia. During the research, the results of the elections were considered from different points of view: in the regional aspect, by specific countries and by the election commission of a separate precinct. It was concluded that the non-systemic opposition (primarily located in the EU) has no real opportunities to actively influence the electoral behavior of Russians living outside the Russian Federation at the time of the elections.

Keywords: electoral process, election of the President of the Russian Federation, voting, electoral behavior, non-systemic opposition

For citation: Bocharov Y.B. The Results of the President of Russia Elections in Foreign Countries in 2024 and the Fiasco of the Non-Systemic Opposition. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 202-221, doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-202-221

Введение

Согласно российскому законодательству, граждане России, постоянно проживающие за рубежом либо временно находящиеся в период подготовки и проведения выборов как Президента, так и депутатов Государственной Думы РФ в командировках, в туристических поездках и по другим основаниям за пределами России, вправе избирать и совершать иные избирательные действия в том же порядке, что и граждане РФ, проживающие на территории России¹. При этом наличие второго гражданства никак не влияет на право российских граждан принимать участие в избирательном процессе.

¹ Федеральное законодательство о выборах и референдумах в России. URL: <http://www.novgorod.izbirkom.ru/zakonodatelstvo-o-vyborakh-i-referendumakh/federaln-zakon/index.php>

В то же время организация избирательного процесса и возможности реализации своего конституционного права избирать, находясь за пределами территории Российской Федерации, по ряду пунктов существенно отличаются от данного процесса на территории России. В основном отличия связаны с организацией и работой избирательных участков за рубежом, формированием их штатов и проведением выездных и досрочных голосований.

В этой связи в подавляющем большинстве стран мира, в которых проживает (находится на момент выборов) большое количество россиян, имеющих право голоса на российских выборах, избирательные участки и численность членов их комиссий формируются исходя не из реального числа избирателей, а из возможностей дипмиссий России в этих странах открыть избирательные участки (УИК) и укомплектовать их ответственными работниками.

По информации Центризбиркома на 1 января 2024 г., за пределами РФ проживает 2 002 787 российских избирателей. Исходя из обстановки в мире и возможностей дипмиссий России, голосование на выборах Президента РФ в 2024 г. планировалось проводить лишь в 144 странах мира, где организовывалось 286 избирательных участков. Общее число УИК за рубежом значительно сократилось по сравнению с президентскими выборами 2018 г., когда было открыто 394 УИК. Все это связано в основном с закрытием в недружественных странах 26 российских загранучреждений, сокращением численности сотрудников посольств и консульств в связи с массовыми высылками российских дипломатов, а также с отказом властей некоторых государств обеспечить во время выборов безопасность российских диппредставительств и посещающих их граждан РФ.

На выборах 2024 г. УИК в основном располагались в посольствах или генконсульствах РФ, однако в некоторых странах (например, в Анголе, Венгрии, Зимбабве, Ираке, Индии, Малайзии, Непале, Таиланде) комиссии выезжали в другие города, чтобы предоставить россиянам возможность воспользоваться своим правом голоса. В ряде государств Африки и Латинской Америки один УИК обслуживал сразу две страны. При этом почти в ста УИК были организованы либо досрочные, либо выездные голосования.

С одной стороны, geopolитическая ситуация в мире в связи с событиями на Украине и вокруг нее разделила мир фактически на ряд противоборствующих блоков. Почти 50 стран входят в блок, практически «воюющий» с Россией, если не в прямом, то косвенном плане, вводя при этом экономические, а порой и политические санкции как против государства, так и против части дипмиссий России, на территории которых обычно организовывается голосование. В этой связи почти на треть уменьшилось число УИК, открываемых за пределами территории России.

С другой стороны, резко изменился состав избирателей, голосующих за пределами территории России. Обычно ЦИК РФ оперирует данными о численном составе зарубежных избирателей на базе данных консульского учета МИД РФ. При этом предполагается, что большая часть этих избирателей уже давно живет за пределами России и имеет другое мнение о ней, чем в период до выезда из нее. На этих выборах чис-

ло «временно» находящихся за рубежом россиян возросло в разы, при том что многие из них выехали не в страны с традиционной географией эмиграции, а по принципу «куда было возможно выехать» – и выехали в первую очередь в близлежащие страны постсоветского пространства, а также в страны с безвизовым или упрощенным визовым режимом для россиян, и в основном в «курортные» страны мира.

На фоне всех этих событий за рубежом активизировалась (не без активной финансовой и идеологической поддержки Запада) несистемная российская оппозиция. Пытаясь доказать свою значимость заказчикам, а также продвигая тезис о нелегитимности власти в России из-за наличия там якобы административного ресурса и давления на избирателей, оппозиция пыталась продемонстрировать на примере выборов в «свободном мире» (свободном от российского влияния), что россияне, проживающие здесь, проголосуют кардинально по-другому. И этим «свободным» голосованием подтверждают тезис оппозиции об отсутствии реальной поддержки россиянами политики Президента В.В.Путина.

Таким образом, научная новизна исследования предопределена постановкой проблемы: оценить реальное влияние несистемной оппозиции на членов российского зарубежного сообщества и наличие у нее поддержки среди таких граждан.

Материалы и методы

Методологической базой исследования явились современные способы научного познания общественной и правовой действительности, конкретно-исторический, статистический, а также системный анализ. К общенаучным методам относятся обобщенно-алгебраический метод, анализ и синтез, дедукция и индукция и т.д.

Эмпирическую базу исследования составили: данные ЦИК РФ по зарубежному округу за март 2024 г. (в целом и в разрезе отдельных стран, государств, УИК), информация новостных агентств и иных СМИ, данные статистики и аналитических центров, авторский опыт работы в УИК на выборах Президента России в 2024 г.

Авторская теоретическая позиция формировалась под влиянием таких ученых, как С.А.Авакьян, М.В.Баглай, Г.В.Барабашев, И.Б.Гасанов, Н.В.Гришин, А.В.Земляной, Ю.Н.Лебедева, А.В.Макаров, Т.Ю.Нестерова, О.С.Морозова, Г.Н.Чеботарев, В.Е.Чиркин, К.Ф.Шеремет, Б.С.Эбзеев, Г.О.Ярыгин и др. [1-4, 6-9, 11, 16].

Результаты исследования

Анализ итогов выборов Президента РФ за рубежом показывает, что ограничения, введенные против России, привели к снижению явки голосующих, а протестные голосования и организованные оппозицией провокации привели к тому, что итоговый результат за действующего Президента был самый низкий за весь период президентских выборов за пределами территории РФ, но все же превысил 72% (см.

таблицу 1). То есть в итоге Президент РФ Владимир Путин за рубежом победил однозначно. При этом стоит учитывать, что ограниченные возможности ЦИК и МИД РФ организовать выборы за пределами территории РФ в связи с обстановкой в мире оказались и на уменьшении количества открытых УИК, что и привело к уменьшению доли проголосовавших по сравнению с прошлыми выборами.

Таблица 1. Итоги голосования на выборах Президента РФ за рубежом
Table 1. Voting results for the presidential elections of the Russian Federation abroad

Год	Число стран	Число УИК	Число проголосовавших, чел.	Число проголосовавших за победившего кандидата в Президенты, чел.	Доля, %
2004	140	353	273 131	232 502	85,13
2008	142	363	330 183	283 298	85,80
2012	147	384	441 931	323 686	73,24
2018	145	393	474 366	403 306	85,2
2024	144	286	380 961	275 249	72,25

Источник: составлено автором по материалам ЦИК РФ

Source: compiled by the author on the materials of the Central Election Commission of the Russian Federation

По данным ЦИК РФ, за границей в 144 странах мира проголосовал 380 961 избиратель, что составляет лишь 4,35% от общего числа избирателей, принявших участие в выборах в России в 2024 г., и примерно 19% от имеющих право выбора и проживающих за пределами территории РФ².

В то же время за границей своим правом проголосовать досрочно воспользовалось в процентном отношении почти в десять раз больше, чем на территории России (см. таблицу 2). Однако именно из-за специфики организации голосования за рубежом возможностью голосования вне помещения для голосования или на дому смогло воспользоваться в процентном отношении в десять раз меньше, чем на территории России.

Вместе с тем на территории России в три раза больше бюллетеней, которые избиратели унесли с собой «на память», чем за рубежом. Это, скорее всего, связано с тем, что голосование за рубежом было организовано в основном на объектах дипмиссии, куда пускалось дозированное число избирателей, что позволяло членам УИК контролировать их действия во избежание провокаций, о которых так много говорилось до выборов. Данные «потери» являются разницей между выданными бюллетенями и обнаруженными в урнах для голосования (см. таблицу 2).

При этом кандидаты Л.Э.Слуцкий и Н.М.Харитонов за пределами территории РФ набрали вдвое меньше (в процентах) голосов, чем на территории России. Это в ос-

² Данные ЦИК РФ по зарубежному округу за март 2024 г. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1jwP7_GrNAFyr1okSUYgoSp7NmKcKoDEKx_0rKdqIwE/edit?gid=0#gid=0.

новном связано с отсутствием хоть какой-либо рекламы данных кандидатов за рубежом, дефицитом информации об их реальной деятельности за пределами РФ. А вот В.А.Даванков, за которого и призывала в качестве альтернативы В.В.Путину голосовать несистемная оппозиция, набрал в четыре раза (в процентах) больше голосов за границей, чем на территории России. Тем не менее его скромный результат в 16,5% говорит об отсутствии реальной оппозиции среди граждан РФ, проживающих за рубежом. Именно из-за этого «протестного» голосования слегка занижен результат победителя выборов В.В.Путина, набравшего абсолютно победный результат и не только в целом по миру вне России, но и по отдельным регионам.

Таблица 2. Сравнительный анализ голосования на территории РФ и за ее пределами

Table 2. Comparative analysis of voting in the territory of the Russian Federation and abroad

Данные протоколов УИК	За рубежом	% от общего числа проголосовавших за рубежом	В РФ	% от общего числа проголосовавших в РФ
Всего проголосовало	380 961		87 576 075	
Проголосовавших досрочно	73 199	19,21	2 100 202	2,40
Голосования на УИК в день выборов	301 971	79,27	73 447 089	83,87
Выездное голосование в день выборов	5 791	1,52	12 028 784	13,74
Число недействительных бюллетеней	26 147	6,87	1 193 278	1,37
Число действительных бюллетеней	354 577	93,13	86 204 291	98,63
Число «украденных» бюллетеней избирателями	237	0,06	17 806	0,20
Голоса за каждого зарегистрированного кандидата (% от числа проголосовавших)				
Даванков В.А.	63 388	16,65	3 362 484	3,85
Путин В.В.	275 249	72,25	76 277 708	87,28
Слуцкий Л.Э.	7 495	1,97	2 795 629	3,20
Харитонов Н.М.	8 445	2,22	3 768 470	4,31

Источник: составлено автором по материалам ЦИК РФ

Source: compiled by the author on the materials of the Central Election Commission of the Russian Federation

Протестное движение и попытки сорвать голосование

В преддверии выборов очень много было публикаций на тему, что несистемная оппозиция готовится к провокациям на выборах Президента РФ. Акцент в антироссийской пропаганде планировали сделать на негативной повестке в социальных

сетях. По предварительной информации, ставка делалась на локальные протестные действия активистов, попытки «раскачать» тему мобилизованных на СВО и «антивоенные» настроения, делегитимацию политического лидера В.В.Путина инструментами, известными в рамках феномена «гибрис-синдрома» [10].

Сорвать полностью выборы никто и не предполагал, но дискредитировать пытались.

Как заявляла в специальном комментарии ТАСС официальный представитель МИД М.Захарова, «западные оппоненты Москвы активно пытались сорвать президентские выборы в России весь последний год. Недруги у нас зашевелились не за неделю, не за месяц даже, а, мне кажется, они последний год делали все для того, чтобы либо сорвать выборы, не дать их провести, исказить представление о выборах по-разному»³. Она пояснила, что в ход шла и проплаченная оппозиция, которая оказалась «агентами влияния и просто наймитами». Отметим, что изменение задач несистемной оппозиции в условиях усиления конфронтации Запада и России отмечается и в научных исследованиях [5, 12, 14, 15].

Попытки дестабилизации были, видимо, настолько серьезными, что ЦИК РФ предпринял особые меры для противодействия всем вариантам негативного воздействия. Как заявила глава ЦИК РФ Э.Памфилова, «Запад намерен сорвать их, уже сейчас ведется определенная работа в этом направлении. Мы понимаем, что на выборы президента России – уже сейчас работают, чтобы их снести просто. Огромные средства выделены западными странами, в первую очередь Штатами. Работают все центры, начиная с Прибалтики, Польши, которые готовятся, собираются все Ходорковские, Каспаровы и прочие все «бегуны», которые, как крысы, сбежали из страны. Они все сейчас продумывают, каким образом снести Россию»⁴. По ее словам, более 100 стран наблюдают, выдержит этот напор Россия или нет. Но Памфилова заверила, что Россия готова к предстоящим выборам.

По оценке думской комиссии по расследованию вмешательства иностранных государств во внутренние дела России, в работу по «делегитимизации» включился Михаил Ходорковский⁵, который непублично возобновил работу структуры «Открытая Россия»⁶.

В информационном пространстве особо активно действовало несколько известных оппозиционных групп, которые изначально призывали всех объединиться и действовать единым фронтом «сопротивления», но в дальнейшем, переругавшись между собой о лидерстве, пошли каждый своим путем. Вопрос о едином лидерстве всегда стоял в несистемной оппозиции, в большей степени из-за меркантильных интересов. Ведь не секрет, что все западные государственные и общественные струк-

3 МИД РФ: западные недруги весь последний год делали все для срыва выборов президента России // ТАСС. 16.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20250185>.

4 Памфилова заявила о намерении Запада сорвать выборы президента России в 2024 году // ТАСС. 24.04.2024. URL: <https://tass.ru/politika/17589659?ysclid=lxezdjqwbc379531607>.

5 «Баба-яга против». Как беглая оппозиция готовится к выборам президента РФ // РЕГ-НУМ. 17.04.2024. URL: <https://regnum.ru/article/3852317>.

6 *Организация, признанная нежелательной в РФ.

туры, финансирующие различного рода НПО / НКО и ведущие ту или иную деятельность против России, в первую очередь хотят дать деньги реально действующим оппозиционным структурам или, так сказать, «эффективным» лидерам общественного мнения. Вот за эту «хлебную работу» и было противоборство между так называемыми лидерами «протестного» общественного мнения, вот для этой деятельности формировались за рубежом, в основном в странах Европы, протестные группы из числа россиян, недавно покинувших страну из-за событий вокруг СВО.

Примерно через полтора года после начала СВО глава ВЦИОМ В.Федоров в эфире радиостанции «Говорит Москва» заявил, что число покинувших Россию граждан с начала СВО, по разным оценкам, составляет от 500 до 800 тыс. человек⁷. По мнению Федорова, точное число уехавших назвать нельзя, потому что данные социологов, таможенной и пограничной служб не отражают реальную картину такой миграции. При этом изначально подавляющее большинство выехало в страны с безвизовым режимом для россиян. Согласно различного рода исследованиям, наибольшее число таких россиян приняли Казахстан и Сербия (по 150 тыс. человек), тройку стран замыкает Армения (110 тыс. человек)⁸.

Среди основных направлений, выбранных гражданами России, так же значатся Турция, Грузия, Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Объединенные Арабские Эмираты, Греция, Болгария, Румыния, Испания, Израиль, Монголия, страны Латинской Америки, страны Балтии, Канада и США. Хотя в дальнейшем ряд стран ЕС, в том числе Латвия и Чехия, приостановили выдачу виз гражданам России; Финляндия, Польша и прибалтийские страны (Латвия, Литва и Эстония) заявили, что не предоставляют убежище россиянам, спасающимся от мобилизации. Напротив, Германия предложила убежище российским оппозиционерам и призывникам, которые не хотели воевать с Украиной.

Естественно, что эта группа беженцев стала основной площадкой для работы всех структур несистемной оппозиции. Идеологический смысл западной поддержки релокантов весьма обстоятельно проанализирован в статье Л.Л.Хоперской [13].

Исследования, ранее проведенные нами на примере Израиля⁹, показывают, что среди голосующих в Израиле на российских выборах (как думских, так и президентских) прослеживается определенная тенденция: чем дольше россиянин живет в «чужой» стране, тем более «пророссийским» становятся его взгляды, тем чаще он голосует за правящую партию и за Президента В.В.Путина. Однако в этот раз, буквально в течение года перед выборами, в Израиль массово поехали как беженцы с Украины, так и из России. И вот эта масса напуганных или обиженных людей создавала

7 Глава ВЦИОМа назвал число покинувших Россию граждан с начала СВО // #ГОВОРИТ-МОСКВА. 18.07.2023. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/372241>.

8 Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine. 23.08.2023. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine>.

9 Бочаров Ю. О причинах отсутствия реальной оппозиции среди зарубежных российских избирателей (на примере ситуации в Израиле) // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1(23). URL: <https://www.rcoit.ru/upload/iblock/cc0/cv44e1vjz7c6xfgu9q5c8rk0cjkslk5y/>.

определенный настрой в обществе, при этом «недовольство» массово выливалось в негативном для России свете в местные и русскоязычные СМИ.

В этой связи, предполагая модель действий основных оппозиционных групп, базирующихся в Европе, и географию пребывания основных потоков беженцев как в странах СНГ, так и в Европе и мире, автор попытался проанализировать, насколько «протестное движение» сильно в этих странах и могло влиять на ход выборов.

Общие итоги голосования за пределами территории Российской Федерации

Как уже отмечалось выше, в 144 странах мира в голосовании приняло участие более 380 тыс. человек, подавляющее большинство из которых (72,3%) проголосовали за Президента РФ В.В.Путина. На этом вопрос о том, что удалось сделать несистемной оппозиции можно считать закрытым – «ничего». Но давайте посмотрим конкретно по регионам и странам. Там открывается несколько другая картина, заслуживающая внимания для ее изучения и анализа с целью разработки и принятия соответствующих мер.

Изначально автор разделил всю территорию за пределами РФ, где были УИК, на регионы по географическому признаку: постсоветское пространство (в таблице 3 столбец 1), Европа (столбец 2), Ближний Восток (столбец 3), остальные страны Азии, Океании и Австралии (столбец 4), Африка (столбец 5) и Америка, которую поделим на Северную (столбец 6) и Южную вместе с Центральной (столбец 7). Прибалтика рассматривалась отдельно. Так же, отдельно от голосования в Кишиневе (Молдавии) рассматривалось Приднестровье, и все их показатели обобщались в разделе стран постсоветского пространства (далее – ПСП).

Как видно из таблицы 3, ни в одном из регионов Президент В.В.Путин не проиграл выборы. Если предположить, что оппозиция в качестве альтернативного кандидата действующему Президенту РФ выбрала В.А.Даванкова, то максимальный суммарный успех (в процентах) у него, а значит, и у оппозиции, зафиксирован в Южной и Центральной Америке, в Азии, Океании и Австралии. И хотя и в этих регионах В.В.Путин не проиграл, но у него там суммарно зафиксирован самый низкий показатель. Самый высокий рейтинг у Л.Э.Слуцкого и Н.М.Харитонова зафиксирован в Европе и странах Азии, Океании и Австралии, самый низкий – на территории СНГ.

Итоги голосования по регионам

В регионе ПСП рассмотрим положение дел во всех бывших республиках, включая Молдову и страны Прибалтики (хотя последние уже и члены ЕС, но там проживает большой процент как русскоязычных граждан, так и имеющих российское гражданство). В Грузии и на Украине избирательных участков не было. На территории Абхазии было открыто 30 УИК, в Южной Осетии – 12 УИК и в Приднестровье – 6 УИК, везде также было организовано досрочное голосование.

Таблица 3. Итоги голосования по регионам мира

Table 3. Voting results by regions of the world

Регионы	1	2	3	4	5	6	7	Итого
Регионы	ПСП	ЕС	БВ	АОА	Афр.	Сам.	ЮАМ.	
Кол-во стран	14	32	17	19	39	2	21	144
УИК	90	51	34	41	43	6	21	286
Голосовало (человек)	173 777	118 366	40 957	30 384	5 584	5 661	6 232	380 961
Действительных бюллетеней	167 492	105 625	37 672	27 994	5 441	4 712	5 641	354 577
Недействительных бюллетеней	6 252	12 621	3 234	2 368	140	944	588	26 147
«Украденных» бюллетеней	33	120	51	22	3	5	3	237
Кандидаты								
Даванков В.А.	14 034	27 024	8 701	9 428	604	1 803	1 794	63 388
%	8%	23%	21%	31%	11%	32%	29%	17%
Путин В.В.	150 002	71 004	26 907	16 573	4 555	2 688	3 520	275 249
%	86%	60%	66%	55%	82%	48%	57%	72%
Слуцкий Л.Э.	1 347	3 786	1 058	950	135	84	135	7 495
%	0,8%	3%	3%	3%	2%	2%	2%	2%
Харитонов Н.М.	2 109	3 811	1 006	1 043	147	137	192	8 445
%	1%	3%	3%	3%	3%	2%	3%	2%

Источник: составлено автором по материалам ЦИК РФ
Source: compiled by the author on the materials of the Central Election Commission of the Russian Federation

В целом в этом регионе проголосовало почти 45,6% всех принявших участие в выборах. При этом в самом регионе практически 50% проголосовавших пришлось на Абхазию и Приднестровье, и в них В.В.Путин получил более 95% голосов. Жители этих регионов явно связывают свое будущее и благополучие с Россией, поэтому и такой высокий процент голосов за действующего Президента.

В Казахстане при 9 670 проголосовавших В.В.Путин получил 4 073 голоса, или 48,74%, а В.А.Даванков – 4 001 голос (47,88%), но с учетом недействительного (испорченного) 1 301 бюллетеня (13,45%) можно считать, что оппозиция выиграла. Но, согласно выше представленным данным, в эту страну въехало более 150 тыс. «беженцев». Таким образом, оппозиции удалось активизировать на показательную борьбу с Россией только чуть более 2,5% от имеющихся там электоральных возможностей – потенциальных избирателей.

Чуть больше трети голосов оппозиция набрала в Армении и Узбекистане, но и это около 3% от числа въехавших в эти страны «беженцев».

В Абхазии, Таджикистане, Туркменистане и Белоруссии противоборства практически не было – показатели около 5%.

В Азербайджане и Молдавии у оппозиции также минимальные показатели – приблизительно 15%.

В трех странах Прибалтики было испорчено 527 бюллетеней, или 12,74% из выданных. Причем почти половина из них пришлась на Эстонию (224 бюллетеня, или 9,19%) и на Литву (203 бюллетеня, или 26,3%). В Литве при 770 проголосовавших В.А.Даванков получил 302 голоса (39,22%), а В.В.Путин – 229 голосов (29,74%), но с учетом испорченных бюллетеней можно признать успех оппозиции. При этом Путин победил однозначно и в Эстонии (75,22%), и в Латвии (70,61%). То есть антирусская позиция этих стран дает свои результаты, и русские вынуждены мимикрировать, чтобы выжить.

Несмотря на почти миллионный наплыв «беженцев» из России в страны постсоветского пространства, особенно в Среднюю Азию, никто из них не проявил особого желания продемонстрировать свое отношение к Родине и практически никак не среагировал на призывы оппозиции. Скорее всего, эти люди стали временными «беженцами» и, возможно, готовы вернуться в Россию после окончания СВО, поэтому не хотят позиционировать себя как участников несистемной оппозиции.

В 32 рассматриваемых странах Европы (без учета Прибалтики и Молдавии) был большой разброс по количеству пожелавших проголосовать. Так, в 11 странах проголосовало от 100 до 1 000 человек, в 10 странах – от тысячи до трех тысяч и в 11 странах – от трех до шести тысяч.

В Германии проголосовало 8 359 человек, а на Кипре – 52 269 человек (44,69% от всех проголосовавших в регионе). При этом 36 870 (69,21%) из них проголосовало досрочно, а Путин получил здесь 88,27% голосов. Возможно, Кипр используется как «загородная дача» многими россиянами, которые по работе (бизнесу) тесно связаны с Россией, и их устраивает нынешнее положение вещей, и, как следствие, такой высокий процент голосов за действующего Президента.

В целом в 32 странах Европы в выборах Президента РФ участвовало чуть более 118 тыс. человек (31,1% от общего числа проголосовавших в мире). Недействительным (испорченным) был признан 12 621 бюллетень (10,67% от общего числа выданных). В.А.Даванков (а вместе с ним и оппозиция) однозначно победил в 16 из рассматриваемых стран. Так, в Черногории Даванков набрал 68,89%, в Сербии – 67,42%, в Чехии – 59,89%, в Нидерландах – 56,88%, в Польше – 53,50%, в Великобритании – 53,07%, в Португалии – 51,65%, в Словакии – 51,08%. В другой группе стран В.А.Даванков набрал менее 50%, но больше, чем В.В.Путин. Например, оппонент действующего Президента РФ в Дании набрал 48,24%, в Хорватии 48,17%, в Австрии – 47,05%, в Испании – 45,57%, в Финляндии – 45,30%, в Словении – 44,71%, в Ирландии – 43,72%, в Венгрии – 43,14%.

Если брать в расчет наше допущение, что недействительные (испорченные) бюллетени и отобранные за В.А.Даванкова голоса можно трактовать как «успех» оппозиции, то к вышеуказанному списку можно добавить еще Люксембург, Швецию, Швейцарию и Францию. В итоге, несмотря на всю негативную прессу, публикации в

Интернете и призывы что-то «доказать» России, все, на что была способна несистемная оппозиция, – это 27 тыс. (22,85%) за Даванкова и 12 тыс. (10,67%) испорченных бюллетеней. И это все выдается за успех?

В 17 странах Ближнего Востока на 34 УИК проголосовало более 41 тыс. человек, причем разброс по числу голосующих большой. В среднем по 500 человек голосовало на УИК Бахрейна, Катара, Омана, Кувейта и Саудовской Аравии. В Эмиратах и в Израиле чуть более четырех тысяч. Максимальное число голосующих было в Турции, где на 4 УИК проголосовало 15 352 человека (36,5% от всех проголосовавших в регионе). При этом в Анкаре при досрочном голосовании проголосовало 7 695 человек, и здесь был зафиксирован минимальный процент испорченных бюллетеней и максимальный процент за В.В.Путина (67,63%) в Турции. А вот на УИК в Трабзоне (Турция) проголосовало всего 350 человек, при этом за Даванкова проголосовало 64,47%, а за Путина – 24,36%.

Как уже отмечалось выше, в данном регионе оппозиция с небольшим перевесом «победила» в Израиле, где Даванков набрал 53,49%, а Путин – 42,69%, при этом еще и испорченных бюллетеней было 18,52%.

В ОАЭ Путин набрал 53,45%, а Даванков – 42,47%. И даже с учетом испорченных бюллетеней (8,73%) результат однозначный и не в пользу оппозиции.

Возможно, все россияне, находившиеся в этот момент на отдыхе, в командировке или в «бегах» в странах Ближнего Востока, так или иначе связывают свою судьбу с сегодняшней Россией, потому что в остальных 15 странах В.В.Путин набирал от 70 до 95% голосов.

В этом регионе Азии, Юго-Восточной Азии и Океании голосование проводилось в 19 странах на 41 УИК. Оппозиция добилась небольших успехов только на 4 УИК: на двух во Вьетнаме и на одном в Индии и в Таиланде. В итоге В.А.Даванков победил во Вьетнаме и Брунее (в последнем было зафиксировано минимальное количество проголосовавших – всего 32 человека). А с учетом испорченных бюллетеней к победе оппозиции можно добавить еще Малайзию и Японию. Однако во всех остальных странах победа В.В.Путина была однозначна – в половине этих стран действующий Президент России набрал от 51 до 85%, при том что результат Даванкова не превышал 45%.

Возможно, россиянам на этих «курортах» было не до выборов, хотя в Таиланде на УИК, расположенному в Пхукете, проголосовало 4 570 человек, из которых за Путина – 48,24%, за Даванкова – 38,93%.

Выборы проходили в 39 странах Африки на 43 УИК, хотя практически в голосовании приняли участие представители 49 стран, так как многие участки обслуживали одновременно по две страны. В этом регионе на всех комиссиях и однозначно победил В.В.Путин с итоговым результатом в 81,62%, при том что почти на половине участков его результат был под 90%. В.А.Даванков набрал 10,82%, и самый лучший результат у него был в Марокко – 33,81%. Из 5 584 проголосовавших в регионе «на память» забрали («украли») только три бюллетеня. Так что обсуждать действия оппозиции в этом регионе однозначно не имеет смысла.

Выборы в Южной и Центральной Америке проходили на территории 21 страны, где было открыто 21 УИК. В этом регионе, как и в Африке, часть УИК обслуживало одновременно две страны, так что фактически в голосовании приняли участие граждане РФ, присутствовавшие на момент выборов на территории 25 стран региона. На трети УИК число голосавших составило от 20 до 100, на трети – от 100 до 300, наибольшее число проголосовавших было в Аргентине – 1 616 человек.

В целом по региону В.В.Путин набрал 56,51%, а В.А.Даванков – 28,8%, однако он был первый в Аргентине (54,89%) и в Парагвае (52,94%), где проголосовало всего 68 человек. В Уругвае Путин и Даванков набрали одинаковое количество голосов (по 78), что дало каждому по 43,09%, но с учетом 9,39% недействительных (испорченных) бюллетеней можно признать «победу» оппозиции. Самый большой процент в регионе недействительных (порченых) бюллетеней был зафиксирован в Аргентине – 19,86%. Трудно представить, что в Аргентине так хорошо знали кандидата В.А.Даванкова; скорее всего, либо постоянно живущие здесь граждане РФ недовольны политикой России, либо российские «беженцы» добрались и до Южной Америки, хотя явно и не в таком количестве, как в страны постсоветского пространства и ЕС.

В Северной Америке на территории США и Канады было открыто по три УИК. В обеих странах однозначно победил Путин, набрав в США 42,23%, а в Канаде 55,84%. У Даванкова, соответственно, – 34,56 и 27,67%. Но если вернуться к зачету в «успех» оппозиции всех недействительных (испорченных) бюллетеней, то в Канаде при 13,17% таких бюллетеней победа все равно осталась за Путиным, а вот в США при 18,92% недействительных бюллетеней можно говорить о символической победе оппозиции. Кстати, две трети испорченных бюллетеней оказались на участке в Нью-Йорке в городе эмигрантов, что, скорее всего, говорит о том, что волна «беженцев» из России докатилась и до США. Однако это явно не те цифры, о которых так много говорила несистемная оппозиция.

Итоги выборов на территории Израиля

Автор статьи принимал участие в этих выборах в качестве наблюдателя от Общественной палаты России на избирательном участке № 8096 на территории генерального консульства РФ в городе Хайфа (Израиль). По тому, сколько времени избиратели проводили в кабинках для голосования, можно было судить: они действительно голосуют или портят бюллетень, внося в него различные надписи. При подсчете голосов выяснилось, что испорченным был практически каждый пятый бюллетень (в основном какими-то записями и возвзаниями).

По тому, что происходило возле избирательного участка, можно было предположить, чего именно пытаются добиться представители несистемной оппозиции в Израиле. Общее руководство и большая группа молодежи (судя по разговорам – недавно прибывших в страну) пытались задержать голосование путем создания очереди. В итоге очередь растянулась по улице почти на километр, и многим желающим проголосовать, потребовалось от трех до пяти часов, чтобы попасть на избиратель-

ный участок. Этим оппозиция пыталась добиться того, чтобы избирателю надоело стоять и он покинул очередь, тем самым чтобы уменьшилось число реально голосующих. Возле избирательного участка почти весь день дежурила группа наблюдателей, которая пыталась вести опрос проголосовавших об их предпочтениях по кандидатам, о причинах, заставивших прийти на выборы, и сроках пребывания в стране. При этом было видно, что почти ежечасно они отчитывались об итогах своей работы перед каким-то штабом.

Суммарно по Израилю на трех избирательных участках проголосовало 4 597 человек, где Даванков набрал 43,5%, Путин – 34,8%, Слуцкий – 1,48%, Харитонов – 1,63%.

Многочасовая очередь несильно повлияла на желание пришедших проголосовать. Так, на участке в Хайфе проголосовало 1 683 человека, что примерно совпадает с числом участников последних парламентских выборов в 2022 г. На президентских выборах в 2018 г. явка незначительно выше 1 963 человек, но при этом 507 из них проголосовали досрочно. Стоит учитывать, что ранее в Израиле открывалось до 12 УИК и практиковалось досрочное и выездное голосование для пожилых избирателей, проживающих в домах для престарелых. В этот раз такой практики фактически не было, да и количество УИК было в четыре раза меньше, поэтому в целом по стране явка была значительно ниже, чем на выборах в 2018 г., когда проголосовало 12 164 человека. Хотя на тех УИК, где в 2024 г. прошло голосование, явка была практически идентичной 2018 г. Проблемы, возникавшие в работе УИК, связаны с техническими возможностями комиссий, ограничивающими обслуживание большой массы избирателей.

При этом активисты несистемной оппозиции в Хайфе (почти сто представителей) после окончания времени голосования пытались силой прорваться на участок, чтобы якобы продолжить голосование. Но все понимали, что в данном случае нарушался закон, и все голосование на участке могло быть признано недействительным, чего в принципе и добивалась оппозиция. В итоге наводить порядок пришлось местной полиции, которая очень быстро справилась с этим вопросом.

Если предположить, что все недействительные, а точнее, испорченные бюллетени и голоса, отданные за В.А.Даванкова, – это результат проплаченной работы оппозиции, то все, что они набрали по Израилю, это 2 850 голосов. И это с учетом того, что с началом СВО в Израиль из России прибыло почти 70 тыс. человек, дополнительно к тем 150 тыс., что числились до этого в консульстве РФ в Израиле; при том что многие из прибывших были не временные беженцы, а имеющие право на репатриацию в Израиль. Так что можно смело предположить, что на момент проведения выборов в стране находилось около 220 тыс. россиян. И из всей этой массы людей, как бы «бежавших» от войны и мобилизации, а значит, по мнению несистемной оппозиции, явно критически настроенных к российской власти, свой публичный «протест» против России пожелало выразить лишь 1,17% от имеющих на это право и возможности. И это вся работа оппозиции?

Хотя, конечно, можно констатировать, что при всех прочих условиях оппозиция в Израиле выборы выиграла.

Итоговые показатели оппозиции по регионам

Исходя из авторского постулата, что недействительные (испорченные) бюллетени и голоса за В.А.Даванкова – это работа зарубежной оппозиции, рассмотрим эти показатели в региональном разрезе. В таблице 4 представлены расчеты автора процентов от итоговых цифр таблицы 3.

Таблица 4. Итоги голосования по регионам и показатели оппозиции
Table 4. Regional voting results and opposition figures

Регионы	1	2	3	4	5	6	7
ПСП	9,7%	22,2%	11,8%	13,2%	27,1%	1,4%	14,6%
ЕС							
БВ							
АОА							
Афр.							
ЮАМ.							
САМ.							
Кол-во стран (в % от общего количества стран – 144)	9,7%	22,2%	11,8%	13,2%	27,1%	1,4%	14,6%
УИК (в % от общего количества УИК – 286)	31,5%	17,8%	11,9%	14,3%	15,0%	2,1%	7,3%
Голосовало (в % от общего количества проголосовавших – 380 961)	45,6%	31,1%	10,8%	8,0%	1,5%	1,5%	1,6%
Недействительных бюллетеней в регионе (в % от общего количества недействительных бюллетеней – 26 147)	3,6%	10,7%	7,9%	7,8%	2,5%	16,7%	9,4%
«Оппозиция» в регионе (суммарно: % недействительных бюллетеней (строка выше) + % голосов за В.А.Даванкова (по данным таблицы 3))	11,6%	33,5%	29,1%	38,8%	13,3%	48,5%	38,2%
% голосов, полученных кандидатом в регионе, от общего числа полученных им голосов за рубежом (по данным таблицы 3)							
Даванков В.А.	22,14%	42,63%	13,73%	14,87%	0,95%	2,84%	2,83%
Путин В.В.	54,50%	25,80%	9,78%	6,02%	1,65%	0,98%	1,28%
Слуцкий Л.Э.	17,97%	50,51%	14,12%	12,68%	1,80%	1,12%	1,80%
Харитонов Н.М.	24,97%	45,13%	11,91%	12,35%	1,74%	1,62%	2,27%

Источник: расчеты автора по данным таблицы 3
Source: the author's calculations based on the Table 3 data

Так, на территории стран постсоветского пространства голосование было организовано в 14 странах (без Грузии и Украины, но с учетом Абхазии и Южной Осетии), что составило 9,7% от общего числа стран, где проводилось голосование (144). В странах постсоветского пространства было организовано 90 УИК – 31,5% от общего числа созданных в мире УИК (286), где проголосовало 45,6% избирателей от общего числа принявших участие в голосовании в целом за рубежом (380 961). При этом недействительных бюллетеней в регионе было 6 252, что составило 3,6% от общего числа таких бюллетеней в целом по зарубежью (26 147). В итоге мы можем предположить, что оп-

позиция набрала в этом регионе 11,6% голосов от общего числа проголосовавших в нем (недействительные (испорченные) бюллетени (3,6%) плюс голоса за В.А.Даванкова (см. таблицу 3 – 8%)).

В странах ЕС несистемная оппозиция набрала 33,5% голосов. Но в масштабах регионов максимум голосов оппозиция набрала как в странах Южной и Центральной Америки (48,5%), так и в странах Азии и ее юго-восточной части (38,2%). В этих странах было самое маленькое число проголосовавших, поэтому даже несколько сотен «недовольных» туристов и беженцев смогли «продемонстрировать» силу оппозиции. В то же время, как видно по таблицам 3 и 4, принявших участие в голосовании российских беженцев в Африке крайне мало, поэтому здесь у оппозиции худшие результаты.

Выводы

В данном исследовании были подвергнуты анализу не только сами итоги выборов за пределами территории РФ, но и возможности несистемной оппозиции влиять на настроения российских граждан за рубежом. Мы опирались на следующие сведения: во-первых, два миллиона граждан РФ (заявленных ЦИК РФ), которые, по информации консульской службы МИД РФ, числились в странах мира, и, во-вторых, непроверенные данные оппозиционной прессы, заявлявшей, что число «беженцев» из России за период СВО составило также два миллиона человек.

Исходя из опыта и позиции автора, в вопросе противоборства кандидата В.В.Путина и несистемной оппозиции на выборах Президента РФ за рубежом фактически «силы» были равны. Как уже отмечалось ранее, согласно исследованиям автора, чем дольше россиянин живет за границей, тем больше он начинает поддерживать политику России в мире. То есть можно гипотетически предположить, что большая часть россиян, постоянно и долго проживающая за границей, вряд ли поддалась бы агитации несистемной оппозиции. В то же время «беженцы» из России – это явно те, на кого могла бы рассчитывать несистемная оппозиция, тем более что на ее работу были выделены солидные суммы денег. В итоге можно предположить, что изначально нейтральных или поддерживающих Россию, по сравнению с недовольными ее политикой, было в соотношении два к трем. То есть у несистемной оппозиции была электоральная база практически в 2,5 млн человек. И что же в результате?

Исходя из предложенного тезиса, что своим представителем несистемная оппозиция избрала кандидата В.А.Даванкова, а также призывала портить бюллетени, стоит отметить, что данный кандидат, набрав 25% голосов, победил лишь в 41 УИК (14,33%), а с учетом недействительных (испорченных) бюллетеней, засчитанных автором статьи в его победу, еще на 15 УИК (5,24%) из организованных 286 УИК. Суммарно по двум этим показателям можно признать победу оппозиции в 26 странах мира (18,05%) из 144. Почти в 20 странах мира, где зафиксирована победа оппозиции, руководство этих стран находится фактически в состоянии войны с Россией, и естественно, что местные массмедиа работают против России и В.В.Путина. Тем не менее

оппозиция победила в этих странах с минимальным преимуществом, что показывает, что представители русской диаспоры, не побоявшись угроз и давления как со стороны своего правительства (страны проживания), так и несистемной оппозиции, пришли и поддержали политику действующего Президента России В.В.Путина. По нашему мнению, к этим печальным для себя выводам практически сразу после выборов пришли многие лидеры несистемной оппозиции, проживавшие в Европе. Ведь в процессе голосования, по данным экзитполов, они делали эмоциональные репортажи, статьи, заметки о поражении России во многих европейских столицах, но через пару дней вся эта тематика сошла на нет.

При этом, на наш взгляд, подавляющее число «лидеров» несистемной оппозиции весьма коррумпированы и поступали по принципу: главное погромче кричать перед выборами, чтобы продолжили финансирование «борьбы», но обещанного результата не достигнуто (при «освоенных» средствах). Если же выделенные миллионы, о которых писалось, в реальности были эффективно потрачены и в результате принесли менее 90 тыс. голосов (и голосов за кандидата, и испорченных бюллетеней) из двухмиллионного зарубежного избирательного округа, то мы можем сделать вывод о крайне низком влиянии оппозиционных «лидеров» и технологий. Доля оппозиционеров в общей генеральной совокупности зарубежного избирательного округа может рассматриваться в подавляющем большинстве стран почти как статистическая погрешность.

Список источников

1. Авакян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания [Constitutional reform 2020 and Russian parliamentarism: reality, solutions, expectations] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33.
2. Авакян С.А. Народное представительство и парламентаризм [People's representation and parliamentarism] // Вестник университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 37–48.
3. Гасанов И.Б., Эбзеев Б.С. Просвещенная свобода выбора – политический императив времени [Enlightened freedom of choice is a political imperative of the time] // Избирательное законодательство и практика. 2017. № 2. С. 3–11.
4. Гришин Н.В. Государственная избирательная политика: предметная область нового научного направления [State electoral politics: the subject area of a new scientific direction] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3(40). С. 71–83.
5. Грищенко Л.Л., Измайлова А.А. Несистемная оппозиция – современная угроза общественной безопасности [Unsystematic opposition is a modern threat to public security] // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 183–189. EDN XCAPHX.
6. Земляной А.В. Значимость принципов избирательного права для гарантий соблюдения избирательных прав российских граждан, постоянно проживающих или временно находящихся за пределами территории Российской Федерации [The significance of the principles of electoral law for guarantees of electoral rights of Russian citizens permanently residing or temporarily residing outside the territory of the Russian Federation] // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 21–27.
7. Лебедева Ю.Н. Современное состояние активного и пассивного избирательного права [The current state of active and passive electoral law] // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 1–2(102–103). С. 156–162.
8. Макаров А.В., Нестерова Т.Ю. Избирательная комиссия как субъект законодательной инициативы по законодательству Российской Федерации [Electoral commission as a subject of legislative initiative in the legislation of the Russian Federation] // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 7–11.

9. Морозова О.С. Участие граждан, находящихся за рубежом, в национальных выборах: зарубежный опыт и отечественная практика [Participation of citizens living abroad in national elections: foreign experience and domestic practice] // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–4. С. 876–880.
10. Москаленко О.А., Ирхин А.А. Гибрис-синдром и технологии делегитимации власти [Hybris-syndrome and technological delegitimization of power] // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 36–51. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.04>. EDN: RPWOKU.
11. Приоритеты деятельности ЦИК России (четыре интервью с Эллой Памфиловой) [Priority activity of CEC of Russia (four interviews with Elloy Pamfilova)] // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4(14). С. 9–49.
12. Селезнев П.С., Крамер А.Д. Минархизм как философская основа конвергенции правого и либерального сегментов несистемной оппозиции в России [Minarchism as a philosophical basis for the convergence of the right and the unsystematic opposition of liberal segments in Russia] // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 5. С. 129–134. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-129-134>. EDN VKAZCZ.
13. Хоперская Л.Л. Релоканты из России – 2022: социальный, психологический и политический феномен [Relokants from Russia – 2022: a social, psychological and political phenomenon] // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3(91). С. 973–987. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.009>. EDN FBGPBL.
14. Челнокова М.Л. Противодействие несистемной оппозиции в социальных сетях [Countering unsystematic opposition in social networks] // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2(102). С. 540–549. <https://doi.org/10.35775/PSI.2024.102.2.017>. EDN HMYFJF.
15. Челнокова М.Л. Технологии противодействия деструктивному влиянию российской несистемной оппозиции в Рунете [Technologies for countering the destructive influence of the Russian unsystematic opposition in Runet] // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9–1(97–1). С. 4390–4398. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.97-1.9-1.009>. EDN JVHEYP.
16. Ярыгин Г.О. Интернет-голосование и перспективы его внедрения для граждан России, находящихся за рубежом [Internet-voting and its implementation prospects for Russian citizens living abroad] // АНИ: экономика и управление. 2016. № 3(16). С. 261–268.

Информация об авторе

БОЧАРОВ Юрий Борисович. Кандидат политических наук. Директор Института исследования информационных войн. <https://orcid.org/0000-0003-0345-0173>. Адрес: Израиль, г. Хайфа. yurabig@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 30 июня 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Avakyan S.A. Constitutional reform 2020 and Russian parliamentarism: reality, solutions, expectations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Seriya: Yurisprudenciya* [Bulletin of Moskovskiy gosudarstvo oblastnogo universiteta Series: Jurisprudence]. 2020; 3:7-33 [In Russian].
2. Avakyan S.A. People's representation and parliamentarism. *Vestnik universiteta im. O.E.Kutafina (MGYA)*. [Vestnik University im. O.E.Kutafina (MGYA)]. 2019; 9:37-48 [In Russian].
3. Hasanov I.B., Ebzeev B.S. Enlightened freedom of choice is a political imperative of our era. *Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral legislation and practice]. 2017. № 2. S. 3-11. [In Russian].
4. Grishin N.V. State electoral politics: the subject area of a new scientific direction. *Kaspiskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture]. 2014; 3(40):71-83 [In Russian].
5. Grishchenko L.L., Izmaylov A.A. Unsystematic opposition is a modern threat to public security. *Akademicheskaya mysль* [Academic thought]. 2022; 2(19):183-189 [In Russian]. EDN XCAPHX.
6. Zemlyanoy A.V. Significance of the principles of electoral law for guarantees of observance of the electoral rights of Russian citizens permanently residing or temporarily located outside the territory of the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka*. [Legal science]. 2021; 4:21-27 [In Russian].
7. Lebedeva Y.N. The current state of active and passive electoral law. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law]. 2020; 1-2(102-103):156-162 [In Russian].
8. Makarov A.V., Nesterova T.Yu. Electoral commission as a subject of legislative initiative in the legislation of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. [State power and local self-government]. 2015; 5:7-11 [In Russian].
9. Morozova O.S. Participation of citizens living abroad in national elections: foreign experience and domestic practice. *Fundamental'nye issledovaniya*. [Fundamental researches]. 2014; 5-4:876-880 [In Russian].
10. Moskalenko O.A., Irhin A. A. Hybris-syndrome and technological delegitimization of power. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. [Polis. Political studies]. 2024; 1:36-51 <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.04>. EDN: RPWOKU. [In Russian].
11. Priority activity of CEC of Russia (four interviews with Elloy Pamfilova). *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. [Citizen. Choice. Power]. 2019; 4(14):9-49 [In Russian].
12. Seleznev PS, Kramer AD. Minarchism as a philosophical basis for the convergence of the right and the unsystematic opposition of liberal segments in Russia. *Humanities. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. [Bulletin of the Financial University]. 2023; Vol. 13, 5:129-134 [In Russian]. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-5-129-134>. EDN VKAZCZ.
13. Hoperskaya L.L. Relokanty from Russia – 2022: a social, psychological and political phenomenon. *Voprosy politologii*. [Question of political science]. 2023; Vol. 13, 3(91):973-987 [In Russian]. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.009>. EDN FGPBL.
14. Chelnokova M.L. Countering unsystematic opposition in social networks. *Voprosy politologii*. [Question of political science]. 2024; Vol. 14, 2(102):540-549 [In Russian]. <https://doi.org/10.35775/PSI.2024.102.2.017>. EDN HMYFJF.
15. Chelnokova M.L. Technologies for countering the destructive influence of the Russian unsystematic opposition in Runet. *Voprosy politologii*. [Question of political science]. 2023; Vol. 13, 9-1(97-1):4390-4398 [In Russian]. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.97-1.9-1.009>. EDN JVHEYP.
16. Yarygin G.O. Internet-voting and its implementation prospects for Russian citizens living abroad. *ANI: ekonomika i upravlenie* [ANI: economics and management]. 2016; 3(16):261-268 [In Russian].

About the author

Yuri B. BOCHAROV. CandSc. (Polit.). Director of the Information Warfare Research Institute. <https://orcid.org/0000-0003-0345-0173>. Address: Haifa, Israel. yurabig@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 10, 2024. Approved after peer review: June 30, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989–2023)

Вера Николаевна Табак[✉]

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
vera.tabak@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6649-9865>

Аннотация. В статье рассматривается эволюция нарративов символической политики в современной Молдове (1989–2023 гг.), в том числе правовой среде. Применив анализ документов и анализ политического дискурса, автор выделил три ключевых нарратива: Россия как угроза, европейская интеграция как национальная идея, миф о тождестве румынского и молдавского языков (языковой нарратив). Особое внимание в статье уделено динамике политических нарративов, их связности. Актуальная политика Молдовы в направлении конструирования румынской идентичности среди молдаван, отражающая интересы этнических миноритариев («румынов-унионистов»), провоцирует социальное разобщение, находящее подтверждение в высококонкурентном политическом процессе, росте числа оппозиционных сил и протестных акций, а в последние годы – снижении доверия к внешнеполитическому вектору республики (европейской интеграции). Однако, националистический идеологический тренд в целом продолжает свое движение, преодолевая пресловутую «многовекторность» и нейтралитет.

Ключевые слова: символическая политика, нарративы, государственная идентичность, государственный национализм, Республика Молдова, европейская интеграция

Для цитирования: Табак В.Н. К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989–2023) // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 222–237, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-222-237](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-222-237)

On the Issue of Symbolic Politics in Modern Moldova (1989–2023)

Vera N. Tabak[✉]

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
vera.tabak@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6649-9865>

Abstract. The article examines the evolution of narratives of symbolic politics in modern Moldova (1989–2023), including among the political “rights”. The analysis of documents and political discourse allowed the author to identify three key narratives: Russia as a threat, European integration as a national idea, the myth of the identity of the Romanian and Moldovan languages (language narrative). Particular attention in the article is paid to the dynamics of political narratives, their coherence. The current policy of Moldova in constructing the Romanian identity among Moldovans, reflecting the interests of ethnic minorities (“unionist Romanians”), provokes social disunity, which is confirmed by the growth in the number of opposition forces and protests, and in recent years – in a decrease in trust in the foreign policy vector of the republic (European integration). However, the nationalist ideological trend, in general, is developing, overcoming “multi-vectorality” and neutrality.

Keywords: symbolic politics, narratives, state identity, state nationalism, Republic of Moldova, European integration

For citation: Tabak V.N. On the Issue of Symbolic Politics in Modern Moldova (1989–2023). Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 3(13): 222–237. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-222-237](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-222-237)

Введение

Нормативизация идеологических нарративов в концепциях, доктринах, программах, стратегиях позволяет осуществить их правовую категоризацию, придать политическим идеям особый – официальный, обязательный (а в отдельных случаях – и обязывающий) – статус. Разумеется, государство занимает особое положение на поле символической политики, поскольку обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов [3, с. 11]. Особенностью нормативно-правовых актов как канала презентации идей является их ограниченность во времени. В этом отношении пролонгированным эффектом обладают акты «длительного пользования» – концептуальные, стратегические, которые после вступления в силу как создают базу для последующего нормотворчества в строго юридическом смысле, так и являются осно-

вой для последующей идеологической политики. Также особенностью нарративов, содержащихся в базовых документах, является априорное ожидание их легитимности, иными словами, легальность позволяет обеспечить их присутствие в политическом пространстве, даже в отсутствии легитимности. Эта мысль в завуалированной форме представлена в словах теоретика символической политики Эдельмана, который утверждал, что оптика этой парадигмы существенно искажает реальные политические связи, поскольку на практике действия правительства не столько удовлетворяют или не удовлетворяют запросы граждан, сколько влияют на их восприятие реальности, меняя их потребности и ожидания [3, с. 6].

Иными словами, символическая политика, отраженная в нормативно-правовых актах, является односторонней деятельностью государства, напрямую связанной с задачами идеологии – объединять, мобилизовывать граждан для движения в сторону, определенную политическим истеблишментом; она может соответствовать или не соответствовать общественно-политическим ожиданиям, традициям, массовому политическому сознанию.

Безусловно, нормативно-правовые акты как источники политических идей не создают общественно-политическую реальность одномоментно, а являются скорее вершинами, содержащими их «пиковые значения», или внешние формы – формулировки. Изучение этих формулировок позволяет проследить динамику и вектор движения общественно-политической мысли страны.

Материалы и методы

Те или иные аспекты символической политики современной Молдовы нередко становились объектом анализа среди ученых, однако чаще всего рассматриваются в контексте споров об идентичности и этногражданского конструирования [6–7], в том числе и в связи с проблемой Гагаузии и Приднестровья [2, 5], конкуренции интеграционных проектов [4, 9, 10], евроинтеграционного курса Молдовы [1]. В последние годы следует отметить выход фундаментальных трудов историков-молдавенистов В.П.Степанова, П.М.Шорникова, фактически исследующих символическое поле Молдовы в разрезе этнополитического конструирования [7] и государственной идеологии [11]. Текущее исследование опирается на работы указанных авторов. Вместе с тем оно вводит в научный оборот и интерпретирует по-новому ряд положений ключевых правовых актов Молдовы.

Актуальность рассмотрения символической политики Молдовы обусловлена ухудшением молдавско-российских коммуникаций, которое нашло отражение на разных треках взаимодействия в 2021–2023 гг. – как политико-дипломатическом, культурно-информационном, так и экономическом. Своеобразным апогеем антироссийской проводимого курса стало утверждение поправок в Стратегию националь-

ной безопасности в 2023 г., в которой Россия названа одной из ключевых угроз¹. Однако идея о России как угрозе не нова и фактически опирается на давно существующую политико-лингвистическую базу. Более того, эта идея тесно связана с идеей евроинтеграции Молдовы. Еще один ключевой нарратив – идея об отсутствии молдавского языка, его искусственном конструировании, которая, как ожидают ученые, с легкостью трансформируется в нарратив об искусственности молдавского этноса. Все три ключевых нарратива нацелены на формирование в Молдове модели нации-государства, враждебного по отношению ко всем этносам, включая титульный – молдавский. Рассмотрим эволюцию каждого из них.

Результаты исследования

Языковой нарратив (миф о тождестве молдавского и румынского языков; миф об искусственности молдавского языка)

В 1989 г. в МССР был принят закон «О функционировании языков на территории Республики Молдова» № 3465-ХI², который перевел молдавский язык на латинскую графику, что вызвало непонимание среди населения. Одновременно с этим русский язык был лишен в республике статуса государственного. По данным Т.П.Млечко, молдавским владели лишь 68% населения³, таким образом, значительная часть населения, а именно русскоязычные граждане, были поражены в правах. Языковой вопрос стал одной из причин конфликта с Приднестровьем и с Гагаузией в начале 1990-х гг.

Декларация о независимости Молдовы, принятая 27 августа 1991 г., содержала ссылку к румынскому языку. В частности, в ней говорилось, что провозглашение румынского языка государственным и возврат ему латинского алфавита являются выражением демократического движения за национальное освобождение населения Республики Молдова. Наряду с законом о языке также назывались заключительные документы Великих Национальных Собраний, состоявшихся в Кишиневе в 1989–1991 гг., а также законы Парламента Республики Молдова о Государственном флаге от 27 апреля 1990 г., о Государственном гербе от 3 ноября 1990 г. и об изменении официального названия государства от 23 мая 1991 г.

1 По приглашению экспертов в области российско-молдавских отношений Валентина Комлева приняла участие в дискуссии о коммуникационном режиме Молдовы // НИИРК. URL: <https://nircrus.ru/events/valentina-komleva-prinyala-uchastiye-v-diskussii-o-kommunikatsionnom-rezhime-moldovy/>.

2 О функционировании языков на территории Молдавской ССР: Закон № 3465 от 01.09.1989. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_от_01.09.1989_№_3465_«О_функционировании_языков_на_территории_Молдавской_ССР».

3 Млечко Т.П. Русские и русскоязычное пространство Республики Молдова: тенденции и результаты преобразовательных процессов. URL: <https://ru.mapryal.org/filecache/upload/files/7-russkie-i-russkoyazychnoe-prostranstvo-moldovy.pdf>.

В действительности же речь шла не столько о движении за освобождение, сколько о стремлении объединиться идейно и политически с Румынией – ведь фактически Молдова приняла для себя румынскую национальную символику – флаг и герб страны, утвердила перевод языка на латинскую графику. Следует отметить, что хотя стандарты румынского языка стали преобладать в СМИ и системе образования Молдовы еще в 60-х гг. XX в. [11, с. 15], именно Закон о функционировании языков следует рассматривать в качестве стартового символического события, с которого следует отсчитывать формально-юридическую жизнь нарратива об искусственности молдавского языка.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Декларации о независимости содержались слова об «этническом пространстве становления национального государства» – дважды делался акцент на национальном факторе, что является противопоставлением советской (многонациональной) модели и свидетельствует о намерении выстраивать модель нации-государства.

29 июля 1994 г. была принята ныне действующая Конституция Республики Молдова, где государственным языком определен молдавский, функционирующий на основе латинской графики.

В дальнейшем латинизации подвергнется не только язык (во всех учебных заведениях Молдовы с 1992 г. стали преподавать только румынский язык, молдавский – исконно молдавский (на кириллической графике) – сохранился только в Приднестровье⁴), но и культурно-идеологическое поле целиком: молдавская литература, молдавская история окажутся поглощены румынским этнокультурным массивом. Румынами будут объявлены писатели, которые писали на молдавском языке, господари средневековой Молдавии, притом что румынское государство было образовано только во второй половине XIX в., а Молдавское княжество существует с середины XIV в. Удивительно, что те румынские деятели, которые подавляли молдаван в годы фашистской оккупации, войдут в пантеон славы, и окажется, что с Гитлером они пришли освобождать свои земли...

Политика навязывания румынской идентичности начнет приводить к ожидаемым результатам: наблюдается постепенное снижение количества людей, считающих родными молдавский и русский языки, увеличивается число тех, кто называет себя румынами или считает румынский родным (таблица).

В 1995 г. при вступлении в Совет Европы одним из обязательств Молдовы было присоединение к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Конвенция предусматривала необходимость того, что присоединившиеся к ней страны периодически будут информировать Совет Европы о реализации конвенции, на основании чего Комитет министров СЕ будет выносить резолюции, содержащие рекомендации данной стране, в том числе для принятия неотложных мер⁵.

4 История вопроса о наименовании государственного языка в Молдавии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/17287309>.

5 Совет Европы об исполнении Республикой Молдова Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств: выводы и рекомендации (Информационная справка). URL: <https://ksrs.md/2022/10/27/совет-европы-об-исполнении-республик/>.

Таблица. Некоторые сведения о самоидентификации населения Молдовы (1989–2014)

Table. Some information about the self-identification of the Moldovan population (1989–2014)

Год переписи	Количество людей, называвших себя румынами	Количество людей, называвших румынский родным	Количество людей, называвших себя молдаванами	Количество людей, называвших молдавский родным	Количество людей, называвших себя русскими	Количество людей, называвших русский родным языком
1989 (МССР) ⁶	0,06%	нет данных ⁷	64,5%	62%	13%	23%
2004 (РМ без ПМР) ⁸	2,17%	16,5%	75,8%	60%	5,9%	11,3%
2014 ⁹ (РМ без ПМР)	7%	22,8%	73,7%	55%	4%	9,4%

Источник: составлено автором на основании публичных статистических данных
Source: Compiled by the author based on public statistical data

Указанный комитет публиковал доклады, в которых давал недвусмысленную оценку недостаткам этнической политики, которая с годами не становилась лучше, а многие обещания Молдова попросту не выполняла.

Закон «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций» 2001 г. гарантировал получение дошкольного воспитания, начального, среднего, высшего и поступившего в университетского образования на молдавском и русском языках и создание условий для реализации их прав на воспитание и обучение на родном языке (украинском, гагаузском, болгарском, иврите, идише и др.). Законом закреплено важное положение о том, что лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право на участие в управлении общественными делами¹⁰. Однако, по мнению историка П.М.Шорникова, сравнившего Закон с набо-

6 Данные рассчитаны на основе Всесоюзной переписи населения 1989 г. «Распределение населения Молдавской ССР по наиболее многочисленным национальностям и языку». URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_mo.php

7 Однако 32% румын считали в 1989 г. родным языком румынский.

8 Итоги переписи населения 2004 года. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики. URL: <https://web.archive.org/web/20151114001813/>; <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ru&idc=1688&id=2358>; Млечко Т.П. Русские и русскоязычное пространство Республики Молдова: тенденции и результаты преобразовательных процессов. URL: <https://ru.margyal.org/filecache/upload/files/7-russkie-i-russkoyazychnoe-prostranstvo-moldovy.pdf>; Некоторые итоги переписи 2004 года в Молдавии. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit08.php>.

9 Характеристики – Население1 (население по районам, полу, возрасту, этнической принадлежности, родному языку) // Перепись населения и жилищ в Республике Молдова, 12–25 мая 2014 г. URL: <https://statistica.gov.md/ru/перепись-населения-и-жилищ-в-республике-молдова-12-25-мая-2014-г>.

10 Закон «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций»: 20 лет со дня принятия и проблемы реализации. URL: <https://ksrs.md/2021/11/30/закон-о-правах-лиц-принадлежащих-к-на>.

ром «деклараций о благих пожеланиях», законодательные рамки формирования нации-государства не претерпели реальных изменений [11, с. 137].

В Концепции национальной политики Республики Молдова¹¹, принятой в декабре 2003 г., признавалась самостоятельность двух языков. В частности, в документе говорилось: «Связанные общим происхождением, имея общий основной лексический фонд, молдавский национальный язык и румынский национальный язык сохраняют каждый свой лингвоним / глоттоним как идентификационный признак каждой нации – молдавской и румынской». В соответствии с документом молдаване признаются государствообразующей национальностью и «вместе с представителями других этносов: украинцами, русскими, гагаузами, болгарами, евреями, румынами, белорусами, цыганами (ромами), поляками и другими – составляют народ Молдовы, для которого Республика Молдова является общей родиной».

Далее говорится о необходимости обучения молдавскому языку как о национальном приоритете Молдовы, отмечается статус русского языка в соответствии с действующим законодательством – как языка межнационального общения, применяющегося в различных областях жизнедеятельности государства и общества, отмечается характерное для Молдовы молдавско-русское двуязычие. Концепция постулирует цели национальной политики, среди которых – развитие всех этнических и языковых сообществ, развитие традиционно корректных межэтнических отношений, преодоление последствий гражданского конфликта конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., деформировавшего межэтнические отношения в Молдове, нейтрализация в соответствии с законодательством о правах человека и требованиями Конституции непрекращающихся попыток демолдовенизации, отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности, дискредитации молдавской истории, игнорирования этнонима «молдаване» и глоттонима «молдавский язык», безотлагательное создание необходимых условий для овладения молдавским языком лицами, не владеющими им, недопустимость сужения сферы использования русского языка в различных областях жизнедеятельности государства и общества¹². По словам историка П.М.Шорникова, принятие Концепции позволило сделать шаг от курса на формирование нации-государства к проекту государства-нации [11, с. 172]. Впрочем, дальнейшие события покажут, что последующие шаги, логически вытекающие из текста Концепции, сделаны не были.

5 декабря 2013 г. Конституционный суд РМ признал Декларацию о независимости 1991 г. частью конституции страны и верховенство Декларации над Основным законом. Решение о принятии соответствующих изменений в Конституцию было заблокировано парламентской оппозицией¹³. В период президентства И.Н.Додона был принят Закон «О нормативных актах» (2017), который предписывал разрабатывать тексты всех правовых актов республики на румынском языке как государственном,

11 Об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова: Закон № 546 от 19.12.2003. URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=312846>.

12 Там же.

13 История вопроса о наименовании государственного языка в Молдавии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/17287309>.

а Правительству было поручено в шестимесячный срок привести документы в соответствие с требованием данного закона, однако это решение не было исполнено¹⁴, поскольку И.Н.Додон не поддерживал националистический курс парламента.

Принятый в 2014 г. новый Кодекс об образовании отменил действовавший с 1995 г. аналогичный закон и радикальным образом изменил имевшуюся в последние два десятилетия возможность получения образования на молдавском и русском языках: отныне государство обеспечивает учебный процесс только на румынском языке. Русский язык в качестве языка обучения в кодексе даже не упоминается¹⁵.

В декабре 2016 г. Правительство утвердило Стратегию укрепления межэтнических отношений в Республике Молдова на 2017–2027 гг.¹⁶, разработанную при поддержке офиса Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств¹⁷. Как следует из аналитического обзора, выполненного группой молдавских экспертов¹⁸, Стратегия не нацелена на решение ключевых проблем, опасений и вопросов, таких как интеграция этнокультурных сообществ, изучение языка, представительство меньшинств на политическом и государственном уровне, отсутствуют механизмы ее реализации, контрольные показатели в целях регулярной оценки¹⁹ и т.д.

Также главой государства в 2017 г. была предпринята попытка провести референдум, одним из вопросов которого было преподавание в учебных заведениях страны предмета «История Республики Молдова» вместо «Истории румын», но Конституционный суд Республики Молдова запретил проведение референдума²⁰. В 2020 г. будет принят закон «О функционировании языков на территории Республики Молдова», в котором сохранится положение о многоязычии (русский в качестве языка межнационального общения может применяться наряду с молдавским в различных областях деятельности государства), однако Конституционный суд признает его

14 Там же.

15 Сидоров М. Национальные меньшинства в Молдове: правовая защита и реальное положение в обществе / Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/natsionalnye_menshinstva_v_moldove_pravovaya_zashchita_i_realnoe_polozhenie_v_obshchestve_2267/.

16 Об утверждении Стратегии укрепления межэтнических отношений в Республике Молдова на 2017–2027 годы: Постановление Правительства РМ № 1464 от 30.12.2016. URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=369024>.

17 Сидоров М. Национальные меньшинства в Молдове: правовая защита и реальное положение в обществе / Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/natsionalnye_menshinstva_v_moldove_pravovaya_zashchita_i_realnoe_polozhenie_v_obshchestve_2267/.

18 Тон и выводы документа носят явно прорумынский характер, поскольку фактически навязывают идею демолдовенизации: «Поскольку термин “молдовенизм” был дискредитирован с точки зрения важных политических игроков и активистов, следует, по-видимому, избегать использования понятия “Молдавская гражданская идентичность”, и, вместо этого, следует поощрять концепцию “гражданской идентичности Республики Молдова”».

19 Гроза Ю. Укрепление социальной сплоченности и общей идентичности в Республике Молдова // Основные вопросы и практические рекомендации / Ю.Гроза, М.Йопп, В.Кульминский. Кишинев, 2017. С. 19. URL: <https://www.ipis.md/wp-content/uploads/2018/02/Social-Cohesion-and-Common-Identity-RU.pdf>.

20 Граждане Румынии запретили гражданам Молдовы выражать свое мнение на референдуме. URL: <http://www.evedomosti.md/news/grazhdane-rumynii-zapretili-grazhdanam-moldovu-vyrazhat-svoe>.

противоречие Декларации о независимости и Конституции, в том числе потому, что ставит в привилегированное положение русскоязычных жителей. Также КС отметил, что «законодатель, закрепив русский в качестве языка межнационального общения, придал ему статус, который не предусмотрен Конституцией», «приоритет русского языка, который является языком одного из национальных меньшинств, ставит его на один уровень с государственным и ущемляет языки других этнических сообществ, проживающих в республике»²¹.

В марте 2023 г. в период президентства М.Санду Парламент Молдовы одобрил переименование государственного языка с молдавского в румынский. Согласно поправке, слова «молдавский язык» во всех законодательных актах заменяются словами «румынский язык». Это также касается слов «государственный», «официальный» и «родной» язык. Кроме того, из Конституции исключается текст «функционирующий на основе латинской графики», который признан устаревшим²².

Европейский нарратив (принадлежность Молдовы к европейской семье государств)

Уже в Декларации о независимости 1991 г. Молдова, признавая необратимость процессов демократизации, происходящих в Европе и в мире, объявила желание установить политические, экономические, культурные и иные связи, прежде всего с европейскими государствами и со странами всего мира.

Значительным сдвигом в процессе сближения и углубления сотрудничества между Республикой Молдовой и Европейским союзом стал первый фундаментальный документ – Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и РМ, заложившее основу процесса европейской интеграции Республики Молдова. Вступившее в силу в 1998 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, спустя четыре года после его подписания в 1994 г., предоставило Молдове статус партнера ЕС для ведения полноценного политического диалога и укрепления правового и экономического сотрудничества. В Концепции внешней политики 1995 г. это соглашение рассматривалось как первый шаг на пути постепенного вхождения в Европейский союз – перспективной цели внешней политики Республики Молдова [9, с. 9]. Интеграция Республики Молдова в Европейский союз стала «стратегической целью внешней политики» Молдовы в Программе деятельности Правительства И.Стурзы на 1999–2002 гг. «Главенство законов, оживление экономики, интеграция в европейские структуры» [9, с. 9].

Надо сказать, что идея сближения с Европой в Молдове была неразрывно связана с необходимостью решить приднестровский конфликт – ведь страна, которая не сумела на практике реализовать европейские принципы и идеалы, не может

21 Закон «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций»: 20 лет со дня принятия и проблемы реализации. URL: <https://ksrs.md/2021/11/30/закон-о-правах-лиц-принадлежащих-к-на-/>.

22 Парламент Молдавии одобрил переименование государственного языка в румынский // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17287143>.

войти в ЕС. На практике это выражалось в попытках буквально «через колено» решить проблему – с 2001 г. Приднестровье находится в условиях блокады со стороны РМ. Приднестровский кейс, действительно, кость в горле евроинтеграторов, потому что самим фактом своего существования демонстрирует абсолютную далекость Молдовы от принципов европейского сообщества. Лишь в 2023 г. евроинтеграторы сменили риторику, обозначив возможность вхождения Молдовы в ЕС без Приднестровья, т.е. с нерешенным территориальным конфликтом, что в очередной раз демонстрирует двойные стандарты и обнажает их истинные намерения.

Стратегический курс Кишинева демонстрирует последовательную реализацию курса на европейскую интеграцию Молдовы: План действий ЕС – Молдова (2004), вхождение в программу «Восточное партнерство» (2009), подписание Соглашения об Ассоциации с ЕС (2014). Соглашение об Ассоциации стало юридическим выражением стратегического характера отношений Молдовы с ЕС, целями которого являются политическая ассоциация и экономическая интеграция. Однако в Концепции внешней политики Республики Молдова данный характер стратегических отношений не нашел свое выражение [9, с. 17].

Следует отметить, что от направления сотрудничества через geopolитическое направление идея ЕС трансформируется в идеальный образ: современное европейское демократическое государство формулируется как идеал для Молдовы. И если раньше речь шла о том, чтобы установить связи с такими государствами, то теперь речь идет о том, чтобы идентифицировать себя с ними, стать с ними одним целым. Буквально в Стратегии национальной безопасности Молдовы 2023 г. говорится: Молдова следует вести себя как де-факто член Европейского союза²³.

В Стратегии фиксируется необходимость тщательной подготовки страны к вступлению в Европейский союз ориентировано к 2030 г.; в будущем Молдова видит себя государством-членом Европейского союза, вносящим вклад в развитие европейского проекта, а также полностью контролирующим свою территорию; вступление в ЕС – национальная цель безопасности (в связи с этим в СМИ активно пропагандируется бинарный тезис: Россия – агрессия, война; Европа, ЕС – мир). Цель Стратегии – постепенное приведение Республики Молдова в соответствие с положениями Стратегического компаса по укреплению безопасности и обороны Европейского союза в следующем десятилетии, который был принят 21 марта 2022 г. В этом Компасе главной и долгосрочной угрозой для Европейского союза называется Россия; помимо осуждения присоединения Крыма и проведения специальной операции на Украине Евросоюз обвиняет Россию в стремлении установления сфер влияния, указывая на вооруженное нападение на Грузию, фактический контроль над Белоруссией, присутствие российских войск в затяжных конфликтах, например, в Приднестровье, также говорится о российской вооруженной «агрессии» против Украины²⁴. В 2020 г. тезис об

23 Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Молдова: Постановление Парламента Республики Молдова № HP391/2023 от 15.12.2023 // Președintia Republiei Moldova. URL: https://presedinte.md/app/webroot/uploaded/Proiect%20SSN_2023_Ru.pdf.

24 Алешин А.А. Евросоюз разработал свою первую оборонную стратегию. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/evrosoyuz-razrabotal-svoyu-pervuuyu-oboronnuyu-strategiyu>.

угрозе для Румынии действий России (особенно в районе Черного моря) вошел в текст Стратегии нацбезопасности Румынии (Ст. 119, 121)²⁵.

В решение молдаво-приднестровского конфликта, согласно молдавской стратегии, должны быть активно вовлечены Европейский союз и другие стратегические партнеры.

Таким образом, мы видим, что европейский нарратив с годами в публичном правовом пространстве стал прочно ассоциироваться с российской «агрессией». Рассмотрим подробнее его эволюцию.

Антироссийский дискурс

Базовый Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Молдова и Российской Федерации (2001) определял отношения с Россией как стратегическое партнерство. Он был подписан лидером коммунистов В.Ворониным, а в Парламенте Молдовы в то время коммунисты заняли абсолютное большинство мандатов, в связи с чем связывались большие надежды на улучшение двусторонних отношений, тем более что глава государства обещал решить проблему русского языка и даже рассматривал инициативу вхождения Молдовы в Союз России и Белоруссии. Однако уже вскоре глава государства отказался от своих обещаний, а после 2003 г., когда Москве не удалось реализовать план реинтеграции страны по т.н. «Меморандуму Козака» (условно – план «федерализации» Молдовы, поскольку Приднестровью предоставлялась широкая автономия), в отношениях двух сторон наметилось ухудшение, которое продлилось до президентства И.Н.Додона. Тогда президент страны В.Воронин объяснил отказ от подписания документа тем, что «процесс разработки Меморандума должен был реализовываться при активном дипломатическом участии европейских институтов (ОБСЕ, ЕС, НАТО, Еврокомиссии) и других европейских структур». Также В.Воронин отметил, что «обозначив приоритет европейского вектора развития Молдовы и проводя курс на европейскую интеграцию, разрешение приднестровского вопроса за спиной Европы было бы непонятно европейским институтам и бесперспективно для Молдовы»²⁶.

Немалую роль в формировании антироссийского дискурса стали играть разногласия между Россией и Европой в 2000-х гг., а также становящаяся непримиримой позиция европейских демократических структур в отношении политico-правового порядка в России. В этой связи не удивительным является решение ЕСПЧ № 349 от 2004 г., признавшее Россию «агрессором» в «русско-молдавской войне 1992 года» и «оккупантом восточной части Республики Молдова» [11, с. 148]. Дальнейший молдавский дискурс в отношении России будет увязан с развитием проевропейского вектора.

25 Strategia Națională de Apărare a Țării pentru perioada 2020-2024 a fost aprobată prin Hotărârea nr. 22 a Ședinței comune a Senatului și Camerei Deputaților din 30 iunie 2020, care a fost publicată în Monitorul Oficial, Partea I, nr. 574 din 1 iulie 2020. URL: https://www.presidency.ro/files/userfiles/Documente/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_2020_2024.pdf.

26 Российский план урегулирования отвергнут по согласованию с Путиным? // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/188193.html>.

тора²⁷. Так, в Программе деятельности Правительства на 2005–2009 гг. уже не будет рассматриваться сотрудничество с Российской Федерацией, а акцентируется необходимость сотрудничества со странами-партнерами в рамках СНГ [9, с. 12].

В период нахождения на посту и.о. президента Мариана Лупу удалось продвинуться в развитии двусторонних отношений, а дискурс в отношении России характеризовался умеренностью. М.Лупу заявлял, что «евроинтеграция Молдовы не может произойти за счет... дружественных отношений с Россией», которые являются частью молдавской идентичности²⁸. В 2011 г. состоялось продление Договора о дружбе и сотрудничестве, в котором сохранялась роль Российской Федерации как стратегического партнера. Также в 2011 г. был подписан Договор о зоне свободной торговли СНГ [9, с. 16]. В Стратегии национальной безопасности 2011 г. утверждается идея интеграции страны в Европейский союз, а также тесное стратегическое партнерство с Соединенными Штатами Америки. Россия пока еще фигурирует в качестве страны, с которой будет вестись стратегическое партнерство. Таким образом, углубляя и формируя сотрудничество с Западом в этот период времени, на рубеже 2010-х гг., тем не менее Молдова не рассматривает Россию как угрозу, при том что идея о выводе российских войск из Приднестровья уже постоянно повторяется.

Президент Молдовы Николае Тимофи (2012–2016), юрист по профессии, уже после окончания своего президентского срока выражал сожаление, что «не сумел за период своего двухлетнего правления запретить советскую символику, а также Партию коммунистов», называя это главной неудачей. В 2012 г. депутаты правящего альянса приняли постановление «Об осуждении тоталитарного коммунистического режима» и закон о запрете символа «серп и молот», что было опротестовано коммунистами. После отрицательного вердикта Венецианской комиссии в отношении запрета молдавских властей коммунистической символики Конституционный суд признал неконституционным данное постановление²⁹.

Президентство И.Н.Додона с точки зрения политico-правового регулирования дискурса отмечено неудачей с инициативой в проведении референдума по четырем вопросам, в т.ч. возвращению предмета «История Молдовы»³⁰ в 2017 г. В дальнейшем президент Додон скорректирует некоторые из своих идей – из его риторики пропадут призывы к отмене Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, резкие выпады в сторону евроатлантической интеграции и необходимости скорейшего закрытия учреждений НАТО в Кишиневе³¹. Идея с референдумом о внешнеполитическом векторе

27 Напомним, в 2004 г. Молдова и ЕС перешли к программированию интеграции посредством принятия Плана ЕС-Молдова, стартовала программа «Политика соседства Евросоюза» (ПСЕ).

28 Конец «Альянса за европейскую интеграцию» // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/388>.

29 Новости ПКРМ. Главной своей неудачей Тимофи назвал свою неспособность запретить символику коммунистов // СКП КПСС. URL: <http://skpkpss.ru/19-03-2014-novosti-pkrm-glavnoj-svoej-neudachej-timofti-nazval-svoyu-nesposobnost-zapretit-simvoliku-kommunistov/>.

30 Албу С. Чем запомнится президентство Игоря Додона 2016–2020? URL: <https://regtrends.com/2020/10/30/chem-zapomnitsya-prezidentstvo-igorya-dodona-2016-2020/>.

31 Там же.

уступит место концепции «взвешенной внешней политики» и нейтрального статуса³². Вместе с тем при «промолдавском» президенте И.Н.Додоне был подписан Меморандум о сотрудничестве Молдовы с Евразийским экономическим союзом, после чего республика получила статус наблюдателя в организации³³. Однако, по мнению некоторых политологов, проблемой Додона являлось то, что «он руководствуется во внешней политике Соглашением об ассоциации с Евросоюзом, которое Молдова подписала в 2014 году», что исключает участие РМ в евразийском интеграционном проекте во главе с Россией³⁴.

Резкая деградация отношений и, как следствие, дискурса в отношении России наступит в период президентства М.Санду³⁵, при которой Молдова выйдет из десятков соглашений о сотрудничестве с РФ и СНГ. Будет отменено празднование 9 мая, а также запрещено ношение Георгиевской ленты. В Стратегии национальной безопасности Молдовы 2023 г. позиция в отношении России станет совершенно жесткой и безапелляционной. Из 6 основных рисков для национальной безопасности Молдовы 3 окажутся связаны с российской стороной. В частности, в документе говорится, что «угрозами национальной безопасности для Молдовы являются: 1) военная агрессия Российской Федерации против Украины и амбиции российского правительства военным путем создать сухопутный коридор в Республику Молдова, что создает условия для насилиственного изменения конституционного строя нашей страны и ликвидации ее государственности; 2) проводимые Российской Федерацией против Республики Молдова в политической, экономической, энергетической, социальной, информационной, кибернетической и других областях гибридные операции, нацеленные на подрыв конституционного порядка, срыв европейского курса страны и/или дезинтеграцию государства; 3) незаконное военное присутствие Российской Федерации в приднестровском регионе и осуществление контроля над сепаратистским образованием».

ВЫВОДЫ

Нормативно-правовые основы символической политики в современной Молдове (1989–2023) при определенном временном отдалении демонстрируют нисходящий тренд в отношении России. Несмотря на инициативы отдельных политиков и

32 Там же.

33 «Я не пророссийский, а промолдавский политик». Политический путь Игоря Додона // TACC. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9988413>.

34 Итоги президентства Игоря Додона – взгляд из Приднестровья // ПолитНавигатор. URL: <https://www.politnavigator.net/itogi-prezidentstva-igorya-dodona-vzglyad-iz-pridnestrovya.html>.

35 Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой в связи с антироссийскими высказываниями руководства Молдавии 14.02.2023 // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1853931/; Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой о ситуации в Молдавии 25.08.2023 // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901666/.

яркую риторику относительно многовекторности или двувекторности, в целом Молдова движется в фарватере евро-атлантического вектора. Значительное влияние на этот процесс оказывают отношения России с Западом, однако их скорее следует рассматривать не как причину, а удобный повод – внешнее обстоятельство, позволяющее Молдове на протяжении трех десятилетий реализовывать проект «нации-государства».

Для оправдания неэффективности борьбы с этим процессом молдовенистских (или пророссийских) сил каждый раз находятся убедительные (и не очень) причины. Осторожно предположим, что для успеха первых и неуспеха вторых есть лишь одно убедительное оправдание – негласный общественный договор, позволяющий местным жителям соглашаться и не сопротивляться происходящему на их глазах процессу – настолько латентному, что даже социологические опросы, регулярно проводимые в Молдове, не могут выявить его. Доказательство или опровержение данной гипотезы может быть найдено в ходе дальнейшего углубленного изучения национального самосознания молдаван.

Список источников

1. Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах [The role of European memory policy in the state historical policy of Moldova and Ukraine in the 2000s] // Политическая наука. 2018. № 3. С. 204–230.
2. Донай Л., Гришин О.Е. Гагаузия: путь к независимости или сохранение статус-кво? [The role of european memory policy in the state historical policy of Moldova and Ukraine in the 2000s] // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 2(4). С. 45–60.
3. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля [Symbolic politics: Outlines of the problem field] // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: О.Ю.Малинова. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012.
4. Павлюк К.А. Молдавская идентичность: два проекта, два пути развития страны [Moldovan identity: two projects, two paths of the country's development] // Дискурс-Пи. 2021. № 3. С. 142–159. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_142.
5. Плеханов А.А. Причины обострения этнополитической ситуации в Гагаузии [Reasons for the aggravation of the ethnopolitical situation in Gagauz] // Национально-этнические процессы в региональном политическом пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 17–18 октября 2013 г. / Под редакцией: В.С.Слобожниковой, В.А.Труханова. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2014. С. 424–431.
6. Стати В.Н. Между русскими и румынами [Between Russians and Romanians] // Русин. 2012. № 1(27). С. 130–136.
7. Степанов В.П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.) [Ethnopolitical construction of civil identity on both banks of the Dniester (1989–2014)]: моногр.: научное изд. Предисл. проф. М.Н.Губогло; Рос. ин-т стратег. исслед.; Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г.Шевченко, Ин-т истории и гос. управления. М.; Тирасполь, 2015.
8. Ткач А.В. Реконфигурация внешней политики Республики Молдова в контексте европейской интеграции и сотрудничества с Российской Федерацией и СНГ [Reconfiguration of the Foreign Policy of the Republic of Moldova in the context of European integration and cooperation with the Russian Federation and the CIS] // Science Time. 2019. № 10(70).
9. Фадеева Л.А., Плотников Д.С. Проблемная европейская идентичность Молдовы: «бои за историю» [Moldova's problematic European identity: "Battles for History"] // Современная Европа. 2017. № 6(78). С. 132–143.

10. Шень Л., Ду И., Суо Л. Векторы внешней политики Молдовы на фоне российской специальной военной операции [Vectors of Moldova's foreign policy against the background of the Russian Special Military Operation] // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1(98-1). С. 5251–5259.
11. Шорников П.М. Государственная доктрина Республики Молдова [State doctrine of the Republic of Moldova]. М.: ИСПИРР, 2023. 335 с.

Информация об авторе

ТАБАК Вера Николаевна. Ассистент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. <https://orcid.org/0009-0005-6649-9865>. Адрес: Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2. vera.tabak@bk.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 июня 2024 г. Одобрена после рецензирования: 29 июля 2024 г. Принята к публикации: 31 августа 2024 г. Опубликована: 23 сентября 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Voronovich A.A. The role of European memory policy in the state historical policy of Moldova and Ukraine in the 2000s. Political Science. 2018; 3:204–230 [In Russian].
2. Donay L., Grishin O.E. Gagauzia: The path to independence or maintaining the status quo? Problems of the Post-Soviet Space. 2015; 2(4):45–60 [In Russian].
3. Malinova O.Yu. Symbolic politics: Outlines of the problem field. Symbolic Politics: Coll. of scientific papers / RAS. INION. Center for Social. Scientific and Information Research. Dept. of Political Science; Ed.: Malinova O.Yu. Issue 1: Constructing Ideas about the Past as a Power Resource. Moscow, 2012 [In Russian].
4. Pavlyuk K.A. Moldovan identity: two projects, two paths of the country's development. Discourse-Pi. 2021; 3:142–159 [In Russian]. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_142.
5. Plekhanov A.A. Reasons for the aggravation of the ethnopolitical situation in Gagauzia. National and ethnic processes in the regional political space: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Saratov, October 17–18, 2013 / Edited by: V.S.Slobozhnnikova, V.A.Trukhanov. Saratov: Saratov State Law Academy, 2014:424–431 [In Russian].
6. Statis V.N. Between Russians and Romanians. Rusin. 2012; 1(27):130–136 [In Russian].
7. Stepanov V.P. Ethnopolitical construction of civil identity on both banks of the Dniester (1989–2014): monograph: scientific ed. Preface by prof. M.N.Guboglo; Rus. In-t Strat. Res.; Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Institute of History and Public Administration. Moscow; Tiraspol, 2015 [In Russian].

8. Tkach A.V. Reconfiguration of the foreign policy of the Republic of Moldova in the Context of European Integration and Cooperation with the Russian Federation and the CIS. Science Time. 2019; 10(70) [In Russian].
9. Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Moldova's problematic European identity: "Battles for History". Modern Europe. 2017; 6(78):132–143 [In Russian].
10. Shen L., Du Y., Suo L. Vectors of Moldova's Foreign Policy against the Background of the Russian Special Military Operation. Political Science Issues. 2023; Vol. 13, 10-1(98-1):5251–5259 [In Russian].
11. Shornikov P.M. State doctrine of the Republic of Moldova. Moscow: ISPIRR, 2023:335 [In Russian].

About the author

Vera N. TABAK. DSc.(Hist.). Assistant at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0005-6649-9865>. Address: 49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation. vera.tabak@bk.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 13, 2024. Approved after peer review: July 29, 2024. Accepted for publication: August 31, 2024. Published: September 23, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизведения коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизведения коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружественность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружественности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружественности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружественности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Ваше участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е.Бушканец

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиа-проектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 24.09.2024
Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Filol.) Leah E. Bushkanets

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinsky pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on 24.09.2024

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pechati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsk, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

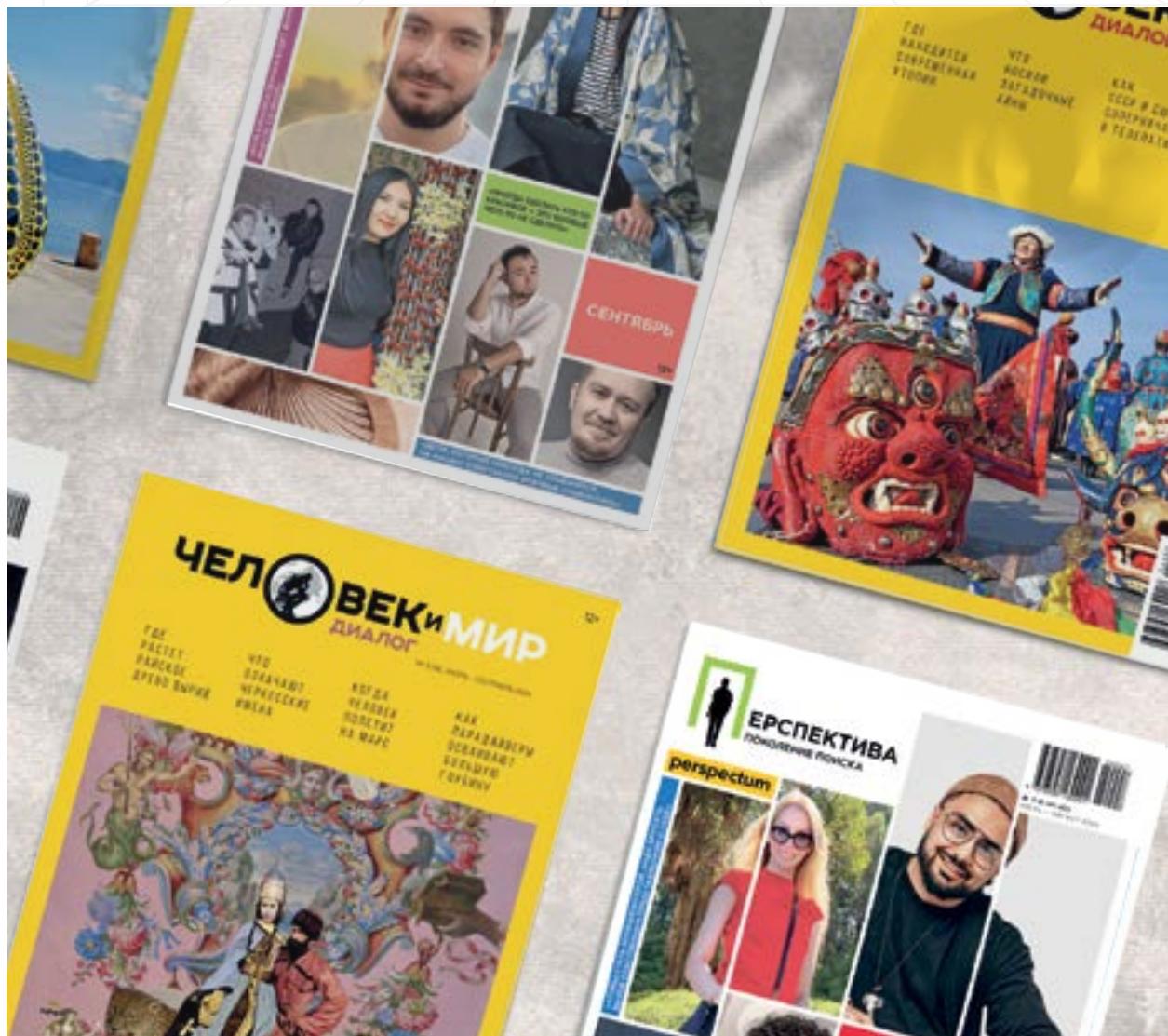

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

«Амазонки русского авангарда» – так вслед за поэтом Б.Лифшицем сегодня называют художниц Н.Гончарову, А.Экстер, Л.Попову, О.Розанову, В.Степанову и Н.Удальцову, чье творчество стало знаковой и неотъемлемой частью искусства XX века и нашим вдохновением при создании дизайна этого номера.

Дизайн обложки создан по мотивам работ Л.С.Поповой.

Любовь Сергеевна Попова (1889, Ивановское Звенигородского уезда Московской губернии – 1924, Москва) – русский и советский живописец, художница-авангардистка, график, дизайнер, театральная художница. Училась у Константина Юона, была одним из самых деятельных участников группы «Супремус» Казимира Малевича, приняла участие в легендарной выставке «5x5=25» (сентябрь 1921 года). Выставку посетил Всеволод Мейерхольд и, впечатленный талантом художницы, пригласил ее работать в театр.

Любовь Попова занималась научной деятельностью в Институте художественной культуры, созданном Василием Кандинским. Она стала первой женской педагогом ВХУТЕМАСа (советской школы искусства, архитектуры и дизайна), была ее секретарем и одним из основателей Общего основного отделения.

В 2012 году именем Любови Поповой назван кратер на самой близкой к Солнцу планете – Меркурии.

